

Научно-информационное издание
Учреждено в 2005 году.
Учредители: Удмуртский научный
центр УрО РАН, Удмуртская
республиканская общественная
организация «Союз научных и инженерных
общественных отделений»

Наука Удмуртии

Nauka Udmurtii
ISSN 1818-4030

Научно-редакционный совет:
А.М. Липанов,
академик РАН, председатель
научно-редакционного совета;
О.И. Шаврин,
д-р т.н., профессор,
заместитель председателя научно-
редакционного совета;
И.И. Рысин, д-р геогр.н., профессор,
заместитель председателя
научно-редакционного совета;
П.Б. Акмаров, к.э.н., профессор;
В.Ю. Войтович, д-р ю.н., профессор;
В.Б. Дементьев, д-р т.н., профессор;
М.И. Шишкин, д-р э.н., профессор;
А.В. Трубачёв, к.х.н., доцент;
Л.И. Шибанова, к.э.н., доцент;

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
И.И. Рысин, д-р геогр.н., профессор,
главный редактор;
А.М. Пономарев, к.филос.н.,
зам. главного редактора;
Е.А. Коротаева, к.э.н.,
ответственный секретарь

Адрес редакции:
426003, Удмуртская Республика,
г. Ижевск, ул. К.Маркса, 130, к.709;
тел: (3412) 52-80-28, факс: 52-68-60.
Адрес эл. почты: v@snioo.izhnet.ru

Подписано в печать 17.07.2013
Тираж 100 экз. Заказ №20
Отпечатано: ИПЦ «Малотражка»
Адрес: 426060, Удмуртская Республика,
г. Ижевск, ул. Энгельса, 164
тел: 8 963 548 51 43, 8 904 317 76 93
malotirazhka@mail.ru

Полное или частичное воспроизведение
материалов, содержащихся в настоящем
издании допускается
с письменного разрешения редакции.
Ссылка на журнал «Наука Удмуртии»
обязательна.

№ 4 (66), июль 2013

СОЦИАЛЬНО- ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

В НОМЕРЕ:

Слово главного редактора, вице-
президента УРОО «СНИОО», д-ра г.н,
профессора УдГУ *И.И. Рысина*3

Материалы отчетной конферен-
ции Удмуртской Республикан-
ской общественной организации
«Союз научных и инженерных
общественных отделений» (УРОО
«СНИОО»).....5

1.Протокол отчетной конферен-
ции УРОО «СНИОО»..... 5

2. *Липанов А.М.* Доклад прези-
дента УРОО «СНИОО» академи-
ка РАН10

3.*Войтович В.Ю.* Доклад учено-
го секретаря УРОО «СНИОО»
д-ра.ю.н., профессора.....19

4. Отчет ревизионной комиссии	23
5. Смета исполнения за 2012г и Смета доходов и расходов УРОО «СНИОО» на 2013г.	29
6. Решение отчетной конференции УРОО «СНИОО»	31
<u>Философия</u>	33
<i>Яркеев А.В.</i> Мифологизация социальной реальности в структурах повседневности.	33
<i>Фаррахов А.Ф.</i> Одиночество. Коммуникация. Общение.	50
<i>Шадрин А.А.</i> Славой Жижек: перспектива истины между верой и знанием.	59
<i>Пономарёв А.М.</i> Антиномии современного юридического сознания	65
<u>Политология и социология</u>	86
<i>Семенов Ю.В.</i> К мифологии местного самоуправления	86
<i>Пономарев К.А.</i> Затухающий этнос.	91
<u>Культурология</u>	111
<i>Хохрякова Д.Н.</i> Сарапул как столица Среднего Прикамья: история проекта в зеркале городской культуры	111
<u>Слово молодым</u>	127
<i>Алтынцев А.В.</i> Чувство любви в понимании евреев-ашкенази Удмуртии и Татарстана	127
<i>Адаева М.А.</i> Парадоксальность рекламной коммуникации в дискурсе масс-медиа	133
<i>Гиндуллина Е.В.</i> Роль медиа среды интернет в формировании идентичности	143
Вниманию авторов!	149

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели!

Одной из своих задач Удмуртская республиканская общественная организация «Союз научных и инженерных общественных отделений» считает пропаганду достижений учёных Удмуртии, работающих в её вузах и академических учреждениях, предоставление им посильных для нас возможностей в их профессиональной самореализации, а также развитие межрегиональных и межгосударственных связей научного сообщества нашей республики. Важным инструментом реализации заявленных задач является издание своего журнала «Наука Удмуртии», который издаётся уже почти десять лет. Эти годы могут рассматриваться как период становления нашего периодического издания. Можно уверенно утверждать, что оно состоялось: сформировался коллектив авторов, сложились традиции, журнал стал известен не только в Удмуртии, но и в соседних регионах, на его страницах публиковались материалы и зарубежных авторов.

В то же время остро стала ощущаться ограниченность формата, в котором издавался журнал, возникли новые потребности, изменилась среда, в которой работает научное сообщество. Это привело к тому, что в этом году Президиум УРОО «СНИОО» принял решение, которое должно сделать журнал «Наука Удмуртии» более интересным для вас и как для читателей, и как для авторов. Все выпуски журнала будут поделены на серии. Первой такой серией, создаваемой усилиями сотрудников Удмуртского филиала Института философии и права УрО РАН в партнёрстве с членами УРОО «СНИОО» станет серия «Социально-гуманитарные науки». В данной серии предполагается публиковать материалы по философии, социологии, политологии, культурологии и праву.

В Удмуртии несколько десятков кафедр, на которых работают специалисты по указанным направлениям. Среди них – доктора и кандидаты наук, которым есть чем поделиться с коллегами не только из своего университета, института, но и с коллегами из других вузов республики и страны. К сожалению, большинство из них не являются авторами нашего журнала. Мы искренне рассчитываем, что новый формат – специализированная серия, – мотивирует их на публикацию своих работ в нашем журнале, сделает их активными его читателями. Особо мы рассчитываем на сотрудничество с молодыми и начинающими учёными, аспирантами и студентами, для которых в каждом номере будет выделяться «трибуна».

В качестве главного редактора перед редколлегией серии я ставлю две основные задачи. Первая – способствовать развитию междисциплинарности исследований обществоведов и гуманитариев Удмуртии. Этому будет способствовать сама серия, а также организуемые ею мероприятия в сотрудничестве с Домом учёных УРОО «СНИОО». Вторая – развитие кооперации с научными сообществами других регионов России и зарубежья. С этой целью мы планируем в обозримой перспективе включение нашей серии в Российский индекс научного цитирования, а также в так называемый список ВАК России. Полагаю, что эти шаги будут способствовать пропаганде результатов исследований учёных Удмуртии среди широкой научной общественности, росту авторитета нашей науки как в самой республике, так и за её пределами и, в конечном счёте, развитию упомянутых связей, росту числа публикаций авторов и из российских регионов, и из-за рубежа.

На первых страницах журнала мы традиционно размещаем материалы, отражающие деятельность УРОО «СНИОО» (материалы и решения круглых столов, отчетных конференций, заседаний Президиума и т.п.). В данном номере мы разместили материалы отчетной конференции УРОО «СНИОО», проходившей 28 марта 2013 г.

С наилучшими пожеланиями в новом деле коллективу новой серии, её реальным и потенциальным авторам и читателям!

*Главный редактор журнала «Наука Удмуртии»
вице-президент УРОО «СНИОО»,
д.г.н., проф. И.И. Рысин*

МАТЕРИАЛЫ ОТЧЕТНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «СОЮЗ НАУЧНЫХ И ИНЖЕНЕРНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТДЕЛЕНИЙ» (УРОО «СНИОО»)

ПРОТОКОЛ

ежегодной отчетной конференции

**Удмуртской республиканской общественной организа-
ции «Союз научных и инженерных общественных отделе-
ний» (УРОО «СНИОО»)**

г. Ижевск

"28" марта 2013 г.

ПРИСУТСТВОВАЛИ:

Делегаты отчетной конференции согласно явочному листу:
35 из 39 (*Приложение 1*)

ПОВЕСТКА ДНЯ:

1. Отчет Президиума УРОО «СНИОО» за 2012 год.
2. Отчет Ревизионной комиссии за 2012 год.
3. Смета расходов и доходов за 2012 год и на 2013 год.
4. Разное.

СЛУШАЛИ:

1. О начале конференции. По данному вопросу выступил Липанов А.М., президент УРОО «СНИОО», который предложил начать конференцию в условиях присутствия 34 делегатов из 39 заявленных по списку.

ПОСТАНОВИЛИ: начать конференцию в условиях присутствия 35 делегатов из 39 заявленных по списку.

ГОЛОСОВАЛИ: "ЗА" – 35. "ПРОТИВ" - 0. "ВОЗДЕРЖАЛИСЬ" - 0.

СЛУШАЛИ:

2. Об избрании секретаря конференции. По данному вопросу выступил Липанов А.М., президент УРОО «СНИОО», который предложил избрать секретарем конференции Шишкину Е.А.

ПОСТАНОВИЛИ: избрать секретарем конференции Шишкину Е.А.

ГОЛОСОВАЛИ: "ЗА" - 35. "ПРОТИВ" - 0. "ВОЗДЕРЖАЛИСЬ" - 0.

СЛУШАЛИ:

3. Об избрании членов мандатной комиссии. По данному вопросу выступил Липанов А.М., президент УРОО «СНИОО», который обратился к делегатам с данным предложением. Уважаемые делегаты, какие будут предложения. Директор Дома ученых Л.М. Гонин (делегат от отделения краеведов) предложил избрать членами мандатной комиссии Акмарова П.Б., Комышева А.Л., Кондратьева Д.В.

ПОСТАНОВИЛИ: избрать членами мандатной комиссии Акмарова П.Б., Комышева А.Л., Кондратьева Д.В.

ГОЛОСОВАЛИ: "ЗА" - 35. "ПРОТИВ" - 0. "ВОЗДЕРЖАЛИСЬ" - 0.

СЛУШАЛИ:

4. Об избрании членов счетной комиссии. По данному вопросу выступил Комышев А.Л., который предложил избрать членами счетной комиссии Малькову И.Л., Трясцину Т.М. и Блинову Е.Р.

ПОСТАНОВИЛИ: избрать членами счетной комиссии Малькову И.Л., Трясцину Т.М., Блинову Е.Р.

ГОЛОСОВАЛИ: "ЗА" - 35. "ПРОТИВ" - 0. "ВОЗДЕРЖАЛИСЬ" - 0.

СЛУШАЛИ:

5. Об избрании членов редакционной коллегии. По данному вопросу выступил Липанов А.М., президент УРОО «СНИОО», который предложил избрать членами редакционной коллегии Рысина И.И., Войтовича В.Ю., Липанова А.М..

ПОСТАНОВИЛИ: избрать членами редакционной коллегии Рысина И.И., Войтовича В.Ю., Липанова А.М..

ГОЛОСОВАЛИ: "ЗА" - 35. "ПРОТИВ" - 0. "ВОЗДЕРЖАЛИСЬ" - 0.

СЛУШАЛИ:

6. Об утверждении повестки дня. По данному вопросу выступил Липанов А.М., президент УРОО «СНИОО», который предложил утвердить повестку дня:

1. Отчет Президиума УРОО «СНИОО» за 2012 год.
2. Отчет Ревизионной комиссии за 2012 год.
3. Смета расходов и доходов за 2012 год и на 2013 год.
4. Разное.

ПОСТАНОВИЛИ: утвердить повестку дня:

1. Отчет Президиума УРОО «СНИОО» за 2012 год.
2. Отчет Ревизионной комиссии за 2012 год.
3. Смета расходов и доходов за 2012 год и на 2013 год.
4. Разное.

ГОЛОСОВАЛИ: "ЗА" - 35. "ПРОТИВ" - 0. "ВОЗДЕРЖАЛИСЬ" - 0.

СЛУШАЛИ:

7. Об утверждении регламента выступлений. По данному вопросу выступил Липанов А.М., президент УРОО «СНИОО», который предложил утвердить следующий регламент выступлений:

Основные отчетные доклады – 15-20 мин.

Остальное – до 10 мин.

ПОСТАНОВИЛИ: утвердить следующий регламент выступлений:

Отчетные доклады – 15-20 мин.

Остальное – до 10 мин.

ГОЛОСОВАЛИ: "ЗА" - 35. "ПРОТИВ" - 0. "ВОЗДЕРЖАЛИСЬ" - 0.

СЛУШАЛИ:

8. Доклад Липанова А.М., президента УРОО «СНИОО» о работе Президиума УРОО «СНИОО» за 2012 год и 3 месяца 2013 года. (*Приложение 2*).

СЛУШАЛИ:

9. Доклад Кондратьева Д.В. об утверждении протокола мандатной комиссии (*Приложение 3, 4*).

ПОСТАНОВИЛИ: утвердить протокол мандатной комиссии.

ГОЛОСОВАЛИ: "ЗА" - 35. "ПРОТИВ" - 0. "ВОЗДЕРЖАЛИСЬ" - 0.

ПОСТАНОВИЛИ: доклад А.М. Липанова утвердить, работу Президиума УРОО СНИОО за 2012 год признать удовлетворительной.

ГОЛОСОВАЛИ: "ЗА" - 35. "ПРОТИВ" - 0. "ВОЗДЕРЖАЛИСЬ" - 0.

СЛУШАЛИ:

10. Доклад Войтовича В.Ю. «Дисциплина – основа реализации поставленных задач» (*Приложение 5*).

СЛУШАЛИ:

11. Доклад Мухиной И.А., председателя ревизионной комиссии, об утверждении отчета ревизионной комиссии (*Приложение 6*).

ПОСТАНОВИЛИ: утвердить отчет ревизионной комиссии.

ГОЛОСОВАЛИ: "ЗА" - 35. "ПРОТИВ" - 0. "ВОЗДЕРЖАЛИСЬ" - 0.

СЛУШАЛИ:

12. Выступление Кодолова В.И., о дистанционном обучении, о вопросах образования в области нанотехнологий и о перспективе выпуска журналов «Нанохимия» и «Нанобиохимия».

13. Выступление Латыпова И.А.: По каким принципам распределяются средства на финансирование отделений СНИОО?

Ответ Рысина И.И.: Средства выделяются всем, кто подает заявки, согласно плану работ отделения. Заявки предварительно обсуждаются на Президиуме. В последующем планируется разработать Положение о финансировании отделений.

14. Обращение Петрова Р.Л., представителя научного общества учащихся «Мысль», с приглашением членов УРОО «СНИОО» на предстоящую конференцию, которая состоится 13 апреля 2013 года в Доме детского (юношеского) творчества.

СЛУШАЛИ:

15. О решении отчетной конференции УРОО «СНИОО». По данному вопросу выступил Рысин И.И., который предложил добавить в решение следующие пункты:

- 1) Утвердить планы работы на будущий год;
- 2) Разработать положение о финансировании отделений;
- 3) Установить норму представительства от отделений на последующие отчетные Конференции УРОО «СНИОО»: один представитель от 10 человек;
- 4) Провести конференцию об охране окружающей среды.

ПОСТАНОВИЛИ: добавить в решение предложенные пункты.

ГОЛОСОВАЛИ: "ЗА" - 35. "ПРОТИВ" - 0. "ВОЗДЕРЖАЛИСЬ" - 0.

СЛУШАЛИ:

16. Об утверждении сметы доходов и расходов за 2012 год и на 2013 год. По данному вопросу выступила Фёдорова В.Ю., главный бухгалтер УРОО «СНИОО», которая информировала делегатов о полученных доходах и понесённых расходах в 2012 году, а также предложила утвердить смету доходов и расходов на 2013 год (*Приложение 7*).

ПОСТАНОВИЛИ: утвердить смету доходов и расходов за 2012 год и на 2013 год.

ГОЛОСОВАЛИ: "ЗА" - 35. "ПРОТИВ" - 0. "ВОЗДЕРЖАЛИСЬ" - 0.

СЛУШАЛИ:

15. Об утверждении решения отчетной конференции УРОО «СНИОО». По данному вопросу выступил Рысин И.И., который предложил утвердить проект решения отчетной конференции УРОО «СНИОО» (*Приложение 8*).

ПОСТАНОВИЛИ: утвердить решение отчетной конференции УРОО «СНИОО».

Протокол счётной комиссии №1 и 2 (*Приложение 9, 10*).

ГОЛОСОВАЛИ: "ЗА" - 35. "ПРОТИВ" - 0. "ВОЗДЕРЖАЛИСЬ" - 0.

Председатель

Липанов А.М.

Секретарь собрания

Шишкина Е.А.

ДОКЛАД ПРЕЗИДЕНТА УРОО «СНИОО» АКАДЕМИКА РАН А.М. ЛИПАНОВА

*Уважаемые коллеги-ученые,
делегаты и все присутствующие!*

На сегодняшний день в составе УРОО «СНИОО» входят отделения экономистов, юристов, химиков, географов, аграриев, инженеров, историков, философов, медиков, краеведов и т. д., всего 21 общественное отделение.

Если в 2005 г. общая численность членов общественных отделений составляла около 200 человек, то к настоящему времени она составила более 600 человек!

В апреле 2005 г. вышел в свет первый номер журнала «Наука Удмуртии» – научно-информационное издание, учредителями которого стали Удмуртский научный центр УрО РАН и УРОО «СНИОО».

Сегодня «Наука Удмуртии» является авторитетным изданием. В журнале публикуются материалы научных конференций, «круглых столов», интервью, сообщения о работе Президиума «СНИОО» и др. Если раньше Журнал издавался ежемесячно, то с прошлого года по решению Президиума мы перешли к изданию журнала не более 4 номеров в год, что связано с финансовыми затруднениями и трудностями реализации! Для доступности журнала широкой общественности планируется размещение материалов в сети Интернет на нашем официальном сайте.

С 2011 года в качестве приложения к журналу издаются «Вести краеведов Удмуртии». На сегодняшний день вышло в свет 17 номеров. Здесь размещаются материалы как известных

ученых-краеведов, так и начинающих юных исследователей, делающих свои первые шаги на научном поприще. Мы также поменяли издательство, уменьшив при этом почти в 2 раза издательские расходы.

За прошедший год много времени и финансовых средств было вложено в противопожарную безопасность здания, поскольку без соответствующего документа от пожарных служб нельзя получить лицензию на образовательную деятельность, которая планируется учрежденными нами АНО «Дом ученых» и «Союз ученых». Согласование от пожарных инспекторов в августе было получено и АНО «Союз ученых» лицензию выдали и они активно включились в развитие образовательной деятельности.

Устоявшейся практикой являются наши традиционные мероприятия, посвященные Дню науки, Защитнику Отечества, 8-му Марта, Дню Победы, Дню государственности Удмуртии, а также ряд других важных мероприятий.

4 апреля 2012 года здесь прошла очередная отчетная конференция УРОО «СНИОО», где мы отчитались о работе за 2011 год. Материалы прошлогодней конференции опубликованы в журнале «Наука Удмуртии» в 4-м номере за 2012 г. Сегодня, на очередной отчетной конференции, мы отчитываемся о работе за прошедший 2012 год и 3 месяца 2013 г. Можно выделить основные мероприятия, которые мы провели в прошлом году.

30 апреля 2012 г. здесь, в конференц-зале «Дома Ученых», состоялась III Международная научно-практическая конференция на тему «Государственное и муниципальное управление: теория, история, практика». В ней приняли участие представители регионов России и зарубежья, всего более 80 человек.

В своих докладах выступающие отмечали необходимость совершенствования правовой основы деятельности государственных и муниципальных служб РФ и в ее субъектах. Материалы конференции опубликованы в виде отдельного сборника.

25 сентября 2012 г. в Доме Ученых Удмуртии состоялся круглый стол, посвященный обсуждению итогов VI Всемирного конгресса финно-угорских народов, проходившем в начале сентября 2012 г. в венгерском городе Шиофок, расположенном на берегу озера Балатон.

С докладами о работе конгресса выступили: Галина Аркадьевна Никитина – ведущий научный сотрудник отдела исторических исследований ФГБУН «Удмуртский институт истории,

языка и литературы Уральского отделения РАН», д. и. н. и Виктор Евграфович Шудегов – депутат Государственной Думы РФ, д. ф.-м. н., профессор.

В обсуждении итогов работы конгресса приняли участие ученые, общественные деятели и представители республиканских СМИ.

Материалы по итогам VI Всемирного конгресса финно-угорских народов и стенограмма круглого стола опубликованы во 2-м номере журнала «Наука Удмуртии» за 2013 г.

4 октября 2012 г. в г. Ижевске в конференц-зале «Дома Ученых» состоялась Всероссийская научно-просветительская конференция, посвященная 75-летию со дня рождения выдающегося государственного и общественного деятеля Советского Союза и Российской Федерации - Юрия Дмитриевича Маслюкова. В мероприятии приняли участие депутаты Государственной Думы Российской Федерации, соратники и коллеги по работе, а также известные ученые. Конференция прошла в деловой рабочей обстановке. Это уже 2-я конференция, посвященная Ю.Д. Маслюкову, и есть желание проводить их ежегодно, приурочивая к Дню Машиностроителя.

С 8 по 12 октября в УдГУ совместно с УРОО «СНИОО» была организована Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Проблемы прикладной и региональной географии», посвященная 50-летию высшего географического образования в Удмуртии и 55 –летию Удмуртского отделения «Русского географического общества».

Общее количество участников конференции составило 200 человек, из них 83 человека приняли очное участие. Иногородних участников было 60 человек, они представляли ведущие вузы и научно-исследовательские учреждения России: МГУ им. М.В.Ломоносова, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Пермский национальный исследовательский университет, Санкт-Петербургский гидрометеорологический университет, Томский госуниверситет и другие. Из 14 иностранных участников очное участие в работе конференции приняли двое ученых из Германии, представлявших исследовательский центр по изучению окружающей среды имени Гельмгольца. По итогам научного форума было выпущено два сборника материалов конференции.

1 ноября 2012 г. в «Доме учёных» состоялся круглый стол, посвященный 92-й годовщине государственности Удмуртии,

целью которой было определить актуальность научных исследований государственно-правового развития Удмуртской Республики в исторической перспективе решения национальной проблемы в России.

14 декабря состоялось вручение медалей, дипломов и денежных премий победителям конкурса имени М.Т. Калашникова за 2012 год. Премия имени М.Т. Калашникова является профессиональной наградой и поощряет выдающиеся заслуги коллективов и отдельных специалистов, внёсших значительный вклад в развитие науки и техники в области машиностроения. Организатором конкурса является Союз учёных Удмуртии. В связи с объявленным в 2012 году года Оружейника, был объявлен внеочередной конкурс имени М.Т. Калашникова. В конкурсе приняли участие учёные и конструкторы Ижевского государственного технического университета, Института механики УрО РАН, Ижевского механического завода, объединения «Ижмаш».

Богатым мероприятиями был прошедший январь. Сразу после новогодних каникул (13 января) в Доме учёных состоялось праздничное новогоднее представление «Портмаськон», с участием национальных коллективов из Ижевска и ближайших от столицы районов Удмуртии. Организатором мероприятия является клуб «Удмуртлык» (рук-ль Альберт Алексеевич Разин) при активной поддержке УРОО «СНИОО».

15 января 2013 года в «Доме учёных» состоялось экспертное обсуждение проекта постановления Правительства Удмуртской Республики «Об утверждении требований по обеспечению прозрачности деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций», которое организуется в рамках объявленных Министерством экономики Удмуртской Республики публичных консультаций по проекту постановления. Организаторами мероприятия являются — УРОО «СНИОО» и Ижевская городская общественная организация «Центр социальных и образовательных инициатив». По результатам обсуждения участники выработали общее решение и в установленный срок направили в Министерство экономики УР.

29 января здесь состоялось заседание Круглого стола на тему: «О реализации в Удмуртской Республике Федерального закона от 29.12.2012 г. №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». В обсуждении закона приняли участие: депутат Государственной Думы РФ В.Е. Шудегов (основной докладчик), председатель Федерации профсоюзов работников

образования и науки УР В.В. Векшин (содокладчик), зам. министра образования и науки УР В.М. Чучков, а также депутаты Госсовета УР, члены Общественной палаты УР, представители заинтересованных министерств, ведомств и общественных организаций. В ходе обсуждения принято решение о проведении на данную тему республиканской научно-практической конференции в конце года.

Плодотворным на мероприятия был и февраль.

7 февраля организовали проведение уже ставшим традиционным – «Дня Российской науки».

На праздничном мероприятии приняли участие ученые академических институтов УрО РАН, ученые высших учебных заведений УР, члены отделений УРОО «СНИОО». На торжественном мероприятии с докладами выступили: Липанов Алексей Матвеевич - председатель Президиума Удмуртского научного центра УрО РАН, директор института прикладной механики УрО РАН, президент УРОО «СНИОО», академик РАН; Лучинкина Людмила Федоровна, советник ГФИ по УР; Килин Александр Семенович - зам. начальника отдела профессионального образования Министерства образования и науки УР; Якимович Борис Анатольевич – ректор ФГБОУ ВПО «Ижевский государственный технический университет имени М.Т.Калашникова»; Пономарев Алексей Михайлович - и.о. директора Удмуртского филиала Института философии и права УрО РАН. После выступлений началась торжественная церемония награждения ученых.

14 февраля в «Доме учёных» состоялось общественное обсуждение проекта «Методических рекомендации по проведению конкурсного отбора социально ориентированных некоммерческих организаций для предоставления субсидий из бюджета субъекта Российской Федерации», подготовленных Минэкономразвития России. Для участия в обсуждении были приглашены руководители и активисты социально ориентированных некоммерческих организаций Удмуртской Республики, эксперты в области развития институтов гражданского общества, члены общественных палат, представители Министерства экономики Удмуртской Республики. Предложения и замечания по проекту методических рекомендаций были направлены в Департамент инновационного развития Минэкономразвития России.

В Доме учёных 15-16 февраля 2013 г. в рамках ежегодных Петраковских чтений состоялась Всероссийская научная конференция на тему: «Любовь: место и роль в природе человека».

Участников конференции приветствовал 1-й вице-президент УРОО «СНИОО» профессор Рысин Иван Иванович. Он также зачитал приветственную телеграмму депутата Госдумы РФ Шудегова Виктора Евграфовича. Лирической настрой участникам научного форума создали выступления артистов ансамбля «Чип-чирган» (рук. И.В. Пчеловодова), татарского ансамбля филиала УРСПК (рук. В.Х. Хакимова) и певицы Г.Н. Дружининой.

На конференции прозвучали не только теоретические доклады – внимательно были заслушаны и обсуждены выступления студентов Медицинской академии (руководитель В.Н. Савельев) и Удмуртского госуниверситета, профессионально исследующих проблему семьи социологическими методами.

На конференции прошла также презентация книги А.А. Разина «Человековедение как практическая философия или учение о становлении человека». Доктор педагогических наук, профессор Н.Ю. Ерофеева, руководившая презентацией, книгу назвала учебником жизни и считает, что её необходимо использовать в качестве учебника в школе и в ВУЗах.

Материалы конференции изданы в виде специального номера журнала «Наука Удмуртии». В числе авторов - учёные УдГУ, ИГМА, ИжГТУ, г. Москвы, г. Пятигорска, г. Перми, г. Чебоксары, г. Набережные Челны, г. Белгорода, г. Ульяновска.

3 марта 2013 года состоялась очередная XIII открытая конференция исследовательских работ учащихся нашего отделения «Исследователь нового века». Организаторы конференции: УРОО СНИОО, Удмуртский региональный центр развития тьюторских практик, Центр детского творчества Устиновского района. В Конференции участвовали 193 человека.

79 учащихся с 4 по 11 классы из 23 образовательных учреждений г. Ижевска, г. Воткинска и Воткинского района, с. Завьялово и Завьяловского района, Камбарского района представили свои исследовательские изыскания на суд представительного жюри. Эксперты в составе представителей академической науки, учителей и студентов в неформальной обстановке обсуждали с юными исследователями полученные результаты исследований. Работа шла в 9 секциях: Краеведение и история; Природопользование; Биология; Человек и общество; Психология; Экономика; Юный исследователь – две секции; секция Филология.

В каждой секции от учредителей конференции были присуждены три диплома победителей (лауреатов), грамоты на

приз зрительских симпатий и за лучший стенд. Соответственно были поощрены и руководители юных исследователей грамотами и благодарностями от Президиума УРОО «СНИОО».

6 марта в Доме Ученых прошло традиционное мероприятие, посвященное «Дню Защитников Отечества» и «Международному женскому дню – 8-е марта». УРОО «СНИОО» была подготовлена замечательная программа с участием детских творческих коллективов, приглашены для торжественного приветствия участники военных действий, но, к сожалению, на наше приглашение участвовать в праздничном мероприятии большинство наших членов не отреагировало. Возможно, что не совсем удачно была выбрана дата проведения мероприятия или члены отделений чрезвычайно загружены работой и не остается времени на праздничные мероприятия.

12 марта здесь, в конференц-зале, состоялось общественное обсуждение по Проекту постановления Правительства Удмуртской Республики «О внесении изменений в постановление Правительства Удмуртской Республики от 17 октября 2011 года № 379 «Об утверждении Положения о порядке предоставления субсидий из бюджета Удмуртской Республики социально ориентированным некоммерческим организациям». На мероприятии приняло участие около 30 человек, представители Министерства образования и науки УР, Министерства социальной защиты населения УР, Министерства по делам молодежи УР, представители Министерства экономики УР и представители СО НКО УР. Организаторами мероприятия являются — УРОО «СНИОО» и Ижевская городская общественная организация «Центр социальных и образовательных инициатив»

19 марта научное общество учащихся (НОУ) «Мысль» организовало здесь праздничное мероприятие, посвященное 35-летию юбилею. От имени Президиума УРОО «СНИОО» в честь 60-летия Дома детского (юношеского) творчества и 35-летия Научного общества учащихся «Мысль» были вручены почетные грамоты руководителям секций отделения НОУ «Мысль», а также ученым за большой вклад в развитие исследовательской деятельности школьников города Ижевска.

Это основные мероприятия, организованные в Доме Ученых, подробная информация об этих мероприятиях размещена на нашем официальном сайте.

Все перечисленные мероприятия предварительно проходят обсуждение и согласовываются на заседаниях Президиума

УРОО «СНИОО». За период с января 2012 года по март 2013 г. проведено 12 заседаний, на которых рассматривались наиболее важные и злободневные вопросы, требующие коллегиального обсуждения.

На заседаниях Президиума рассматривались вопросы о создании новых общественных отделений не только в Ижевске, но и в других городах Удмуртии, подобно Воткинскому отделению. В начале года обсуждаются и утверждаются календарный план работы УРОО «СНИОО» и его отделений, подводятся итоги работы за прошедший год. Большое внимание уделялось вопросам улучшения работы в общественных отделениях Союза ученых, о работе автономных некоммерческих организаций «Дом ученых» и «Союз ученых», учредителями которых мы являемся и о перспективных направлениях деятельности нашей организации.

На Президиуме обычно утверждается штатное расписание на текущий год, рассматриваются финансовые вопросы, связанные с проведением уставных мероприятий отделениями, об издательских делах, о проведении праздничных и юбилейных мероприятий, о награждении ученых за выдающиеся достижения, о Доске почета УРОО «СНИОО», о присуждений премий, в т.ч. премий имени М.Т. Калашникова.

На ноябрьском Президиуме обсуждался вопрос о воссоздании «Общества изобретателей и рационализаторов в структуре УРОО «СНИОО» и разработке Положения о наградах: «Почётный изобретатель и рационализатор УР», «Заслуженный изобретатель и рационализатор УР» в свете подписанного Путиным В.В. законопроекта об учреждении Российских наград изобретателя и рационализатора.

На заседаниях Президиума обычно всегда рассматриваются вопросы, связанные с хозяйственной деятельностью УРОО «СНИОО», о способах его управления, спорные вопросы по рекламе в здании, о мероприятиях по установке пожарной и охранной сигнализации в помещениях Дома ученых, о судебных исках со стороны бывших недобросовестных арендаторов, о взаимодействии с другими собственниками помещений в здании, о выдвижении членов Союза ученых в Общественную Палату УР и целый ряд других вопросов.

Много внимания было уделено итогам проверки в июле противопожарного состояния здания со стороны МЧС, в результате которой было предъявлено предписание об устранении многочисленных нарушений, вслед за предписанием ожида-

лись штрафные санкции в размере от 150 тыс. рублей и более. Благодаря лишь оперативной работе 1-го вице-президента И.И.Рысина штрафных санкций удалось избежать.

Успешно решается проблема с распространением журнала «Наука Удмуртии», поскольку сократили количество номеров и тираж до оптимального, то последние выпуски, особенно специальный выпуск, посвященный «Петраковским чтениям», стали даже дефицитными и по просьбе авторов статей был организован выпуск дополнительного тиража.

На последнем заседании Президиума (26 марта) обсуждалась подготовка к отчетной конференции, рассматривалась смета доходов и расходов за прошедший год и план на следующий 2013 год. Более детально об этом доложит наш гл. бухгалтер, но основные плановые показатели по доходам практически выполнены (невыполнение доходов составило всего 24 тыс. рублей), что связано с отсутствием доходов от образовательной деятельности.

Хочется отметить слаженную работу членов Президиума и штатных сотрудников УРОО «СНИОО», результатом которой явились установление добрых и деловых отношений с другими собственниками здания

Большую и интересную работу проводят наши отделения. Здесь и научные конференции, и экспедиции, и курсы повышения квалификации, и различного рода «семинары».

Более детальную характеристику о работе наших отделений представит в своем докладе ученый секретарь УРОО «СНИОО» – профессор В.Ю. Войтович.

Спасибо за внимание!

**ДОКЛАД УЧЕНОГО СЕКРЕТАРЯ УРОО «СНИОО»
Д-РА Ю.Н., ПРОФЕССОРА В.Ю. ВОЙТОВИЧА
«ДИСЦИПЛИНА - ОСНОВА РЕАЛИЗАЦИИ
ПОСТАВЛЕННЫХ ЗАДАЧ»**

Уважаемый Президиум! Уважаемые делегаты отчетной конференции УРОО «СНИОО»! Уважаемые гости!

Сегодня, в условиях построения гражданского общества, демократического правового государства, основой реализации этих идей является дисциплина. Дисциплина (лат. disciplina) – определенный порядок поведения людей, отвечающий сложившимся в обществе нормам права и морали, а также требованиям той или иной организации, который определяется господствующими общественными отношениями и служит для их поддержания.

В соответствии ст.12 Конституции РФ общественное формирование является самостоятельным институтом и не входит в систему органов государственной власти. Именно через общественные формирования порождается гражданское общество. Гражданское общество – совокупность внесударственных и внеполитических отношений (экономических, хозяйственных, культурных, нравственных, духовных, организационных) имеющих относительную самостоятельность, автономность, «застрахованность» от произвольного вмешательства государства. Наш Союз является основой порождения гражданского общества, в котором согласно Уставу определены господствующие общественные отношения, так как именно Устав является правовым актом, согласно которому мы должны следовать. Он содержит индивидуально-конкретные предписания уполномоченных общественной организацией по реализации жизнедеятельности Союза, путём вынесения индивидуально-конкретных правовых предписаний.

Одним из признаков правоприменения является властная деятельность компетентных уполномоченных общественной организацией. В нашем случае она состоит в индивидуализации правовых предписаний относительно конкретного субъекта, которым является руководитель отделения УРОО «СНИОО», так как именно он носит организующую деятельность вверенного ему отделения. Специфика научного отделения предопределяет необходимость умелой работы с коллегами, что требует наличия у руководителя определенных педагогических качеств. Он должен исповедовать демократические принципы руководства. В среде ученых невозможен авторитарный режим – научная мысль не может развиваться в атмосфере давления и несвободы. Недопустимы силовые принципы руководства там, где творят и созидают. Чем свободнее и раскованней мышление учёного, тем более продуктивна его деятельность – это аксиома!

В тоже время необходимо учитывать и правовую обязанность – мера необходимого, должного поведения субъекта управления. Законодатель определил императивность этого явления – отказаться от юридической обязанности нельзя. Юридическая обязанность в первую очередь должна быть направлена на удовлетворение субъективных прав управляемого объекта и управляющего субъекта.

В связи с вышеизложенным, нам определенно необходимо понять, что те просьбы (смею заметить не указания) связанные с деятельностью Президиума УРОО «СНИОО» необходимо выполнять. Именно они исходят в интересах учёных, представителей отделений. В этом суть жизнедеятельности Союза. В чем суть сказанного – это в первую очередь те организационные мероприятия выработанные Президиумом необходимо выполнять в чётко установленный срок. Поэтому предлагаю определить точный срок подачи отчета о проделанной работе отделений и плана работы на очередной год.

Одновременно хочу отметить и следующее. Много сил и энергии приходится отдавать тому, чтобы выразить благодарность ученым-представителям отделений, которые зарекомендовали себя с лучшей стороны, как научной, так и организационной. Однако не смотря на неоднократные просьбы к руководителям отделений в организации того или иного мероприятия, не всегда это получается организовано. Так, 6 марта в 16.00 часов было организовано торжественное мероприятие, посвященное 23 февраля и 8 марта. На котором выступили достойные пред-

ставители вооруженных сил. Дан прекрасный концерт. Получили поздравления мужчины и женщины, однако посещаемость этого мероприятия желала лучшего. Пришли единицы – представители отделений. Хотя каждому руководителю была выражена просьба обеспечить посещение лучших представителей отделения. Однако прибыли лишь представители Правового отделения, Отделения инженеров, Русского философского общества, представители отделения «Исследователей нового века», НОУ «Мысль», «Русского географического общества», отделения психологов и молодых учёных. К сожалению это происходит системно. Прошу понять меня и правильно, сделать соответствующие выводы.

Также в организационном плане необходимо отделениям УРОО «СНИОО» привести всю документацию в определенный порядок. Согласно Уставу УРОО «СНИОО» каждое отделение должно разработать Положение. При этом иметь соответствующую документацию:

- 1) личные заявления о приеме в отделение;
- 2) протокол заседания отделения о приеме очередного члена отделения;
- 3) Протоколы отчётов отделений о проделанной работе за год;
- 4) Протоколы утверждения планов на очередной год и т.п.

Особенно срочно необходимо представить протоколы и личные заявления согласно списочного состава следующим отделениям:

- 1) «Государственного и муниципального строительства» (списочный состав-13, руководитель Войтович Валерий Юрьевич)
- 2) «Ассоциации общественных наук» (списочный состав-22, руководитель Ефремова Татьяна Николаевна)
- 3) «Русского философского общества» (списочный состав-24, руководитель Латыпов Ильдар Абдулхаевич)
- 4) «Научному обществу фармакологов» (списочный состав-10, руководитель Ураков Александр Ливиевич)
- 5) «Отделению психологов» (списочный состав-143, руководитель Леонов Николай Ильич)
- 6) отделению «Воткинского филиала» (списочный состав-52, руководитель Юсупов Георгий Хозевич)
- 7) отделению «Бизнес-технологий» (списочный состав-13)
- 8) отделению «РУСО»

(списочный состав-34, руководитель Дементьев Вячеслав Борисович)

Только при совместной деятельности мы сможем решать успешно поставленные задачи разработанные планом УРОО «СНИОО» на текущий год.

В заключении позвольте мне уважаемые коллеги поздравить Вас с очередной отчётной конференцией Президиума УРОО «СНИОО» и совместно выработать конкретные решения в целях хорошо отлаженной деятельности Союза и главное совместного их решения.

Спасибо за внимание!

ОТЧЕТ

Ревизионной комиссии по результатам проверки уставной и финансово-хозяйственной деятельности Удмуртской республиканской общественной организации «Союз научных и инженерных общественных отделений»

28 марта 2013г.

г. Ижевск

Проверка деятельности УРОО «СНИОО» проведена за период с 1 января по 31 декабря 2012 г.

Для проверки представлены протоколы Конференций УРОО «СНИОО», заседаний президиума, документы кадрового, налогового и бухгалтерского учета.

Проверку провела ревизионная комиссия УРОО «СНИОО» в составе: Мухина И.А., Радченко Т.С., Шибанова Л.И.

В процессе проверки ревизионной комиссией установлено:

1. Общая характеристика

В настоящий момент УРОО «СНИОО» включает в себя:

- 21 общественное отделение, в составе которых учёные различных научных направлений. Общая численность членов всех отделений УРОО «СНИОО» составляет 630 чел. Кроме того, Союз учёных объединяет в своих рядах более 600 детей из разных школ города и республики в детских отделениях: НОУ «Мысль» во Дворце творчества юных и «Исследователь нового века» в Центре детского творчества Устиновского района.

2. Организационная работа и уставная деятельность

За период с января 2012 г. по март 2013 г. проведено 12 заседаний Президиума УРОО «СНИОО», на которых рассматривались вопросы о создании новых общественных отделений, о

работе Автономных некоммерческих организаций «Дом учёных» и «Союз учёных» (учредителем которых является УРОО «СНИОО»); об улучшении работы в общественных отделениях Союза учёных, о разработке перспективных направлений деятельности организации; о выделении денежных средств на проведение уставных мероприятий, об издательских делах, о почётных званиях и Доске почёта, о проведении праздничных и юбилейных мероприятий и другие вопросы. На Президиуме, также, рассматривались вопросы, связанные с хозяйственной деятельностью «Союза учёных Удмуртии»: о его финансовом состоянии, спорные вопросы по рекламе в здании, о мероприятиях пожарной и охранной сигнализации в помещениях здания; о судебных исках, об управлении зданием, о взаимодействии с другими собственниками помещений в здании и ряд других вопросов.

На сайте «Союза учёных Удмуртии» размещаются новости, календарный план работы, фотографии и информация о проводимых в Доме учёных мероприятиях, научные конкурсы, круглые столы, конференции, поздравления ученых с Юбилеем и праздничные мероприятия.

Таблица 1

Изменение величины годовых расходов на выполнение уставных мероприятий за период с 2004 г. по 2012 г.

№ п/п	Год	Было запланировано сметой расходов (тыс.руб.)	Фактически израсходовано (тыс.руб.)
1	2004 г.	225	-
2	2005 г.	720	565
3	2006 г.	800	670
4	2007 г.	852	1026
5	2008 г.	1500	2636
6	2009 г.	1600	2300
7	2010 г.	1600	3052
8	2011 г.	1300	1946
9	2012 г.	745	1070

Нужно отметить что, начиная с 2007 года такие расходы всегда превышают запланированные сметой суммы.

Таблица 2

За 2012 г. на уставные мероприятия израсходовано средств:

№ п/п	Направления уставной деятельности	Сумма, руб.	Цели финансирования
1	Финансовая помощь отделениям «СНИОО»	592 531	- На проведение конференций и круглых столов в отделениях. А также на поощрение работы активистов отделений.
2	Финансовая помощь детским общественным отделениям «Исследователь нового века» и НОУ «Мысль»	55 534	Финансирование проведения мероприятий оплата поездок детских и школьных форумов, в том числе: - Республиканская НПК «Юность – науке и технике»; - Чтения им.Вернадского в г.Москва; - Всероссийский молодежный форум «ЮНЕКО-2011» в Москве; - Летняя экологическая экспедиция школьников Удмуртии «Лето наших открытий 2012»; - Региональная студенческая олимпиада студентов Географического факультета;
3	Финансирование мероприятий, проводимых УРОО «СНИОО» совместно с отделениями Союза	110 010	Проведение общих тематических конференций, круглых столов и других мероприятий. В том числе проведение конкурса имени М.Т. Калашникова и организация различных конференций. А также подготовка праздничных мероприятий к Дню Российской науки, к Дню 8 Марта.

№ п/п	Направления уставной деятельности	Сумма, руб.	Цели финансирования
4	Издательская деятельность	277 120	Издательские расходы на издание регулярных журналов: «Наука Удмуртии» - 4 номеров и «Вести краеведов Удмуртии» - 3 номеров; и других научных изданий
5	Командировочные расходы	34 500	Участие в российских научных конференциях и форумах (в т.ч. участие в заседании Европейской Промышленной Палаты в Москве)
ИТОГО:		1 069 695	

3. Финансово-хозяйственная деятельность организации

Основные виды хозяйственной деятельности УРОО «СНИОО»:

- оказание услуг сдачи в аренду нежилых помещений;
- прочие отдельные услуги (в том числе агентские услуги по управлению коммунальным хозяйством здания).

Основной доход от хозяйственной деятельности УРОО «СНИОО» получает от сдаваемых в аренду нежилых помещений.

Таблица 3

Изменение размера годовой выручки УРОО «СНИОО»:

№ п/п	Год	Сумма выручки, тыс.руб.
1	2004 г.	5 651
2	2005 г.	6 624
3	2006 г.	8 192
4	2007 г.	7 378
5	2008 г.	9 338
6	2009 г.	11 676

№ п/п	Год	Сумма выручки, тыс.руб.
7	2010 г.	10 029
8	2011 г.	8 870
9	2012 г.	8 259 (планировалось 8 283 т.р.)

В результате проверки финансово-хозяйственной деятельности УРОО «СНИОО», Ревизионная комиссия считает необходимым выразить следующие замечания в адрес руководства организации:

- запланированный объём доходов, в 2012 году получен не был. Разница составляет 24 000 рублей;
- В структуре полученной выручки отсутствуют доходы по образовательным услугам, которые планировались ранее;
- Распределение финансовой помощи между отделениями «Союза учёных» было неравномерным. Не все общественные отделения получили возможность финансировать проведение своих мероприятий.

4. Бухгалтерский, налоговый и кадровый учёт

Финансовые и кадровые документы за период 2012 г. содержатся в надлежащем порядке: подшиты в папки и хранятся в архиве организации. Налоговый и бухгалтерский учёт организован в соответствии с Законом «О бухгалтерском учёте», Налоговым кодексом и другими федеральными законами, что подтверждалось камеральными налоговыми проверками.

5. Плановые проверки органами государственного контроля

1) В июле 2012 года в УРОО «СНИОО» проводилась плановая проверка отделом надзорной деятельности Главного управления МЧС России, по результатам которой был составлен АКТ проверки и предписание об устранении нарушений требований пожарной безопасности. На сегодняшний день основная часть замечаний устранена, в том числе руководители УРОО «СНИОО» прошли обучение пожарно-техническому минимуму; доработана система пожарной сигнализации; произведены необходимые конструктивные изменения на путях эвакуации;

установлены противопожарные двери с необходимым пределом огнестойкости и другие мероприятия.

2) В настоящее время (с 4 марта 2013г.) в УРОО «СНИОО» проходит другая плановая проверка – Управлением Министерства юстиции России на предмет соответствия деятельности Союза учёных Удмуртии требованиям законодательства Российской Федерации, а также соответствия целям и задачам, заявленным учредительными документами. Заключение по результатам проверки будет готово в апреле 2013 г.

По результатам проверки уставной и хозяйственной деятельности УРОО «СНИОО», Ревизионная комиссия считает необходимым отметить следующие замечания:

1) **Краткосрочная дебиторская задолженность.** Текущая задолженность невелика и составляет – 73 тыс.руб., глубина не превышает 2-х месяцев.

2) **Долгосрочная дебиторская задолженность** в 2012 г. несколько снизилась и составляет 481 тыс.руб. (для сравнения: в 2011г. – она составляла 676 тыс.руб., а в 2010 г. более 2 млн. руб.) В настоящее время должники за услуги аренды:

- 157 тысяч рублей - «Ижевский институт управления» и
- 183 тысячи рублей – «Корпоративный университет»;
- 141 тысячи рублей – ООО «Удмуртгеологи-Бурение».

Первая сумма задолженности, возможно, будет получена в 2013 г. в связи с заключением Соглашения и составлением графика погашения задолженности (первоначально задолженность составляла 352 тыс.руб.; в 2012 году частично долг был погашен (195 тыс.руб.)

Вторая и третья суммы дебиторской задолженности к получению сомнительны, в связи с банкротством предприятий.

3) **Кредиторская задолженность** в УРОО «СНИОО» составляет – 92 тыс. руб. и отражает текущие расчёты с поставщиками. Уплата налогов и выплата заработной платы производится своевременно. Заёмных средств нет.

Кроме указанных выше замечаний, Ревизионная комиссия отмечает следующее:

- Необходимо продолжить работу по реализации и распространению журналов «Наука Удмуртии», изданных до 2011 г., размещать публикации в журнале на сайте УРОО «СНИОО».
- Следует активнее привлекать членов всех общественных отделений к участию в мероприятиях, проводимых в УРОО

«СНИОО» и разработать положение о финансировании уставной деятельности отделений. Кроме того, требуется уточнить численность и состав тех отделений, списки которых в последние годы не обновлялись.

- Руководству УРОО «СНИОО» рекомендуем разработать порядок подготовки материалов для оперативного размещения на сайте «Союза учёных» информации о проводимых мероприятиях во всех общественных отделениях Союза учёных.

Подписи:

Председатель ревизионной комиссии: _____ Мухина И.А.

Члены ревизионной комиссии: _____ Радченко Т.С.

_____ Шибанова Л.И.

**Смета исполнения за 2012г.
и Смета доходов и расходов УРОО «СНИОО» на 2013г.
(в тыс.руб.)**

		План на 2012г.	Исполнение за 2012г.	План на 2013г.
1	Доходы:			
1.1	Доходы от услуг аренды	7 700	7 274	7 815
1.2	Поступление дебиторской задолженности за пред.год (+250)	352	596	157
1.3	Прочие доходы (агентские усл. 242+%97+целевые50)	131	389	188
1.4	Доходы от образовательной деятельности	100	-	100
	Итого доходов:	8 283	8 259	8 260
2	Расходы:			
2.1	Коммунальные и эксплуатационные расходы; регламентные работы (3328)	2 540	2 112	2 330
2.2	Заработная плата	3 100	3 302	3 302
2.3	Начисления на зар.плату	935	942	985

		План на 2012г.	Исполнение за 2012г.	План на 2013г.
2.5	Прочие услуги-Услуги сторонних организаций (банковские услуги, реклама, программное обеспечение и обслуживание ПК, почтовые и транспортные расходы, Интернет, услуги связи, обучение сотрудников)	295	180	116
2.6	Материалы и приобретение основных средств	150	152	160
2.7	Другие расходы (судебные взыскания, судебные издержки, госпошлина и др.)	85	76	85
2.8	Налоги и обязательные платежи в бюджет (единый налог, налог на землю)	283	270	280
2.9	Командировочные расходы	30	31	35
2.10	Капитальный и текущий ремонт помещений и благоустройство территории (замена оборудования противоп.защиты; установка дополнительных пожарных извещателей, ремонт помещений)	120	124	150
2.11	Уставные мероприятия, В том числе расходы на образовательные проекты	745	1 070	817
	Итого расходов:	8 992	8 259	8 260

Главный бухгалтер

В.Ю. Фёдорова

РЕШЕНИЕ отчетной конференции Удмуртской республиканской общественной организации «Союз научных и инженерных общественных отделений»

Современный этап развития общества и государства определяет формирование гражданского общества, реализация которого возможна лишь при совершенствовании деятельности общественных формирований, их активной жизненной позиции.

Удмуртская республиканская общественная организация «Союз научных и инженерных общественных отделений» (далее УРОО «СНИОО») призвана содействовать решению наиболее важных вопросов экономического и социального развития, защиты прав и свобод человека и гражданина, обеспечению общественной безопасности путем:

- 1) привлечения граждан и общественных объединений к формированию и реализации государственной политики в сфере аграрного и промышленного производства, а также науки и техники, образования, культуры и здравоохранения;
- 2) выдвижения и поддержки гражданских инициатив, направленных на реализацию конституционных прав, свобод и законных интересов граждан Российской Федерации (РФ) и общественных объединений;
- 3) проведения общественной экспертизы проектов законов и иных нормативных правовых актов Удмуртской Республики (УР);
- 4) выработки рекомендаций органам государственной власти УР при определении приоритетов в области государственной поддержки общественных объединений, деятельность которых направлена на развитие гражданского общества в УР;
- 5) содействия развитию общественных институтов в целях формирования гражданского общества УР;
- 6) системно формировать взаимосвязь и взаимодействие с общественными объединениями РФ и УР.

В связи с решением уставных задач и дальнейшим совершенствованием деятельности УРОО «СНИОО», укреплением его политико-правового статуса, отчетная конференция принимает следующие решения:

1. Признать работу Президиума УРОО «СНИОО» за 2012 год удовлетворительной.

2. Утвердить доклад ревизионной комиссии.

3. Утвердить смету доходов и расходов за 2012 год и на 2013 год.

4. Усилить деятельность Союза ученых Удмуртии на поддержку научных исследований, от которых напрямую зависит социально-экономическое положение жителей Удмуртской Республики.

5. Совершенствовать организационную и научную деятельность отделений УРОО «СНИОО», в этих целях заслушивать на Президиуме Союза ученых руководителей отделений не реже одного раза в год; утвердить сроки предоставления отчетов о работе за текущий год – до 31 декабря, а планов работы на следующий год – до 1 декабря текущего года.

6. В целях повышения представительности отчетных конференций УРОО «СНИОО», направлять от общественных отделений одного делегата от 10 членов отделений УРОО «СНИОО» и 1-го делегата от коллективного члена-отделения.

7. В соответствии с Указом Президента РФ В.В.Путина «О проведении в Российской Федерации Года охраны окружающей среды» (№ 1157 от 10 августа 2012 г.) и Указом Президента УР А.А. Волкова «О годе охраны окружающей среды в УР» (№ 197 от 26 октября 2012 г.) принять активное участие в намеченных Правительством УР мероприятиях и оказывать содействие в решении проблем охраны окружающей среды в Удмуртской Республике.

8. Осудить не достойное для ученого публичное высказывание министра образования и науки РФ Д.В.Ливанова в адрес Российской академии наук.

9. Системно проводить совершенствование организационной деятельности Президиума УРОО «СНИОО» в целях укрепления ее финансовой устойчивости.

10. На цели премирования лучших активистов УРОО «СНИОО» по итогам 2012 года выделить 100 тысяч рублей.

Принято 28 марта 2013 года

Философия

УДК 111

МИФОЛОГИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В СТРУКТУРАХ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Яркеев А.В., к. филос. н., доцент, старший научный сотрудник Удмуртского филиала Института философии и права УрО РАН

Аннотация: в статье рассматриваются механизмы объективации социального в структурах социальной действительности как повседневной данности. Выявляются исходные гносеологические установки, приводящие к мифологизации социальной дискурсивности.

Ключевые слова: социальный миф, дискурс, объективация, повседневность, реификация

Abstract: The article considers mechanisms related to objection of social being in the structures of social reality as day-to-day entity. It also reveals initial gnoseological positions leading to mythologization of social discursiveness.

Key words: social myth, discourse, objection, everyday life, reification

Социальный миф представляет собой некий воображаемый сценарий целостного и разумного социального устройства, основанного на власти какого-то трансцендентального закона. То есть задачей социально-мифологического дискурса является создание такого видения, в котором общество «существует», в котором отношения между частями являются органическими и взаимосогласованными. Наиболее ярким и фундаментальным образчиком такого рода служит «вульгарный» натурализм, или функционализм, – представление об обществе как огромном организме, социальном теле, в котором элементы социальной структуры подобны тем или иным органам, выполняющим соответствующие функции. Иными словами, социальный миф

(или фантазм, по Ж. Лакану) – это попытка сделать социальное поле сплошным, лишенным сущностной парадоксальности, антагонистического раскола, попытка наделить социальные феномены раз и навсегда данным им местом в социальной структуре и взаимосвязью.

Имманентным условием существования социального мифа как воображаемой конструкции является измерение «социального бессознательного», то есть нерелексируемости собственных оснований, их «неузнавание», которое, тем не менее, функционирует в данном случае как «положительный» момент, ибо обеспечивает онтологическую устойчивость «социальной действительности». Ее «безусловный характер» как реифицированной данности обусловлен тем обстоятельством, что где-то на «другой сцене», в «Другом», укоренено основополагающее не-знание. «Социальное воображаемое» как мифотворческая инстанция, если придерживаться Ж. Лакана, может существовать исключительно на основе «неузнавания» своих собственных предпосылок.

Как поясняет С. Жижек, функционирование мифологического фантазма аналогично роли кантовского трансцендентального схематизма в процессе познания. У И. Канта трансцендентальный схематизм является промежуточной инстанцией, опосредующей эмпирический опыт и систему трансцендентальных категорий путем включения первого во второе, которая и устанавливает способ восприятия и постижения объектов (качества, причинные связи и т.д.). Пустая всеобщая идея переводится с помощью трансцендентальной схемы в понятие, которое имеет непосредственное отношение к «жизненному опыту». То есть, по-другому, фантазм работает как «абсолютная сигнификация», конституирующая рамки, через которые социальный мир воспринимается как устойчивый и осмысленный, как априорное пространство, в котором располагаются те или иные эффекты сигнификации. Самоочевидной повседневностью изначально задается скелет кантовского трансцендентального субъекта – своеобразная система априорных трансцендентальных категорий, определяющая впоследствии объективацию структур научного знания социальной реальности. «Репрессированная» социальная логика мышления и действия индивидов «проявляется вслед за тем в форме своей противоположности – как универсального Разума, созерцающего природу (сеть категорий «чистого разума» как понятийная схема естествознания)» [5, с. 28].

Такая система трансцендентальных категорий есть не что иное, как типизированная структура социального мира в конструктах повседневного мышления, для которого характерно специфическое «эпохэ наоборот», состоящее в воздержании от всякого сомнения в существовании мира и в том, что мир мог бы оказаться иным, чем он представляется. «Реальность повседневной жизни, – пишут П. Бергер и Т. Лукман, – в качестве реальности имеет само собой разумеющийся характер. Она не требует никакой дополнительной проверки сверх того, что она просто существует. Она существует как самоочевидная и непреодолимая фактичность. Я знаю, что она реальна. Хотя у меня и могут возникнуть сомнения в ее реальности, я должен воздержаться от них, поскольку живу повседневной жизнью согласно заведенному порядку» [1, с. 44]. Социальный миф формирует поле «социальной действительности», основой которого, таким образом, является предварительный постулат естественной установки повседневного сознания «как-если-бы-это-было-так-на-самом-деле», придающий объективно онтологический статус категориям социальной реальности. Иными словами, социальная реальность мифологизируется в результате ее реификации, или овеществления: «реификацию можно считать последней ступенью в процессе объективации, благодаря которой объективированный мир перестает восприниматься как человеческое предприятие и за ним закрепляется качество нечеловеческой, дегуманизированной и инертной фактичности» [1, с. 147].

Решающая роль в объективации социальной реальности в структурах повседневности отводится языку, поскольку сама повседневность есть не что иное, как жизнь, разделяемая с другими посредством языка. Индивид сталкивается с языком как с внешней для него фактичностью, оказывающей принудительное воздействие путем подчинения своим структурам, логике и категориям. В той мере, в какой язык типизирует опыт, он его анонимизирует (так возникает лакановский «Другой, предположительно знающий»), так как опыт, подвергшийся типизации, в принципе может быть воспроизведен любым, кто попадает в рассматриваемую категорию. Индивидуальное «я», представляющее собой обобщенный образ «Другого», распадается на множество социальных ролей, совпадающих с предписанными реифицированными типизациями, которые закрепляются в языковых схемах действия. Как основная форма отложения типичных схем опыта язык оказывается для индивида такой

же овеществленной частью мира, как и множество других его опредмеченных частей.

Благодаря своей способности трансцендировать точку «здесь-и-сейчас», язык обеспечивает конфигурирование пространственных и временных отношений, порождая эффект присутствия отсутствующих «здесь-и-сейчас» объектов и ситуаций, задавая ретроспективное и проспективное смыслополагание как конструирование прошлого и будущего. Язык является тем миром, который одновременно и имманентен, и трансцендентен социальному субъекту: это способ деятельности любого отдельно взятого индивида (план имманенции), не зависящего при этом от него, а потому трансцендентного ему. Мир означающего априорен, ибо содержит в себе априорные предпосылки для идентификации его объектов, и в этом смысле интерсубъективен, трансцендентен по отношению к каждому индивидуальному сознанию. Однако в отличие от кантовской системы априори, внеположенной по отношению к миру, в котором эта система априори полагалась действующей (то есть категории разума в мире перцепции), языковые априори имманентны этому трансцендентному миру, и не константно-божественны, а социокультурно изменчивы, то есть историчны; трансцендентализм этот коренится в исторически-изменчивых системах означающих.

Можно, следовательно, заключить, что социальная реальность воспринимается как объективная данность именно по причине ее «внешней» воплощенности в языковых конструктах. Сам язык, однако, при этом не просматривается, не учитывается, в силу чего повседневное мышление и основанный на его естественной установке научный объективизм гипостазировать язык, возводя его номинации в ранг субстанциальных образований «сущих-в-себе». Квинтэссенцией такого навыка рассуждений в области социального знания может служить положение Э. Дюркгейма о том, что социальные факты должны рассматриваться как вещи. Вся совокупность взаимосвязанных социальных фактов как изначально непроницаемых для ума «вещей-в-себе» является обществом, состоящим из индивидов. Под социальными фактами подразумеваются «способы мышления, деятельности и чувствования, находящиеся вне индивида и наделенные принудительной силой, вследствие которой они ему навязываются» [4, с. 413]. Когда индивид появляется на свет, он застаёт в качестве уже сложившегося до него то, что со-

ставляет в совокупности общество, – законы, ритуалы, обряды, институты, язык и т.д. Таким образом, социальный факт имеет собственное существование и способен оказывать на индивида принудительное воздействие, иницируя тот или иной способ поведения.

Н. Элиас по этому поводу пишет, что «переживания подобного рода кристаллизуются в мифологическое представление о том, что такие общественные единицы, как нации, расы или классы, фактически существуют также до и независимо от всех индивидов, что, так сказать, имеются общества без индивидов» [13, с. 123]. Все дело, однако, заключается в том, что дискуссии, в которых разгораются страсти по вопросу относительно того, следует ли, к примеру, ставить «индивида» над «обществом» или, наоборот, «общество» над «индивидом», обращаются с этими оппозициями и подобными им (с многочисленными социальными тождествами и различиями) как с чем-то существующим в действительности. «При внимательном рассмотрении, – продолжает рассуждать Н. Элиас, – окажется, что «индивид» и «общество» можно противопоставлять друг другу как две отдельные фигуры исключительно в рамках языка» [13, с. 207]. Язык как категориальная схема представляет собой, считает Н. Элиас, нечто вроде «линзы», сквозь которую люди в своей повседневной практике смотрят на «внешний» социальный порядок, воспринимая его как само собой разумеющийся, но не замечая при этом сам экран, саму «линзу языка», обеспечивающую перспективу обзора и очерчивающую его горизонт. В результате возникает то, что можно обозначить как «прозрачная непрозрачность», или «непрозрачная прозрачность», которая конституирует мифологическое восприятие текста социальной реальности как субстанциальной данности.

Согласно научному рационализму, вырастающему на почве естественной установки повседневного опыта, субъект-объектные отношения не могут быть опосредованы ничем третьим, поэтому язык выступает здесь абсолютно прозрачным средством, индифферентно фиксирующим результаты деятельности познающего разума. Мир описывается, якобы, таким, каким он есть на самом деле, поскольку предполагается, что между разумом и миром существует отношение естественной сигнификации. К этой проблеме совпадения смысла и вещи специально обращается Ж. Деррида в своей работе «О грамматологии», в которой пишет, что для западной традиции

«вещь или реальность» оказывается приравненной к «смыслу или нозме» и в таком понимании вещь и смысл становились означаемыми (вещь выступает в форме материализованного означаемого) [3, с. 125]. Это совпадение является следствием господства репрезентативной (репродуктивной) теории языка, которая предполагает наличие первичной реальности, которую можно было бы копировать, то есть той первичной сущности, которая скрывается под лингвистическим термином; полагается, что по сути своей знаки есть некоторая деривация, что они вторичны относительно бытия и используются для его описания в ситуации присутствия: «значение отрывается от знака Логосом и выносится в воображаемое присутствие, претендуя тем самым на роль двойника Бытия...» [2, с. 92]. Восприятие языка как послушного средства логоцентристского дискурса, при помощи которого можно якобы обозначить любое значение, предлагающееся в мысли, не прибегая для этого к вспомогательным метафорическим инструментам, впервые подверг тотальной критике Ф. Ницше, назвав эту установку мифологизацией философии, чьи истины суть «марширующая армия метафор».

По мнению Ю. Качанова, скептически относящегося к так называемому «социальному реализму», «трансцендентальным условием» возможности социально-философского и социологического познания в рамках западноевропейской логоцентристской традиции является «присутствие», которое концептуализируется как субстанциальная данность. Присутствие представляется самоочевидным, обосновывая иллюзию предданности сущих социального мира, его независимости от метода исследования. Так, социология, отмечает Ю. Качанов, начинает с «присутствия», как, скажем, математика начинает с «пространства» и «математической точки», то есть с неких изначальных, неопределимых самотождественностей. «Социология утверждает присутствие неких сущностей – «класса», «социальной группы», «нации», «семьи», «личности» – как присутствующих сущих социального мира, достоверных в их фактичности. В качестве непосредственной достоверности, – того, что наличествует как бы само по себе и понятно без понятия, достоверно для всякого сознания, – присутствие устраняет все допущения, поскольку отодвигает их к эмпирической данности. Присутствие «понятно без понятия» в том смысле, что предполагается, будто оно может функционировать без эксплицитного и исчерпывающего указания признаков, наличествует вне

своего означающего и указывает лишь на самое себя. Иными словами, присутствие наделено значением (денотатом), но не смыслом (содержанием): оно настолько самоочевидно, что не нуждается в концепте и потому не подвержено концептуальной относительности. Какова бы ни была природа присутствия, его сложное, но единое значение призвано обеспечить целостность суждений о нем, не прибегая к эксплицитно определенному содержанию. То, что содержание присутствия элиминируется, предполагает его общедоступность, необходимость, очевидность» [8, с. 34–35].

Требование сохранения принципа субъект-объектного тождества в структурах языка в качестве основания системы целостного и непротиворечивого социального знания нарушается в социальном мифе вследствие объективации субъективного, в итоге операциональные различия, составляющие селективный код исследовательского процесса, натурализируются и воспринимаются в качестве объективных различий. В этом смысле миф, отмечает С. Жижек, связан со «странной категорией объективно субъективного – что-то может казаться вам существующим объективно, даже если этого на самом деле не существует» [6, с. 39]. Понятие «объективно субъективного», характеризующее сущность мифа, С. Жижек поясняет следующим образом: видимость, истолковываемая в объективном смысле, описывает ситуацию, при которой само различие между объективной действительностью и субъективной видимостью вписано в саму эту субъективную видимость. В результате этого отражения в видимости оппозиции мы получаем парадоксальное понятие «объективной видимости», то есть того, «какими в действительности мне кажутся вещи». «Диалектический синтез между царством Объективного и царством Субъективного состоит не в простом понятии субъективной видимости как опосредованного выражения объективной реальности, но в идее видимости, которая объективирует себя и начинает функционировать как реальная видимость» (видимость, опирающаяся на большого Другого, на символическое учреждение) в отношении субъективной видимости действительных индивидов» [6, с. 42–43].

В рамках повседневности процедура «отнесения к типу» отождествляется с объективной интерпретацией, которая конституирует мир готового опыта или «объективного смысла». Это готовые предсуждения, предпонимания, предрассудки, определяющие устойчивый смысловой контекст и готовые

схемы интерпретации опыта, в связи с чем возникает феномен «знания до знания, веры до веры», или, по-другому, «не знающего знания». Это априорное знание существует как «Другой, предположительно знающий», то есть язык, в структурах которого «дана» социальная действительность. Вопросая об этом мире и его содержании в самой общей форме «что это такое?» и отвечая «это есть то-то и то-то» мы тем самым уже заранее предполагаем, предпосылаем, что этот мир существует. «Предположение» можно интерпретировать и как «положение-пред», то есть как движение объективации, «о-пред-мечивание», «представление». Принцип априорной конструированности познавательных объектов был впервые задан И. Кантом и впоследствии получил наиболее полную и последовательную развертку в философии тождества Ф. Шеллинга. Именно от И. Канта идет представление о процедуре гипостазирования, когда происходит принятие предмета мыслимого за предмет сам по себе – теоретический конструкт выступает в результате как некая сущность, наделенная независимым от теории бытием. На это обстоятельство указывал и Ф. Шеллинг: «Каждый эксперимент – это вопрос природе, на который ее вынуждают дать ответ. Но в каждом вопросе содержится скрытое априорное суждение; каждый эксперимент... есть предсказание, а само экспериментирование – создание явлений. Таким образом, первый шаг к науке совершается... посредством того, что исследователи начинают сами создавать объекты этой науки» [12, с. 186]. Знать, пишет Ф. Шеллинг, можно только такие объекты, принцип возможности которых нам заранее понятны: «Мы знаем только то, что производим сами; следовательно, знание в самом строгом смысле слова есть чистое, априорное знание» [Там же]. При этом изначально мы знаем лишь то, что извлекаем из своего повседневного опыта, который является априорным по причине его восприятия в качестве необходимого, доксального. Докса представляет собой всеобъемлющую и предваряющую интерпретированность социального мира, выступая условием «объективного», иными словами – общезначимого, социального знания. Еще до всякой социально-философской и социологической рефлексии социальный мир дан «всегда уже» как мир, интерпретированный в языке, в пред-понятиях доксального опыта.

Именно в этом пункте рассуждений психоанализ (преимущественно в его лакановской версии) и герменевтика коренным образом сближаются, выдвигая общий тезис: понимание (знание) возможно только на основе пред-понимания (пред-знания); при этом пред-понимание определяется пред-рассудками, то есть некими бессознательными структурами. Традиционная антиномия «веры и знания», посредством которой осуществлялось разграничение науки и религии, здесь требует использования обоих регистров одновременно. Познание объекта возможно только в том случае, если ты заранее уже уверовал, уверен в его безусловном существовании («ты не искал бы меня, если бы уже не нашел»). Все дело заключается в том, как сказал бы Ж. Лакан, способны ли мы, производящие подсчет, отрефлексировать самих себя как уже включенных в структуру этого подсчета. Если этого не происходит, возникает миф, в системе знания начинает работать, искусственно преодолевая ее энтропию, фантом наподобие «демона Максвелла», также как и у Р. Декарта вводимый задним числом Бог, который не может быть обманщиком и который удостоверяет момент *cogito*. Для Р. Декарта, пишет об этом Ж. Лакан, «субъект был субъектом достоверного знания и знаменовал собою отказ от всякого предшествующего ему, предваряющего его знания. Мы же, благодаря Фрейду, знаем, что субъект бессознательного так или иначе о себе заявляет, что еще прежде достижения им достоверности налицо мысль» [9, с. 43]. Существование пред-знания и его трансляция в языковой форме по традиции («пред-рассудки») от индивида к индивиду служит здесь одним из ключевых моментов, учет которого способствует прояснению логики образования социального мифа. В этой связи представляется необходимым адресоваться к тому, что Ж. Лакан называет «ретроверсивным эффектом именованья». Эффект этот возникает в результате расщепления между собой серий означающего и означаемого.

Разрыв между языком как означающей цепочкой и порядком означаемого как вовлекаемой в сигнификативные сети реальностью носит двойственный характер. Во-первых, прецессия означаемых всегда, по крайней мере на «один такт», отстает от движения означающей цепочки, непосредственное существование индивида носит запаздывающий по отношению к языку характер (индивид рождается в язык, который уже до него существовал). Во-вторых, язык с самого начала дан как бесконечная тотальность, в которой заранее уже все возможное обозна-

чено; по отношению к языку означаемые серии производны и остаются лишь бесконечным, асимптотическим приближением. Другими словами, языка всегда больше чем то, что можно с его помощью обозначить. Означающие последовательности поэтому характеризуются избытком, а означаемые – нехваткой. Лакуна между двумя сериями функционирует в качестве мифопорождающей инстанции «плавающего означающего», или «нонсенса». Инстанция эта представляет собой своеобразную функцию хаоса в системе порядка и является местоположением субъективности в структурах языка. Не обладая никаким конкретным содержанием, нулевое означающее как «место пристежки» во взаимном семантическом скольжении двух серий способно задавать идентичность дискурсивного поля значений, что является, согласно К. Леви-Стросу, «установлением нулевого типа». «Эти установления (нулевого типа. – прим. А. Я.), – пишет К. Леви-Строс, – не обладают никакими особыми им присущими качествами, они лишь создают предварительные условия, необходимые для существования социальной системы, к которой они относятся, хотя сами по себе они лишены значения; только их наличие позволяет этой системе выступать как некое целостное единство... Эта проблема состоит в существовании установлений, не имеющих другой функции, кроме той, что они придают смысл обществу, которому они принадлежат» [10, с. 143]. Такой институт «нулевой степени» сигнализирует о присутствии и актуальности социальных институтов как таковых в оппозиции к их отсутствию, досоциальному хаосу. Именно связь с таким установлением нулевого типа позволяет всем членам общества переживать себя в качестве таковых, членов одного и того же общества. С. Жижек называет это установление нулевого типа «идеологией в чистом виде, прямым воплощением идеологической функции обеспечения нейтрального всеобъемлющего пространства, в котором стирается социальный антагонизм, в котором все члены общества способны себя узнавать» [7, с. 120]. Борьба же за гегемонию являет собой в таком случае то, «как именно установление нулевого типа будет сверхдетерминировано, в какое именно значение оно будет окрашено» [7, с. 120–121]. «Натурализованные» конструкты нулевого типа как «естественная» установка мышления служат нейтральным основанием институтам, воспринимаемым как социальные артефакты. «Нация», или «национальная идентичность», переживается как по крайней мере минимально

«естественная» принадлежность, основывающаяся на «крови и почве», и в качестве таковой она противопоставляется «искусственной принадлежности» собственно социальным институтам – государству, профессии и т.п.

Эссенциалистская иллюзия в социальном мифе возникает вследствие отставания означаемого от движения означающей цепочки и состоит в том, что произвольное значение того или иного понятия, социального конструкта («нация», «класс» и т.п.) не задается интервенцией в поле свободно циркулирующего означающего господствующего маркера, выступающего центрирующим фактором, а заложено изначально в его форме как имманентная сущность. Некое понятие, якобы, «в любом из возможных миров» имеет жестко ограниченный и фиксированный набор признаков, объективированных качеств, предьявляющих соответствующее социокультурное явление как данность, как оно есть «по самой своей природе». В эссенциализме означаемое (содержание понятия) имеет логический приоритет над планом выражения: множество объектов, к которым относится слово, определяется универсальными свойствами, охватываемыми его значением. Данное представление, присущее номинативной, или дескриптивной, теории воплощается в таком устройстве языка, которое каждому означающему ставит в строгое соответствие свое означаемое. Однако именно здесь у дескриптивизма и возникают наибольшие проблемы и затруднения, что прослеживается хотя бы на примере теории «языковых игр» Л. Витгенштейна. Действительно, если значение – это предзаданная идеальная норма, то как тогда объяснить, что в различных контекстах его употребления оно меняется вплоть до противоположного исходному. В эссенциалистском подходе к языку как прозрачному вспомогательному инструменту не рефлектируется, не просматривается то обстоятельство, что, во-первых, связь между означающим и означаемым носит радикально произвольный характер (именно эта произвольность и является, согласно Ф. де Соссюру, условием стабильности связи), и, во-вторых, идентичность какого-либо социального объекта конституируется перформативным действием его собственного означающего – объект таков именно потому, что он так называется. «Соединение означающего и означаемого (их прикалывание), о котором я говорю, – писал Ж.Лакан, – еще никому не удавалось совершить, ибо точка их схватывания всегда мифична, так как означаемые всегда находятся в состоянии

блуждания, «соскальзывания»... напротив, можно осуществить соединение (прикалывание) означающего к означаемому и посмотреть, что из этого выйдет. Но в этом случае всегда происходит нечто новое... а именно возникновение нового значения» [Цит. по: 11, с. 43].

Инстанция нонсенса, в которой размещается субъект-наблюдатель, придающий фиксированное значение полю означающего, в эссенциалистском мифе выносится за пределы этого поля, превращаясь во «всевидящее око» трансцендентного зрителя, или реифицируется в конструкте «трансцендентального означаемого», предшествующего всякой сигнификации и, более того, ее детерминирующего. «Элемент, – отмечает С. Жижек, – репрезентирующий в структуре высказывания то, что значение высказывания имманентно акту его провозглашения, воспринимается как некий трансцендентный гарант. Элемент, просто-напросто занимающий место нехватки, элемент, чья «телесность» есть не что иное, как воплощение нехватки, воспринимается как точка предельной полноты. Короче – чистое различие воспринимается как Идентичность, исключенная из игры отношений и дифференций и даже гарантирующая их гомогению» [5, с. 105].

В противоположность номинативной модели языка, Ж. Лакан предлагает рассматривать цепочки означающего и означаемого как направленные в разные стороны и пересекающиеся в двух гипотетических точках, отрезок между которыми выступает в функции «места пристежки». Основной особенностью данной конфигурации является то, что вектор субъективного намерения пристегивает вектор означающей цепочки в обратном направлении, то есть ретроактивно: он покидает эту цепочку в точке, предшествующей той, в которой он встречается с данной цепочкой. Поэтому имя является «неизменным» «задним числом», то есть однажды мы оказываемся «уже с ним». «Ретроверсивный эффект» продуцирует иллюзию, которая состоит в том, что нечто воспринимается как существовавшее изначально, и, кроме того, лежит в основании воображаемого измерения социального мифа, при котором взгляд на социальные объекты «не замечает» сам регистр языка.

Если вновь обратиться к тому, как Н. Элиас трактует мифологизированное представление об обществе, то можно сказать, что общество на самом деле оказывается существующим без индивидов, оно представляет собой «пустое место», или

топологическое пространство поименованных пустых мест. Концепт «общество» и есть тот самый «жесткий десигнатор», центральное пустое означающее, которое исключительно как слово унифицирует поле социальной дискурсивности, задает ее идентичность. Это такое слово, к которому сами «социальные вещи» (в смысле Э. Дюркгейма) апеллируют, дабы «уяснить» себя в своей целостности и осмысленности.

На основе изложенных представлений можно сделать вывод о том, что попытки понимания социальной реальности в аспекте научного объективизма через отнесение ее к данности как объективному референту, определяющему основания социальной рациональности, приводит к мифологизации социально-философских построений, что является следствием процедуры эссенциализации и гипостазирования социокультурных конструктов, существующих лишь в форме символических конфигураций в языковом поле социальной дискурсивности.

Таким образом, если говорить о механизмах мифологизации социальной реальности *in concreto*, то представляется возможным выделить три взаимосвязанных способа, а именно: гипостазирование социальных понятий, реификацию социальных отношений и эссенциализацию социальных сущностей.

В классической парадигме философствования от рационального мышления требуют соответствия бытию: познание определяется в своей истинностной функции, ориентируясь на объективные закономерности внешней действительности, обладая для этого необходимыми «врожденными» идеями, позволяющими выстроить адекватную внешнему «положению вещей» систему знания.

Классическая социальная теория пытается утвердиться как позитивная наука о социальных фактах, понимающихся как то, что отлично от субъективных мнений, оценок, идеологической предубежденности. Включенность исследователя в социум как объект изучения расценивается как идеологическая ангажированность. Условием объективного описания социальной данности должно быть вынесение субъекта за границы описываемого объекта, что находит свое отражение в принципе «естественной установки». «Естественная установка» задается предположением о том, что социальный мир наличествует как данность, что он «таков, каков он есть», и что различия во мнениях есть результат разнообразия «субъективных» перспектив, опыта, воспоминаний, не позволяющих предоставить общезначимо-

го, научно достоверного знания. Допускается лишь некий исторически, этнически или культурно обусловленный релятивизм, но не подвергается сомнению существование объективной социальной действительности, обладающей собственными имманентными законами. Такая исследовательская позиция последовательно приводит к эссенциализации и мифологизации социальной реальности.

Согласно научному рационализму, вырастающему на почве естественной установки повседневного опыта, субъект-объектные отношения, согласно логике «*tertium non datur*», не могут быть опосредованы ничем «третьим», поэтому язык выступает здесь абсолютно прозрачным и потому не просматриваемым средством, индифферентно фиксирующим результаты деятельности познающего разума. Мир описывается, якобы, таким, каким он есть на самом деле, поскольку предполагается, что между разумом и миром существует отношение «естественной» сигнификации. Это совпадение является следствием господства номинативной, или репрезентативной (репродуктивной), теории языка, предполагающей наличие первичной реальности, которую можно было бы копировать, воспроизводить (ре-продуцировать), то есть той первичной сущности, которая скрывается под лингвистическим термином (так называемое «трансцендентальное означаемое», предшествующее всякой сигнификации). Полагается, что по сути своей знаки есть некоторая деривация, что они вторичны относительно бытия и используются для его описания в модусе «так, как это существует в действительности». Возникает принцип «удвоения реальности». В силу такой установки из поля зрения выпадает радикальная произвольность и перформативность любой номинации, направленной на схватывание «внеязыковых» структур социальной действительности.

Стремление мыслить общество в качестве чего-то такого, что можно наблюдать извне, объективно, беспристрастно протоколируя результаты исследования с помощью категорий языка, приводит к трансценденции позиции наблюдателя и объективации языковой практики конструирования социальной реальности. Операциональные различия языка, используемые исследователем как методологический инструментарий при тематизации социальной реальности, гипостазируются, рассматриваются как налично данные факты, как объективные различия. Социальный субъект, применяющий различия

для осуществления конструирующей операции наблюдения за социальной реальностью, исключает самого себя из того, что он наблюдает, становясь тем самым «исключенным третьим» своего наблюдения, безотносительным к тому, какое он использует языковое различие. Таким образом, сама практика обозначающего различия не проявляется, не рефлегируется в этом различии. Она существует как «слепое пятно» системы социального знания, как «место» отсутствующего субъекта, или «место»-положение рационализирующей объективации социальной субъективности как пространства «социального воображаемого».

Реификация социальных отношений продуцирует концепции, связанные с установлением объективной структуры социальной действительности, что в свою очередь провоцирует поиск исходной структуры как окончательного и универсального инварианта, задающего правила взаимного конвертирования и порождения всех частных социальных структур. В процессе последовательного «счищения» слоев, обнаружения за многочисленными частными структурами все более общих, в остатке получается «нулевая», или «отсутствующая», структура, которой будет являться уровень бессознательной повседневности как вообще нулевой уровень социальности. Социальная структура, что вполне очевидно, может раскрываться только в порядке теоретической рефлексии, которая предполагает под собой «скачок», мысленное дистанцирование исследователя-наблюдателя от изучаемого социального объекта. Тем не менее, естественная установка продолжает неявно фигурировать и в теоретической рефлексии, определяя собой объективистский взгляд на существование социальных структур, которые, будучи всего лишь методологическим инструментарием социального конструирования, рассматриваются в дискурсе эссенциализма в качестве онтологических образований «социальных вещей».

Данная область «сверх-бытия» формирует особую реальность, не сводимую к действительности, – это реальность самого мышления и языка, но язык, который здесь фигурирует, должен пониматься не в качестве номинативного, или дескриптивного. Это язык конструирующий, имеющий отношение не к действительности, а к самому себе. Он образует пространство существования мифа, рациональность которого является имманентной, производимой в автономии языковой реальности, обусловленной не поисками значений, а поисками смысла.

Самообращающийся язык обнаруживает себя в качестве объекта, в результате чего происходит объективация языковой деятельности. Структурой самообращения языка является «диалогический монолог» как «разговор» языка с самим собой, овеществляющийся в знаках социального текста. Как мы полагаем, сферой бытия мифологического дискурса является «область» языковой деятельности, в которой осуществляется гипостазирование и реификация социальных значений и отношений. Происходящая вследствие этого в тексте социального мифа эссенциализация социальных сущностей конституирует трансформацию языковой социальной реальности в социальную действительность «сущих-в-себе», объективное существование которой утверждается в качестве аподиктического основания системы научного социального знания.

Объективирующее исключение социального субъекта как единства различий из познавательного отношения приводит к парадоксализации системы социального знания, блокирующей ее целостное (непротиворечивое) и осмысленное выстраивание. Системный «разрыв» заполняется мифологическими конструктами, которые не столько соединяют, сколько увеличивают «разрыв», субстанциализируя структуры мышления и объективируя смыслы социального.

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995. 323 с.
2. Гурко Е., Деррида Ж. Деконструкция: тексты и интерпретация. Минск: Экономпресс, 2001. 320 с.
3. Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000. 511 с.
4. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1990. 575 с.
5. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М.: Художественный журнал, 1999. 240 с.
6. Жижек С. Интерпассивность. СПб.: Алетейя, 2005. 156 с.
7. Жижек С. Хрупкий абсолюте, или почему стоит бороться за христианское наследие. М.: Художественный журнал, 2003. 178 с.

8. Качанов Ю. О проблеме реальности в социологии // Социологос. S|A, 97. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии Российской Академии наук. М.: Ин-т эксперимент. Социологии, 1996. С.57-81
9. Лакан Ж. Четыре основные понятия психоанализа. М.: Гнозис, Логос, 2004. 304 с.
10. Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1985. 535 с.
11. Филиппов Л. Структурный психоанализ Ж. Лакана и субъект творчества в структурном литературоведении // Теории, школы, концепции (критические анализы). Художественный образ и структура. М.: Мысль, 1975. С. 44-63
12. Шеллинг Ф. Введение к наброску системы натурфилософии, или о понятии умозрительной физики и о внутренней организации системы этой науки //Шеллинг Ф. Сочинения в 2 т. Т.1. М.: Мысль, 1987. С. 182-226.
13. Элиас Н. Общество индивидов. М.: Праксис, 2001. 336 с.

Mythologization of social reality in the structures of everyday life
 Yarkeev A.V., Candidate of Philosophy, associate professor, major researcher, Udmurt branch of Institute of Philosophy and Law (Ural Branch of Russian Academy of Sciences), 426067, Russia, Izhevsk, 34 ul. T. Baramzinoy, E-mail: alex_yarkeev@mail.ru

УДК 1:316 (045)

ОДИНОЧЕСТВО. КОММУНИКАЦИЯ. ОБЩЕНИЕ*Фаррахов А. Ф., аспирант ИжГТУ*

Аннотация: статья раскрывает возможные причины возникновения такого социального феномена, как одиночество. Предполагается, что современная культура «омассовления» людей, главным образом, через СМИ способствует дальнейшему усугублению социальной изолированности индивидов.

Ключевые слова: одиночество, СМИ, когнитивный диссонанс, социальные взаимоотношения.

Abstract: The article opens the possible reasons of appearing of such a social phenomenon as loneliness. It is thought that the modern culture of mass standard coining through mass media facilitates the further social isolation of individuals.

Key words: loneliness, mass media, cognitive dissonance, social relations.

*Коммуникация – общение одиночек.
К. Ясперс*

Тема одиночества безбрежна в современной философской и социологической литературе. Одиночество, в отличие от объективной изолированности человека, которая может быть и добровольной и исполненной внутреннего смысла, отражает тягостный разлад личности, господство дисгармонии, страдания, кризиса «Я». Весь мир окрашивается в трагедийные тона и начинает восприниматься как малозначимый, лишенный смысла и ценности. Таким образом, можно констатировать, что одиночество это субъективное внутреннее переживание.

Совместная деятельность людей не позволяет им находиться в одиночестве физической изолированности друг от друга. Для

организации деятельности людей необходим обмен информацией, то есть то, что называется коммуникацией. Общение же способно устранить чувство одиночества, тогда как обмен информацией нет. В чем разница между общением и коммуникацией? Г. Андреева пишет, что «общение нельзя рассматривать лишь как отправление информации какой-то передающей системой или как прием ее другой системой потому, что в отличие от простого «движения информации» между двумя устройствами здесь мы имеем дело с отношением двух индивидов, каждый из которых является активным субъектом: взаимное информирование их предполагает налаживание совместной деятельности» [1, с. 20]. Поэтому в коммуникативном процессе и происходит не простое движение информации, но как минимум активный обмен ею. Главная «прибавка» в специфически человеческом обмене информацией заключается в том, что здесь особую роль играет для каждого участника общения значимость информации, потому что люди не просто «обмениваются» значениями, но, как отмечает А. Леонтьев, стремятся при этом выработать общий смысл [10, с. 291]. Это возможно лишь при условии, что информация не просто принята, но и понята, осмыслена. Суть общения — не просто взаимное информирование, но совместное постижение предмета. Другими словами, общение отличается от простой коммуникации тем, что во время общения происходит не просто обмен информацией, а осуществляется взаимовлияние людей друг на друга. Исключает ли такое взаимовлияние социальную отчужденность и можно ли считать, что единственная альтернатива одиночеству — безграничное общение, экстенсивно поглощающее всю внутреннюю духовную жизнь человека? Если подразумевать под общением лишь обмен информацией, не сопровождающийся ее интимным для человека смыслонаделением, то такое общение ни в коей мере не противостоит одиночеству и даже наоборот — порождает его. Ведь общение, теряющее естественную ограниченность, индивидуальность и глубину, легко превращается в тирана личности. Однако, согласно научному эксперименту Р. Оди, было выявлено, что индивидуальное сознание является продуктом психик, находящихся во взаимодействии [11, с. 54]. Это может навести нас на мысль, что одиночество, порождённое сознанием человека, также является продуктом коммуникации.

Г. Тихонов отмечает по этому поводу следующее: «Общность, без сомнения, является необходимым условием инди-

видуального бытия, однако она никогда не может быть местом переживания, познания и сознания. Особенно это ярко прослеживается на примерах приказной, предписывающей, или как ее еще называют, идеологически апеллированной общности. В таких структурах, как партии, профсоюзы, различные клубы, предприятия и даже церкви попытка сделать человека счастливее при помощи включенности его в общественную жизнь является тщетной. Это объясняется тем, что межчеловеческие связи через предписанную и организованную общность не усиливаются, а наоборот, ослабевают. Следовательно, одиночество и общность переживаются и познаются всегда конкретным индивидом» [12, с. 4].

Проблема соотношения одиночества и общества была затронута Н. Бердяевым [2, с. 57]. Человек, по мнению Н. Бердяева, в своей беспомощности и покинутости ищет спасения в коллективах. Но коллектив всегда авторитарен, в нем центр сознания и совести помещен вне личности. Поэтому коллективизм всегда несет с собой рабство. Таким образом, подобно тому, как быть одному совсем не обязательно означает быть одиноким, точно так же наличие семьи и друзей не вполне гарантирует избавление от одиночества. Например, почему больницы – юдоль одиночества, несмотря на полное отсутствие возможности побыть там одному? Объяснение заключается в том, что человек тоскует по собеседнику, с которым можно поделиться своими чувствами. В данном случае, человек не испытывает *социальную изоляцию*, но он может ощущать сильную *эмоциональную изоляцию*, обусловленную отсутствием привязанности к конкретному человеку. Так, часто особым признаком одиночества, порожденным эмоциональной изоляцией, бывает тревожное беспокойство. Данные термины *социальная* и *эмоциональная изоляция* были представлены Вейсом как два вида эмоциональных состояния, которые люди, переживающие их, склонны расценивать как одиночество [14]. Эмоциональное одиночество представляется результатом отсутствия тесной интимной привязанности, такой, как любовная или супружеская. Большинство из нас знает по собственному опыту, что эмоционально одинокий человек испытывает нечто вроде беспокойства покинутого ребенка: беспокойство, тревогу и пустоту. Социальное одиночество становится ответом на отсутствие значимых дружеских связей или чувства общности. Социально одинокий человек переживает тоску и чувство социальной маргинальности.

Следовательно, одиночество появляется в результате недостаточности социального взаимодействия индивида, взаимодействия, которое удовлетворяет основные социальные запросы личности. Соответственно, нахождение в коллективе еще не гарантирует отсутствие чувства одиночества и может относиться к социальному типу одиночества. Так пример социального типа одиночества описывает Р. Оди: «Я гораздо чаще ощущал нечто вроде одиночества, когда был не один, а находился среди людей – среди тех, с кем не мог общаться. Хотя я много времени провел «один» среди племен в Африке и Азии, я не помню, чтобы мне было одиноко с ними. Никогда также я не испытывал настоящего одиночества в общении с тем, что мы зовем Природой. Но мне было скучно и у меня появилось ощущение тягостного одиночества и отчужденности в обществе людей, говорящих на моем родном языке, но «живущих в другом мире» [11].

Своеобразное понимание проблемы одиночества наблюдается у представителя немецкого экзистенциализма К. Ясперса. Он утверждает, что в повседневной жизни человек утрачивает свою индивидуальность, отчуждает себя от своей «самости». Это происходит вследствие того, что человек делает все как все, идентифицируя себя со всеми. И как результат – исчезновение «самости». Но «Я» не хочет быть только «каждым», оно стремится к «самому себе». А для того чтобы противопоставить себя другим, человек должен вступить в состояние одиночества, то есть должен отчуждать от себя других, чтобы оставаться самим собой. Сам он по этому поводу пишет следующее: «Я не могу быть самим собой, не вступая в коммуникацию, и не могу вступить в коммуникацию, не будучи одиноким. Во всяком снятии одиночества коммуникацией возникает новое одиночество, которое не может исчезнуть без того, чтобы не исчез я сам как условие коммуникации» [6]. Это значит, что человек может быть «экзистенцией» только в неповторимой коммуникации с другой «экзистенцией». Условием подлинной коммуникации, по Ясперсу, оказывается одиночество человека. И здесь возникает дилемма. Из исследований Р. Оди, очевидно, что одиночество является продуктом коммуникации, а из работы Ясперса, видно, что одиночество способствует коммуникации. Эта дилемма разрешима. Дело в том, что коммуникация у Ясперса выступает одним из конструирующих моментов человеческой личности. Причем он подразделяет коммуникацию на подлинную и на «неподлинную» – «коммуникацию наличного бытия» и «под-

линную» – «экзистенциальную коммуникацию». «Неподлинная коммуникация» – это отношение между людьми, лишенные своего «самобытия», то есть между безличными людьми. Причина такого положения, когда человек в общественных отношениях выступает как безличный или заменимый, заключается, по Ясперсу, в том, что человек не осознает себя как «самое себя». А так как человек во всех своих отношениях в «техническом» рационализированном мире не может стать самим собой, то есть проявить себя как личность, то он испытывает неудовлетворенность такой коммуникацией. Поэтому человек стремится к «подлинной коммуникации», то есть таким отношениям, в которых он выступал бы «самим собой». Условием «подлинной коммуникации» является выделение человека из неподлинного коллектива. Для подлинной коммуникации, согласно Ясперсу, необходимо противопоставление себя «другим и своему миру», другими словами, одиночество человека. Прежде чем вступить в «подлинную коммуникацию» и для того, чтобы «коммуникация» стала «подлинной», человек должен стать одиноким. Человек должен порвать свои социальные связи и отношения. Только теперь он может вступить в такие отношения с другим человеком, которые Ясперс определяет как «экзистенциальную или подлинную коммуникацию». Подлинная коммуникация обретается, когда Я, как осознавшее себя, может противопоставлять себя другому и своему миру. Оно отличает себя и тем самым постигает изначальную независимость [4].

Обрушиваемые на современного человека потоки информации не только не уменьшает чувство одиночества, но обостряет его. Вторжение СМИ, таких как телевидение, радио, интернет несет с собой ослабление душевности в человеческой жизни. Массовая культура убивает все индивидуальное, самобытное и оригинальность в жизни и ставят под знак организации все человеческое существование. Все делается безлично-массовым, лишенным образа. Это будет значить, замечает Н. А. Бердяев, что человек перестанет молиться, что у него не будет больше никакого отношения к Богу, что он не будет больше видеть красоту и бескорыстно познавать истину. Это означает, что человек снова ощутит свое одиночество [3].

Конвейерное производство социально-психологических стереотипов – привычек, обычаев, вкусов, оценок, форм поведения и восприятия – уничтожает черты индивидуальных различий людей и при внешней унификации общественной среды факти-

чески ведет к ее расколу, расщеплению на атомарные единицы, не ассоциируемые друг с другом. Гордое одиночество возникает «как раз из нравственной субстанции народа, отражающего процесс превращения его в массу совершенно изолированных (и озабоченных только собственной «самостью») «атомов». Ибо, какими бы «аристократами духа» не представляются некоторые личности, они продукт «омассовления» народа, распадаения его органических (нравственных) связей» [7, с.29]. Распад «связей» можно сегодня идентифицировать при помощи целого ряда поведенческих характеристик, включая низкий уровень социальных контактов, разрыв установившихся связей, или же неудовлетворительные образцы социального взаимодействия. Примером, иллюстрирующим такой распад, может служить распространение порнографии. Как показали недавние исследования, опубликованные университетом штата Юта (США), те, кто смотрят порнографию, нередко «подвержены депрессии, социальной изоляции, сталкиваются с серьезными проблемами во взаимоотношениях» и другими печальными последствиями [15]. Так, обобществление с его притязаниями обобществить каждого исходит – последовательно и успешно – из того, чтобы редуцировать, нейтрализовать, обесценить и десакрализировать все связи с живущими. То тонкое пространство личного «Я», которое требует наполнения другим «Я», последовательно умерщвляется или же становится невосприимчивым к возможности такого наполнения. Человеческое одиночество здесь не преодолевается, а лишь заглушается. Вытесняется знание об одиночестве, однако в действительности, в своей глубине, состояние одиночества остается непреодоленным, и в тайне зреет жестокость, которая проявляется с крушением иллюзии. Весьма тонко советский философ Э. Ильенков заметил, что «единство или общность создается тем признаком, которым один индивид обладает, а другой – нет. И отсутствие известного признака привязывает одного индивида к другому гораздо крепче, чем одинаковое наличие его у обоих... Два абсолютно одинаковых индивида, каждый из которых обладает тем же самым набором знаний, привычек, склонностей и т.д., были бы друг для друга абсолютно неинтересны, не нужны... Это было бы попросту удвоенное одиночество» [9]. Подобное удвоение, утроение, возведение в десятую степень постоянно происходит в обществе массовой информации. Между тем общество как форма всеобщего представляет собой устойчивое взаимодействие сугубо

особенных, неповторимых индивидов, у которых общее равнозначно присущему им индивидуальному набору черт. И это закономерное многообразие различий цементирует человеческую общность несравненно сильнее, чем казарменное единообразие, маскирующее полную индифферентность по отношению друг к другу безликих людских монад. В этом смысле восприятие и поощрение плюрализма индивидуальностей создает основу подлинному контакту между людьми и противостоит цепной реакции нарастания одиночества.

Одиночество зачастую проистекает из желания человека иметь обширные и более удовлетворительные социальные взаимоотношения, нежели он имеет. Это может быть продиктовано его субъективным представлением о стандартах взаимоотношений. Часто, нереалистичные представления о таких отношениях, как дружба, интимные отношения и семейная жизнь навязываются нам из фильмов, романов, СМИ. Эти надуманные сценаристами и писателями стандарты могут породить дополнительные трудности. Филипп Зимбардо, американский ученый, советовал быть осторожным в выборе моделей для сравнения. Это относится и к одиноким, и ко всем остальным, в вопросе формирования стандартов взаимоотношений, которые мы хотим иметь. Вот что он пишет по этому поводу: «Некоторые люди – отнюдь не подходящий образец для сравнения, ибо они уникальны по своим интеллектуальным и физическим способностям, а также по другим врожденным качествам. Я бы хотел быть похожим на Роберта Рэдфорда, мыслить, как Эйнштейн, говорить, как Ричард Бартон, и быть таким же плодовитым и хорошим писателем, как Айзек Азимов. К идеалу можно стремиться, но нельзя установить общего мерилла успеха, статуса или совершенства» [8]. Панацеей от одиночества не может быть когнитивная переоценка, но как показывают наши наблюдения, она может быть весьма действенным и разумным способом избавления от одиночества. Когда принимаешь на вооружение лозунг, что *никто никому ничего не должен*, и перестал чего-то требовать и ожидать от окружающих, то становится намного легче справиться и впоследствии практически полностью искоренить чувство обиды. Человеку следует иметь «разумные» стандарты социальных взаимоотношений, выводимые из его основных социальных потребностей и обязательно включающие культурные нормы.

Таким образом, можно заключить, что:

1. Современная культура «омассовления» людей, главным образом, через СМИ способствует дальнейшему усугублению социальной изолированности индивидов, оказывает постоян-

ное негативное воздействие на личность. Человек, живущий в суеде общения с множеством людей, готовый во всем им подражать, быть как все со всеми, пытается таким образом скрыть от себя чувство одиночества через «сплав» с другими людьми, - желание потерять собственную личность, стремление слиться с другим, т.к. желание быть индивидуальностью связано с мужеством быть одиноким, а одиночество часто непереносимо для личности.

2. Одиночество может усиливаться из-за когнитивного диссонанса, вследствие формирования искаженных стандартов социальных взаимоотношений. Как источник признаются СМИ, на которое некоторые могут всецело «положиться». Это может привести к формированию нереалистичных перспектив, касающихся социальных отношений.

3. Понижение личных стандартов общения является работающей моделью облегчения чувства одиночества.

Литература

1. Андреева Г.М. Принцип деятельности и исследование общения // Общение и деятельность. Прага, 1981. 200 с.
2. Бердяев Н.А. Я и мир объектов: Опыт философии одиночества и общения // УМСА-Press. Париж. 1934. 480 с.
3. Бердяев Н. А. Судьба человека в современном мире // Новый мир. 1990. №1. 221 с.
4. Богомолов А. С. Немецкая буржуазная философия после 1865 года. М.: Наука, 1969. 343 с.
5. Брудный А.А. К теории коммуникативного воздействия // Теоретические и методологические проблемы социальной психологии. М.: Наука, 1977. 348 с.
6. Габитова Р. М. Человек и общество в немецком экзистенциализме. М.: Наука, 1972. 222 с.
7. Давыдов Ю. Н. Этика любви и метафизика своеволия. - М.: Молодая Гвардия, 1989. С.29.
8. Зимбардо Ф. Застенчивость: Что это такое и как с ней справиться: Исследования проведены в сотрудничестве с П. А. Пилконисом. СПб.: Питер: Питер-пресс, 1995. 312 с.

9. Ильенков Э.В. Диалектическая логика. М.: Политиздат, 1974. 253 с.
10. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: Наука, 1972. 175 с.
11. Покровский Н.Е. Лабиринты одиночества. М.: Прогресс, 1989. 624 с.
12. Тихонов Г.М. Одиночество: стереотип и реальность. Ижевск: Изд-во ИжГТУ, 2005. 376 с.
13. Франк С. Л. Смысл жизни // Вопросы философии. 1990. № 6. 119 с.
14. Weiss R.S. Marital separation. New York: Basic Books, 1975. 170 p.
15. <http://content.lib.utah.edu/cdm4/browse.php?CISOROOT=/UROP>

Loneliness. Communication. Dialogue.

Farrakhov A. F., postgraduate, lecturer, Izhevsk State Technical University (ISTU). E-mail: ayratfar@yahoo.com

УДК 111.83

СЛАВОЙ ЖИЖЕК: ПЕРСПЕКТИВА ИСТИНЫ МЕЖДУ ВЕРОЙ И ЗНАНИЕМ

Шадрин А.А., к. филос. н., доцент кафедры философии факультета социологии и философии ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет».

Аннотация: статья представляет собой рецензию на книгу С. Жижека «Кукла и карлик: христианство между ересью и бунтом». Акцентируется социально-онтологическое основание христианства как «религии атеизма» в его (ее) обреченности на бесконечное сомнение, саморефлексию и самопознание. Скрытое «перверсивное ядро» христианства предьявляется в перспективе истины между верой и знанием.

Ключевые слова: перверсивное ядро, христианство, знание, вера, символическое, реальное, язык, сущность, разрыв, бытие, мышление, свобода.

Abstract: the article is the review of a book by Slavoj Žižek “The Puppet and the Dwarf: Christianity between Perversion and Subversion”. The social and ontological basis of Christianity as a "religion of atheism" in his (her) doomed to infinite doubt, self-reflection and self-actualization is emphasized. Hidden "perverse core" of Christianity is presented in the perspective of the truth of faith and knowledge.

Keywords: «perverse core», Christianity, knowledge, faith, symbolic, real, language, the essence of the gap, being, thinking, freedom.

В одном из фильмов («Žižek!», 2006 г.) Славой Жижек, рассказывая о себе, говорит о том, как возникает новая книга и чем для него является сам процесс письма. «У меня есть очень сложный ритуал написания книги. Для меня просто психологи-

чески невозможно сесть и начать писать, мне нужно обмануть себя. Я пользуюсь очень простой стратегией, которая работает, по крайней мере, для меня. Я записываю идеи, однако я записываю их обычно достаточно подробно, как, например, цепочка мыслей, оформленная в виде полных предложений. Поэтому до определенного этапа я говорю себе: «Нет, я еще не пишу книгу. Я просто записываю свои идеи». Затем, на определенном этапе, я говорю себе: «А ведь книга-то уже написана. Теперь мне нужно только ее откорректировать». В этом и есть моя идея – разбить работу на две части. Я делаю заметки, потом их редактирую. Процесс написания как таковой исчезает».

Что же представляет собой в этом смысле одна из последних работ С. Жижека «Кукла и карлик: христианство между ересью и бунтом»? Как и предыдущие его работы, этот текст также многослоен (и многопланов). «Отредактированные заметки» выстраиваются в последовательность наслоений-глав и образуют некое единство. Оно закреплено в центральном понятии (скрытого) *перверсивного ядра*, (пред)определяющего существо христианства и христианской веры, которая сегодня оказывается «подвешенной». – Воплощенная во внешних ритуалах, дезавуированная вера целиком перемещается в глубинную область «внутреннего» и потому «расцветает только тогда, когда в ней не признаются (публично), когда ее оберегают как некую непристойную тайну» [1, с. 12]. Иначе, если *знание* предъядвляется в стремлении вырваться наружу, то *вера* сохраняется/размещается (где-то) внутри. – Возникают две перспективы (видения), и несмотря на то, что каждая из них обладает собственным измерением, существо обеих связывает тот «прокол» в реальном, который они обнаруживают в качестве (радикального) *сомнения*, или на некотором расстоянии от собственного существа. Поэтому вера возможна – и всегда была и остается таковой – лишь как «вера на расстоянии» (знания). И знание возможно – и всегда являлось и является таковым – лишь как «знание на расстоянии» (веры). Отсюда, метафорическое перверсивное ядро – ни внутри, ни снаружи. Оно перверсивно лишь постольку, поскольку пробивает (символическую) «брешь» в реальном, благодаря чему реально *отклоняется* и становится Реальным. – Оно перверсивно лишь в силу собственной субверсивности (и наоборот).

Обратимся к началу, или исходному пункту, в последовательности рассуждений С. Жижека: «В качестве подходящей

отправной точки нам следовало бы задаться шеллингианским вопросом: что означает вочеловечивание Бога в фигуре Христа, его переход от вечности к нашей современной реальности для самого бога? Что если то, что нам, смертным, кажется нисхождением Бога к нам, с точки зрения самого Бога является его восхождением? Что если – как предполагал Шеллинг – вечность меньше временности? Что если вечность – это стерильная, бессильная, безжизненная область чистых потенциалов, которые, чтобы полностью актуализировать себя, должны пройти через временное существование? Что если нисхождение Бога к человеку было не актом благодати, а единственным способом для Бога достичь полной актуальности и освободиться от удушающих оков Вечности? Что если Бог актуализируется только через признание его человеком?» [1, с. 21-22].

Обращение к Ф. Шеллингу здесь неслучайно. Именно в «Философии откровения» Ф. Шеллинга Бог перестает выступать в качестве теологического понятия и переходит в ранг понятия онтологического. Идея Бога служит выражением *полноты (избыточности) бытия*, заданного в бесконечной временной неопределенности и неограниченности (в дальнейшем тождество бытия и времени прочно закрепляется в фундаментальной онтологии М. Хайдеггера). Это Бог, освобожденный от «удушающих оков Вечности», на что и служит указанием, по С. Жижеку, вочеловечивание Бога в фигуре Христа. Это полнота бытия, развернутая во множественности собственных (временных) состояний, каждое из которых предъядвляет мышление в определенном аспекте его существования (ситуативно). Иначе, по мысли Шеллинга, Бог философии есть *свобода мышления* в его открытости бытию. Или, как высказался бы С. Жижек, *свобода мышления* в его открытости бытию – существо – современности.

Откровение христианства, по С. Жижеку, заключено в последних словах Христа: «Боже Мой, Боже Мой, для чего Ты Меня оставил?» С этим вопросом Бог не только умирает *для самого себя*, – «Христос сам совершает то, что является страшным грехом для христианина: он колеблется в собственной вере» [1, с. 25]. Но этот вопрос – «тайна слишком глубокая и страшная». Она затрагивает то, что именуется С. Жижеком скрытым перверсивным ядром христианства: *если запрещено вкушать плоды с райского древа познания, почему Господь – Бог-Отец – поместил его туда с самого начала?* И эта же «смутная двойственность» отчетливо прослеживается во взаимоотношениях

Христа и Иуды: *если предательство Иуды было необходимо Христу, чтобы искупить грехи человеческие путем собственной смерти на кресте, значит, Христу-мессии требовалось такое предательство?* Выходит, не Христос, а Иуда приносит высшую жертву, обрекая себя на бесконечное посмертное поругание и проклятие?..

Как отмечает Л. С. Липавский, «чудеса Евангелия не интересны, но само оно кажется чудом. И как странна судьба его, на что обычно не обращают внимания: в нем всего одно предсказание, и оно, уже скоро выяснилось, не сбылось; последние слова действующего лица – слова отчаяния. Несмотря на это оно распространилось» [2, с. 178]. Но, возможно, оно распространилось как раз благодаря собственной внутренней противоречивости, т.е. тому перверсивному ядру, которое составляет его существо? Благодаря тому непристойному измерению, которое есть «тайна глубокая и слишком страшная» и одновременно касается в человеке того, что характеризует его как человека, его (не-вполне-проясненное, не-символизируемое) человеческое начало? – Ессе Номо!.. Радикальное сомнение Христа в собственной божественной природе, его отчаяние высвобождает то чистое различие, чье (символическое) присутствие соединяет – максимально сближает – нас с Богом. «Мы едины с Богом, только когда Бог более не един с собой, оставляет себя, «усваивает» радикальную дистанцию, которая отделяет нас от него. Наш радикальный опыт удаления от Бога – это та самая черта, что объединяет нас с ним – не только в обычном мистическом смысле, что только в таком опыте мы открываем себя решительной Инаковости Бога, но в том смысле, в каком Кант говорит об унижении и боли как единственных трансцендентальных ощущениях: абсурдно полагать, что я могу идентифицировать себя с божественной благостью – только когда я испытываю бесконечную боль своего удаления от Бога, я действительно разделяю опыт самого Бога (Крестные муки Христа)» [1, с. 162].

И здесь же – в главе «Отклонение реального» – С. Жижек еще раз пересматривает отношение между Символическим и Реальным. Реальное – это не внешнее ограничение Символического: «Реальное – это само Символическое в модальности не-Все, лишенное внешнего Предела/Исключения» [1, с. 123]. Сам жест разделения на «это» и «то» символичесен – это символический жест *par excellence*, или *основополагающий* жест Символического. Поэтому шагнув в Реальное, мы не оказываемся

за пределами языка, не совершаем прыжок в «бездну хаотического Реального». Внешнего «пункта референции» в действительности – действительной реальности языкового континуума – не существует, и «неименуемое» также принадлежит языку. Поскольку оно всегда уже как-то поименовано, «неименуемое» является эффектом языка, снимающим на его пути какие-либо внешние ограничения. «Реальность предстает перед нашим взором задолго до языка, и то, что совершает язык, что является его основополагающим жестом, – это, как говорит Лакан, совсем не обозначение реальности: язык *прорывает в ней дыру*, дает возможность нематериальному/невидимому воздействовать на видимую/присутствующую реальность. Когда я вижу тебя, я просто тебя вижу – но лишь дав тебе имя, я могу указать на бездну в тебе, кроющуюся за тем, что я вижу» [1, с. 124].

Сама фигура Христа в этом смысле предельно показательна: она связует воедино Реальное и Символическое, но так, что в их тождественности сохраняется (необходимое) различие: возможность перехода от одного к другому. Если иудейский Бог, акцентирует С. Жижек, есть «Реальная Вещь», то божественность Христа – не более чем «легкая гримаса, незначительная деталь», отличающая его от других обычных людей. Христос не замещает «объект, возвышенный до уровня Вещи», он не Вещь-Бог, но «скорее «сама Вещь», или, точнее, «сама Вещь» есть не что иное, как трещина/разрыв, которая делает Христа не вполне человеком» [1, с. 142-143]. Поэтому Христос – это своего рода *человек без свойств* (Mann ohne Eigenschaften), без особых отличий, и именно по этой причине он одновременно «больше, чем человек», т.е. ницшеанский *сверхчеловек*, но лишь в этом строго закрепленном смысле. Т.е. Христос в одно и то же время – это и «не вполне человек», и «сверхчеловек» – «это» и «то» (*это как то*), но никогда по отдельности что-то одно. Христос есть *сингулярное универсальное*, которому нет места внутри социального порядка, но в силу этого обстоятельства (только) он (и) способен представлять «человечество как таковое в его универсальном измерении». «Это не значит, что Христос каким-то образом разделен на «человеческую» и «божественную» части своей природы: минимальное различие, с которым мы встречаемся в логике выделения, это не различие между двумя частями, но различие между двумя аспектами – или, вновь вспомнив Ницше, двумя *перспективами* – одной и той же сущности; это отличие сущности от себя самой» [1, с. 143].

Иными словами, христианство является *религией атеизма* в том смысле, что оно по своей сути не тео-логично, а онто-логично. Оно обречено на рефлекссию, но ни «кукла» (теология), ни «карлик» (историко-материалистический анализ) не способны выразить его существа в полной мере. Как заключает С. Жижек, «восстановить ядро христианства» способен лишь отказ от «оболочки его институциональной организации». Однако «эта пропасть непреодолима: либо приходится отказываться от религиозной формы, ЛИБО сохранять форму, утрачивая ее сущность» [1, с. 303]. – Чтобы спасти свое сокровенное, христианство «должно принести себя в жертву, как это сделал Христос, которому пришлось умереть, чтобы возникло христианство» [1, с. 304]. Тем не менее, основной вопрос, вызываемый этим противоречием, – способно ли само христианство на такой подвиг – остается открытым. Он балансирует на пределе: на грани *между* необходимостью и невозможностью.

Литература

1. Жижек С. Кукла и карлик: христианство между ересью и бунтом. М.: Издательство «Европа», 2009. 336 с.
2. Липавский Л. С. Разговоры // «...Сборище друзей, оставленных судьбою». А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: «чинари» в текстах, документах и исследованиях. В 2 т. Т.1. М., 1998. С. 178.

Slavoj Zizek: The perspective of truth between faith and knowledge
Shadrin A.A., Candidate of philosophy, associate professor, Philosophy department of Udmurt State University, 462034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya str., 1/6. E-mail: shadrin1971@gmail.com

УДК 340

АНТИНОМИИ СОВРЕМЕННОГО ЮРИДИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Пономарёв Алексей Михайлович, и.о. директора Удмуртского филиала Института философии и права УрО РАН, к. филос.н.

Аннотация: в статье рассматриваются в форме антиномий современного юридического теоретического сознания результаты дискуссий в области теории и философии права последних десятилетий; показана взаимная инверсия подходов, формирование запроса на интегративную теорию; демонстрируется, что разрешение этих антиномий возможно лишь посредством обращения к онтологической проблематике и предлагается в качестве подхода для такого решения коммуникативно-прагматический подход.

Ключевые слова: юридический позитивизм, естественное право, антиномии юридического сознания, интегративный подход в праве, коммуникативная прагматика

Abstract: The article considers results of debates in the theory and philosophy of law of the last decades in the form of antinomies of a modern legal theoretical consciousness; it shows mutual inversion of approaches, the formation of a request for an integrative theory. It's also demonstrated that solution of such antinomies is possible just by appeal to the ontological issues. It's offered communicative-pragmatic approach for this solution.

Key words: legal positivism, natural law, the antinomies of legal consciousness, the integrative approach in law, communicative pragmatics

К доминирующей тенденции современности относится процесс глобализации, одним из проявлений которой является поликультурализм, затрагивающий и правовую сферу. На пост-

советском пространстве этот процесс сопряжен с процессом перехода от советского юридического режима к так называемому правовому обществу; этот переход противоречив и болезнен. Совокупность изменений, происходящих в современной общественной жизни, вновь актуализировали дискуссии по вопросам, связанным с пониманием права. Интенсивность этих дискуссий нарастала на протяжении всех десятилетий, следовавших после кризиса юридического позитивизма на рубеже 50-60-х гг.. В наибольшей мере споры – по понятным причинам, – охватили юридическое сообщество; но кризисные явления в юридической сфере не могли не привлечь внимание обществоведов и философов, которые также высказались по спорным вопросам.

В качестве основных тем, вокруг которых организовывались исследования и дискуссии, чаще всего выступали такие, как: сущность, смысл, цели права, характер правового должествования (обязательности), связь права с государством, политикой, человек в праве, социальное и правовое, правовая безопасность, справедливость и право, связь права с моралью и нравственностью, ценности и интересы в праве. Примечательной чертой полемики по этим вопросам является активное привлечение социальных и исторических теорий. Другой характерной чертой этих дискуссий является рост внимания к методологическим вопросам, вызванный, в частности, формированием и усилением в научном сообществе неклассических и постнеклассических исследовательских установок. Последнее обстоятельство стимулировало интерес к философско-правовой проблематике – в том числе, к вопросам о предметах философии права и догматической теории права, о соотносённости этих дисциплин.

Начало современных дискуссий по упомянутым проблемам может быть отнесено к концу 60-х гг. прошлого столетия. Это начало связано, с одной стороны, с лингвистическим поворотом в методологии социальных и философских исследований. С другой стороны – с ослаблением позиций юридического позитивизма, различные версии которого господствовали в юриспруденции на протяжении первых двух третей XX века. Проявление первых симптомов тенденций, обозначенных в начале статьи, и переосмысление политико-правовой истории начала и середины века составили социальный фон, на котором завязалась полемика.

В ходе дискуссий обозначились три подхода, занимающих основные позиции в современных исследованиях правовых

феноменов, а именно – естественно-правовой (юснатуралистический), юридико-позитивистский (легистский) и социологизаторский. Эти три подхода, сформировавшиеся в юриспруденции, дополнялись разнообразными программами исследования права в философии, социологии, психологии, др. социальных и гуманитарных науках.

По прошествии десятилетий можно зафиксировать некоторые результаты этих дискуссий, представляющие интерес в контексте темы данного исследования. В числе этих результатов можно указать на выявившиеся антиномии современного юридического мышления, а также на парадоксальное превращение исходных методологических позиций в свою противоположность при попытках разрешения этих антиномий.

Примером такого превращения может служить итог обсуждения проблемы, которая представляет собой своеобразный нерв всех правовых дискуссий – проблемы всеобщности и универсальности права, обязательности и императивности выдвигаемых от его имени в виде юридических норм требований. Необходимость соблюдения закона, его должествование – одна из наиболее фундаментальных проблем теорий, в которых рассматривается право.

В юснатуралистической версии обязательность юридической нормы выводится из отождествления её содержания с требованиями морально-этического характера, из представления об их должной трансформации в нормах закона и судебных решениях. «Отсюда и различие обязательности социальных норм в силу формы их выражения, внешне налагаемой обязанности, и обязательности социальных норм в силу их содержания и его моральной оценки» [20, с.170].

Схожую позицию можно обнаружить в теориях, выводящих правовые феномены из социальных отношений. Позитивность, обязательность права выводится не из факта его установления, а обосновывается его дозаконотворческим бытием в общественных отношениях, в общественном и индивидуальном сознании. Соответственно, обязательность права вытекает из его служения общественному благу [38].

Важно подчеркнуть, что морально-правовые и близкие к ним по аргументации теории в ходе дискуссий признавали не только позитивизацию права в законах, но и важность форм выражения нормативных требований, придающих последним юридический характер.

В юридическом позитивизме обязательность юридической нормы обосновывается угрозой применения санкций сувереном в случае неподчинения закону. В этом контексте следует различать, как это предлагает Г.Л.А. Харт, обязательность и вынужденность. Вынужденность понимается им как непосредственное принуждение, насилие. Более поздние версии легизма уходят от такого обоснования обязательности юридической нормы. Отказ от такого обоснования связан, среди прочего, с тем, что «теория приказа» - более ранняя версия аналитического легизма, - применима только к нормам уголовного права и малопригодна для сферы гражданского права, нормы которого нацелены на обеспечение свободной деятельности. Но цель всех вариантов юридического позитивизма – обоснование права как синонима закона в качестве формально обоснованных правил, обязательность которых не зависит от их содержания, - сохраняется и в более поздних версиях легизма [30, с.26-33]. В частности, Г.Л.А. Харт ведёт речь об авторитете, когда рассуждает об обязательности права, хотя и не разъясняет его природу. Приводимый им в полемике с теориями морального обоснования права контраргумент заключается в следующем: положение, что правило может нести в себе обязательность независимо от своих формальных свойств (средств выражения), не достигает своей цели, т.к. речь должна идти именно о форме юридической нормы, которая выделяет эту норму из числа других социальных норм. Помимо этого Г.Л.А. Харт обращает внимание на тот факт, что моральность форм социального регулирования не предполагает моральность содержания конкретных правил [30, с.187-213].

Схожий мотив звучит в аргументации Н. Хёрштера. Проблема неповиновения закону из моральных побуждений не имеет юридической значимости, т.к. юридические предписания адресованы всем вне зависимости от их моральных убеждений. Т.е., постановка вопроса о моральной обязанности подчинения предполагает внеюридическое понимание права [40, с.112-122].

В тоже время, сторонники юридического позитивизма не отказывают праву в способности соответствовать морали, считают такое право более эффективным и были вынуждены в ходе дискуссий признать аксиологическую составляющую правовых явлений, выдвинуть идеи внутренних – в противоположность моральным, теологическим, - ценностей правовой системы. Данное положение явно выражено в теории Р. Дворкина [11].

Фактически, можно констатировать, что основные послышки обоих подходов, будучи полемически доведёнными до предельных заключений, обращаются своей противоположностью. Поэтому, в более поздних работах рассматриваемого периода предприняты попытки синтеза полученных результатов. Например, А. Фердросс, объясняющий обязательность закона двуединством моральной и формально-юридической природы права, в ходе критики юридического понимания обязательности юридической нормы как принуждения обращает внимание на то, что позитивизация права предполагает систему норм, «... состоящую из двух частей, одна из которых предписывает поведение, а другая уполномочивает специальные институты общества наказывать за нарушение таких предписаний» [32, с.171].

В контексте дискуссий об источниках универсальности и общеобязательности права становится понятно, почему вопрос о взаимосвязи права и морали (этики) стал современной разделительной линией между юснатурализмом и легизмом. Первоначальный ответ в рамках конкретной теории на этот вопрос предопределяет её ответы на иные вопросы.

Естественно-правовая позиция по указанному ключевому вопросу состоит в том, что право с необходимостью включает в себя морально-этический аспект, что понятие права концептуально связывает юридические явления и мораль. Юрико-позитивистская позиция заключается в том, что связь юридических явлений и морали носит случайный характер и, следовательно, о концептуальной связи морали и права не может быть и речи. Эти различия двух подходов нашли отражение и в понимании сущности права. «Юснатурализм руководствуется аксиомой: право правильно по содержанию, а не по форме, и поэтому не всякое законодательное, судебное или административное решение, будучи формально корректным, содержит в себе право. В позитивизме правом признаётся любая (независимо от содержания) официальная норма» [32, с. 150].

В соответствии с данной «аксиомой» в естественно-правовых теориях «концептуальное соединение права и морали проистекает из различения закона, который может быть правильным или неправильным, и права как феномена, по определению несущего в себе правильность, справедливость» [32, с.170]. Следует признать, что позиция юснатурализма должна считаться обоснованной применительно к обществам, для которых характерна достаточная однородность морали и права. В качестве примера

такого общества Р. Драйер приводит европейское Средневековье. Но уже в эпоху зарождения протестантизма гомогенности этих явлений исчезла. Рост гетерогенности общества запустил процесс автономизации и морали, и права. В этой ситуации – и по практическим соображениям, и исходя из протестантско-теологического обоснования закона, – приоритет в этой связке был отдан праву, которое стало обосновываться через представление о суверене [37, с.181-189]. Протестантское правопонимание обосновывает легитимность юридических установлений суверена через его подчинение морально-этическим (по сути, религиозным) максимам [3, с.165-166, 170, 190].

Юристы, отказывающиеся от такого обоснования, вынуждены апеллировать к «естественному праву» как некоей трансцендентной сущности, которая в истории содержательно толковалась различно. На современном этапе в этом толковании преобладает включение в содержание права морально-этических аспектов, а доминирующей современной версией юснатурализма считается теория справедливости.

Однако следует учесть, что в европейской традиции именно этическое опосредует притязания на власть. В условиях признания «потусторонности» высшего авторитета, который санкционирует «... не саму земную власть, а те или иные представления о мире ...», «Земная власть ... фундаментально проблематизируется. Любой претендент на неё, как и её актуальный носитель, ставится перед необходимостью обоснования своего “права” на власть, ... возникает проблема права – **институциализуется нормативное начало социальной организации**» [14, с.112]. Соответственно, этико-моральная аргументация фактически используется юснатурализмом для обоснования границ, в пределах которых допустимо всё то же властное принуждение в форме позитивированного права.

С. Сато обращает внимание на интересный аспект юридического позитивизма [20, с.247-248]. В решении рассмотренной проблемы исходная позиция так называемой аналитической версии юридического позитивизма была сформулирована ещё Дж. Остином. В его теории право понималось как выражение воли суверена, предписывающее субъектам должное и запрещающее недолжное поведение, а также подразумевающее угрозу применения санкций в случае неисполнения этого предписания. Соответственно, угрозой наказания объясняется обязательность закона; но сила, обеспечивающая эту обязательность

– не сила принуждения, а порождающая сила обязательств, осознаваемых индивидом в качестве юридических обязанностей. Современный вариант такой аналитической версии обязательности закона, по сути, предлагает и Г.Л.А. Харт.

Вторая историческая версия юридического позитивизма, разработанная Г. Кельзеном, также определяет право через волю законодательствующего государства. Но и в этом случае принуждение господствующей воли не есть физическое, социальное принуждение. Под влиянием немецкого идеализма в системе Г. Кельзена все правовые понятия объясняются из понятия должного. Соответственно, обязательная сила позитивного права заключается в его формально-логической действительности, которая и есть сущность права. В силу этого и приобретает в теории Кельзена принципиальное значение понятие «основной нормы».

Приведённые положения из докладов Р. Моулса и С. Сато на XII Всемирном конгрессе Международной ассоциации философии и социальной философии позволяют утверждать, что юридический позитивизм в различных его версиях не отрицает влияния внеправовых – в том числе, моральных, религиозных и т.п., – факторов на право; им отрицается концептуальная значимость этих факторов для содержания права. Юридический позитивизм, по сути, настаивает на аналитических и формально-логических методах анализа правовых явлений, на том, что они должны исследоваться исходя из имманентных праву принципов.

Среди других результатов дискуссий 1970 – 2000-х гг., представляющих интерес для темы данного исследования, следует указать на проблемы и позиции, которые обозначились при обсуждении методологических позиций.

В методологической ситуации, которую в отечественной литературе принято обозначать как постнеклассическую, антиномичность юридического мышления усилилась. Под влиянием постмодернистской критики стало возможным говорить о деконструкции права, деконструкции его рациональности [31, с.29-35]. В качестве примеров в первом случае можно привести лекцию Ж. Дерриды, прочитанную им в 1989 г. в юридической школе Кардозо, деятельность американской школы критических правовых исследований. Но уже сам Ж. Деррида, который ввёл термин «деконструкция права» в современный оборот, выделял в законе его части, которые доступны деконструкции как интерпретации и преобразованию, и его предельное основание, которое, не будучи обоснованным, не доступно деконструкции [36].

Дискуссии о рациональности/иррациональности права захватывают две взаимосвязанные сферы – рациональность правовой действительности и рациональность юридических знаний (в том числе, теорий права). Действительность правовой рациональности в качестве воплощения социальной рациональности оспаривается на основании отказа ей в логичности, в невозможности описать функционирование норм права на основе аподиктической логики. Невыразимость в строгих логических формах наиболее важных понятий, невозможность использования формально-логических методов и техник, ведёт к тому, что «... банальная ситуация юридических разногласий - ...форма бытия[сегодняшней]юриспруденции» [24, с.46]. Помимо этого указывается на иррациональность поведения людей, их групп, что приводит к отрицанию рациональности права как механизма его регулирования, что, в свою очередь, подкрепляется указанием на изменениесмысла юридической нормы на стадии её применения. «Иррациональные элементы укоренены в самом существе и структуре права, норме и правоприменении» [13, с.3-4], - пишет И.А. Исаев. В критике рациональности юридического знания к приведённым аргументам добавляется аргументация о проблематичности обнаружения объективных критериев его научности, оёгоневерифицируемости. Рациональность юридического знания ставится под сомнение также тем, что оно должно в практике его применениипереводиться с языка дескриптивного на язык прескриптивный, а также тем, что оно при переходе в практику вульгаризируется, подвергается «корыстной» интерпретации социальной группой – реципиентом. Важным моментом, ведущим к отрицанию рациональности юридической действительности, является констатация того, что в ней между конститутивными нормами и регулятивными нормами не обнаруживается связь, подчиняющаяся законам логики (они вообще могут быть отнесены к различным культурам). Совокупность приведённых аргументов позволяет отрицать классическую рациональности правовой действительности и юриспруденции.

С противоположной позиции в качестве контраргументации приводится утверждение Д. Сёрля, что аргумент только тогда является таковым, когда он подчинён канонам рациональности. Это касается не только юридического знания в его теоретической форме, но и правовой практики. Построенная в качестве агонального состязания, юридическая реальность включает ар-

гументацию и на стадии формирования нормы, и на стадии её применения, и в ситуации её признания или оспаривания.

Следующая антиномия современного теоретического сознания проявляется в проблематике субъекта правового вида деятельности. На примере парадигм, бытующих в американской юриспруденции, П. Шлаг демонстрирует множественность пониманий субъекта, встречающихся в юридической практике [35, с.118 и далее]. Субъект может представлять собой или «идеальный формальный субъект», или движущую силу с неясным местоположением, или может подвергаться децентрализованности или даже распаду в момент прохождения через язык, письмо, мышление, социальное действие. Причиной такого «странного» видения субъекта права является наложение предельной объективации права, имеющая историческую обусловленность, и множественность перспектив его видения в ситуации отсутствия абсолютной точки его наблюдения. В этом ряду нельзя не упомянуть о субъекте коллективных прав, образующих значительную часть прав так называемого прав третьего поколения. С одной стороны, эти права являются важнейшей частью механизма регуляции социальных статусов и отношений в функционально дифференцированном обществе. С другой стороны, область их эмпирической интерпретации (социальных референтов) представляет собой пустое множество.

С другой стороны, множественность перспектив видения права вытекает из множественности социальных позиций, которые именно правом определяются как равные; исходя неизменно из этих позиций, эмпирические индивиды высказываются о праве, видят его, именно благодаря праву эти высказывания, видения признаются равносильными друг другу. За любыми юридическими фикциями, в конечном счете, обнаруживаются коллективные образования конкретных людей.

Проявившийся в юридическом сознании в последние десятилетия релятивизм подготовлен неклассическим этапом развития науки и методологии научного познания. Он связан с критикой «монологического» понимания права «замкнутой» корпорацией юристов её претензией на монопольное владение «истиной» о праве. С этой критикой смыкается критика в духе М. Фуко права как кратологического дискурса, как структуры знания, обусловливающего политическое господство [27]. В рамках критик этого типа проводится мысль об обусловленности права, юридических феноменов социальными – классовыми, расовыми,

гендерными и т.п. – факторами и культурно-цивилизационными факторами, о невозможности сформулировать универсальные по своему содержанию критерии запретов (оценок). Это то, что И.Л. Честнов называет антиуниверсализмом, историческим и социокультурным контекстуализмом: «... это отказ от претензий юридической науки на поиск окончательных ответов на вопрос о сущности права. Нет единого права (сущности права) для всех времён и народов» [31, с.74].

Контекстуализм в праве проявляет себя не только в том, что соотносится со множеством областей ценностей, не только в том, что отрицается привилегированный контекст, интерпретация, норма. Он проявляется как антифундаментализм и антиэссенциализм, т.е. как отрицание возможности обоснования теории права каким-либо одним единственным аподиктическим способом и как протест против реификации права [18]. В контексте лингвистического поворота в методологии социальных наук часть теоретиков права обращаются к радикальному конструктивизму как подходу, способному обеспечить внедрение в правовую теорию постклассической рациональности [31, с.99-100]. При этом такое обращение к конструктивизму ведёт к отказу от признания объективности социально-правовой реальности и практическому отказу от применения логических средств её исследования.

В противоположность этой позиции признаётся необходимость профессиональной корпорации и профессионального образования как одного из ключевых признаков европейского (и исторически связанного с ним неевропейского) [3, с.32-42]. Необходимость некоторых внутренних принципов обязательна для нормального функционирования юридической системы (Р. Дворкин [11]), которая есть автономная функциональная (в крайнем варианте - замкнутая на себя (Н. Луман)) система [16; 43-45; 28; 29], опирающаяся на собственный принцип (код).

Сами критические теоретические суждения, приводимая аргументация построены по модели научных высказываний. Право в качестве одного из всеохватных феноменов истории и современности общества само создаёт мощнейший контекст для любой сферы деятельности, принуждающий стремиться к единой интерпретации, исходящей из общих принципов. Одновременно с этим, правовая реальность характеризуется применением таких логик, как аподиктическая, деонтическая, аргументационная не только в теоретической сфере, но и в

практической. Например, принятие решения в ходе судебного заседания сопровождается использованием всех указанных логик. Более того, сама правовая реальность и исторически, и актуально представляет из себя сферу социальности, в которой формируются логические техники, и которая в максимальной мере способствует сохранению рациональности в организации социального мира и его интерпретации.

Следующая пара антиномий связана со знаково-символическим характером права, из которого рядом отечественных теоретиков выводится утверждение о его мифологичности. Из утверждения о языковой природе предметов научного знания, из теоремы У. Томаса (если ситуация определяется как реальная, то она реальна по своим последствиям) делается вывод о виртуальном характере социального мира. Такое постмодернистское «прочтение» социального «... позволяет сторонникам постмодернизма выдвинуть достаточно эпатажный, - по выражению И. Л. Честнова, - тезис: право есть миф» [31, с.83]. Например, И.Н. Грязнов, полагая, что право как нелинейный текст есть миф, пишет: «... рассуждения права и о праве ... могут различаться чисто внешне, но их внутренняя смысловая структура ... мифологична» [9, с.72]. Мифический компонент в праве признаётся В.П. Малаховым, И.А. Исаевым [12; 13; 17]. И.Л. Честнов в качестве подоплёки такой трактовки обращает внимание не только на связь юридической теории с идеологией, но и на её нацеленность на конструирование масштабов, норм, должного для социальной реальности [31, с.84].

Этот же автор считает положительной стороной постмодернистских теорий включение в юридическую реальность индивидуального субъекта, что позволяет, по его мнению, преодолеть объективизм и деперсонификацию права.

С другой стороны, утверждение о бытии права как не имеющем фиксированной структуры приходит в противоречие со структурой практической правовой деятельности, к отрицанию функции регуляции правом реальных социальных отношений. «Введение» в юридическую реальность конкретного индивида приходит в противоречие с тезисом о конструированной природе этой реальности, который вынуждает признать возможность стабильности права как объективного формального регулятора только при условии деперсонификации и депривилегирования субъекта.

По мере нарастания антиномичности юридического теоретического сознания становился заметнее интерес как среди

юристов-теоретиков, так и среди философов к философско-правовой проблематике, в том числе к вопросам о соотносённости философского и юридического знания. Всю совокупность литературы, в которой анализируются данные проблемы, можно разделить на две большие группы. Большая часть этих работ выполнена юристами и с позиции, которую можно обозначить как правовая философия, т.е. с позиции решения философско-правовых проблем внутри теории права или же в соотношении с ней. При этом, в подходах и решениях этой группы исследований явно прослеживается влияние напряжённых дискуссий между юридическим позитивизмом (легизмом) и естественно-правовыми (юснатуралистическими) позициями, наиболее распространённой версией которых сегодня считаются теории справедливости. К концу рассматриваемого периода в правовой философии заметное место заняли интеграционные теории, т.е. теории, которые пытались синтезировать результаты обоих подходов. Основанием для умеренно-оптимистической уверенности в возможности такого синтеза служили своеобразные инверсии противоположных позиций в ходе дискуссий, о чём уже упоминалось выше.

Вторая – менее многочисленная, - группа исследований представляет собой собственно философские исследования права, которые выполнялись исходя из новых методологических установок. Содержательно они представляют собой применение новых методологий в исследовании права, отдельных связанных с ним явлений и редко носят систематически развёрнутый характер. За редким исключением право в этих исследованиях выступает в качестве лишь одного, хотя и важного объекта интереса. Соответственно, вопрос об отношении философии права и теории права в этих исследованиях ставится редко; в них чаще философско-правовые исследования понимаются как дополнительное прояснение некоторых аспектов социального бытования и функционирования права. При этом часто социальный аспект права сводится к этической проблематике, что смыкает эти исследования с естественно-правовыми исследованиями юристов.

К правовой философии может быть отнесена теория А. Фердросса [47], которая наглядно демонстрирует упоминавшиеся выше черты теорий этого типа. В частности, А. Фердросс решает свои задачи в контексте историко-юридического анализа, без чего, по его мнению, невозможно получить последовательную

картину развития права и выйти на понимание его сущности. Им выделяется четыре этапа развития философии права: античность, христианское средневековье, Новое время и современность. По его мнению, изучение философии права в контексте эволюции философской мысли позволяет получить стройную картину развития правовых взглядов и преодолеть как скептический агностицизм, так и фидеизм, препятствующие развитию современной версии естественного права. Сам А. Фердросс преодоление юридического позитивизма видит на пути синтеза неосхоластики и экзистенциализма, на основе признания двойной природы человека – социальной и нравственно-духовной, - из которой выводятся двойная задача права: защита прав человека и создание социальных предпосылок для его достойной жизни. В силу включения в онтологические предпосылки права социального аспекта, А. Фердросс связывает развитие философии права с правовой социологией.

Схожую точку зрения на роль истории философско-правовых идей для понимания задач современной правовой философии, диалектики отношений юрпозитивизма и юснатурализма, высказывает К. Роде. По его утверждению, вопрос о соотношении знания и веры – стремление рационально проверить понятие истины и отказ от теоретической самокритики, - является линией, раскалывающей всю историю философско-правовой мысли [46].

Критическая к юрпозитивизму правовая философия предлагает на основе нового методологического синтеза новое разграничение предметов ведения правовой философии и догматической теории права. Например, на основе «нормативной идеи права» как диалектического синтеза принципов справедливости, правовой безопасности, целесообразности и свободы человека В. Кубиш определяет философию права как дисциплину, исследующую сущность права, его идеи и правовое мировоззрение. Он выделяет в философском осмыслении права три уровня: критическую онтологию права, определение условий применимости онтологических знаний в отдельных юридических дисциплинах, правовое мировоззрение как научное заключение на основе результатов исследований юридических дисциплин. Тем самым В. Кубиш подчёркивает методологическую роль философско-правового знания: оно даёт совокупность понятий для обработки материала юридической догматикой, с помощью социологии права делает возможным её конструирование, оставляя за ней интерпретацию и систематизацию юридических норм с приме-

нением нормативных и телеологических [42]. Схожее понимание методологической функции философско-правового знания в отношении догматической правовой теории можно встретить в работе Г. Хенкеля [39].

Особый интерес представляют исследования, связанные с стремлением определить понятие «право». Наиболее известной из них является работа Г.Л.А. Харта «Понятие права» [30], за которой закрепилась репутация своего рода манифеста современного юридического позитивизма. В полемике с ней выстроены многие теоретические положения сторонников понимания права как справедливости или его тесной связи с моралью. (например, Дж. Роллз, Л. Фуллер, и т.д.).

В отечественной литературе интерес к философско-правовой проблематике также проявился с конца 60-х гг. Пионерскими работами стали исследования Д. Керимова. Особенностью возрождения правовой философии в СССР являлось господство в качестве идеологии и методологии правовых исследований советской версии марксизма. Теория права плотно замыкалась на учение К.Маркса и В.И. Ленина о классовой природе государства и права. В этой ситуации единственно возможной трактовкой философии права могла быть только её трактовка в качестве методологии правового познания как части юриспруденции, адаптирующей марксистско-ленинскую методологию к решению гносеологических вопросов частной общественной науки. Говоря о философии права этого периода нельзя не отметить работу Э.В. Кузнецова «Философия права в России» [15], специально посвящённую истории русской дореволюционной философии права и которая до сего дня остаётся практически единственным систематическим исследованием по данной проблеме.

Ситуация резко изменилась в постсоветский период. Помимо идеологического шока, потребовавшего переоценки истории советской юриспруденции, почти публицистической реакции на изменение правовой политики, всё явственней стали проявляться признаки методологического кризиса в юридических науках. Примечательно, что формой оперативной реакции стал рост работ, выполненных в социологическом ключе. Примерами переоценки недавнего прошлого, в том числе и теоретических положений, с собственно позиций правовой философии, могут служить работы С.С. Алексеева, например, его «Философия права» [1]. Одним из наиболее системных ответов на текущие вызовы стала либертарная теория В.С. Нерсесянца. Работы В.С.

Нерсесянца, посвящённые философии права Платона, Г.В.Ф. Гегеля входят в классическое наследие не только историко-правовой, но и историко-философской мысли. В принципе, в советский период только историко-философская и «критико-буржуазная» формы позволяли развиваться собственно философии права в СССР. Жёсткие идеолого-методологические препоны не позволяли в указанный период состояться философии права в качестве самостоятельного направления философских исследований. Наряду с версией правового закона, представленной работами В.С. Нерсесянца, Н.В. Варламовой, В.В. Лапаева, либертарный подход, исходящий из примата индивидуальной свободы, представлен институциональной социологической версией В.А. Четвернина [4; 5; 33; 34].

Среди других подходов, получивших «прописку» в отечественной юриспруденции за последние десятилетия, необходимо указать на экономический анализ права, представляющий распространение экономических методов на юридическую сферу и претендующий на статус синтетического междисциплинарного подхода [7; 26]; на интегративную концепцию права, исходящую из объективности, универсальности и рациональности права [8, 19]; на диалогическую антропологию права [25], на усиление позиций социологизма [31, с.549-649].

На Западе в условиях методологического плюрализма по мере того, как более зримыми становились признаки нарастающего кризиса проекта модерна, сформировался запрос на самостоятельный – не связанный напрямую с развитием юриспруденции, – философский анализ права. Оценка ситуации, данная А. Кауфманном, может считаться симптоматичной. По его словам, состояние предложенных и юристами, и социологами, и философами ответов остаётся далёким от удовлетворения, не позволяет утверждать, что философия права в состоянии справиться с тем цивилизационным вызовом, перед которым оказалось право как одна из несущих социальных и ментальных конструкций модернистской рациональности. Ситуация остаётся кризисной, поворотной, лишаящей человека уверенности в безопасности; философия права пребывает в растерянности, методологии «вчерашнего дня» не в состоянии дать адекватный ответ вызовам современности, для неё вновь настало время осознания основ и прояснения онтологических начал права [41, s.172-206].

Поиск ответов на сформировавшийся запрос заставил обратиться к разработке новых методологических подходов к фило-

софскому анализу права, на основе которых было предложено несколько вариантов решений (не претендующих, впрочем, на окончательность решения).

В работах ряда философов развивались традиционные для естественно-правовой философии темы. В этом ряду следует указать на Г. Радбруха, чьи работы оказали большое влияние не только на правовое теоретизирование, но и на юридическую практику [21]. Концепция честной справедливости Дж. Ролза задала тему масштабной дискуссии [23].

Но наряду с этими сформировались подходы, которые открывают принципиально новое измерение правовой проблематики и которые в их совокупности можно рассматривать как постнеклассическое философствование о праве. Одним из таких вариантов стали различные версии герменевтического анализа права. Х.-Г. Гадамер акцентировал внимание на интерпретационной природе права, на расширение смыслов в процессе применения юридической нормы [6]. В феноменологической герменевтике П. Рикёра акцент сделан на диалогичности права, на его связи с формированием идентичности субъекта в ходе коммуникативного взаимодействия с «Каждым» [22]. Прагматико-коммуникативные аспекты права выявлены в работах К.-О. Апеля [2] и Ю. Хабермаса [28; 29].

Проблема, которая выдвигается новыми походами в центр внимания - анализ права в качестве способа саморефлексии общества. Рассматривая перечисленные концепции под данным углом зрения, З. Д. Деникина выделяет несколько ведущих тем такого анализа [10]. Это – содержание правовой рефлексии, рациональность и формализм в праве, соотношение холизма и атомизма в концепциях права.

На основании анализа неклассической парадигмы философии права, проанализированной на материалах теорий П. Рикёра, Дж. Ролза, Х.-Г. Гадамера, З.Д. Деникина характеризует её следующим образом.

Содержательно правовая рефлексия в неклассической парадигме представляет из себя ценностно-культурную рефлексию Я в отношении Любого (Каждого). Право выступает как способ многомерной рефлексии субъекта, идентифицирующего себя в социокультурных системах отсчёта. Эта рефлексия реализуется в качестве рефлексии ценности в условиях равновесно-неравновесной онтологии.

Усилия неклассической философии права направлены на сохранение субъективной социальной рациональности, т.к. её

утрата – это утрата личностно-групповой идентификации по причине невозможности признать права Другого. При таком понимании рациональности права его формализм – это функциональная координация ценностных правовых значений в процессе этнокультурной и социальной идентификации субъекта.

Неклассический вариант философии права в интерпретации социальной отдаёт предпочтение методологическому атомизму. Понимаемый как приоритетная стратегия, он связан с личностной идентификацией, с реализуемым в ходе неё выбором онтологической и ценностной системы отчёта. Таким образом истолкованный атомизм выступает в качестве ценностно-теологической детерминации права.

Социальный холизм, выступающий в виде понимания системы как отношения «элемент – множество», является обоснованием легитимности общезначимых норм, что ведёт к функциональной детерминации права. Система как модель многомерного пространства функционирует по принципу дополнительности, а право функционально защищает идентичность Я в ходе защиты его взаимосвязи с Другим.

Рассмотрение постнеклассической парадигмы философии права на примере концепций Ю. Хабермаса, К.-О. Апеля и Н. Лумана, позволяет сформулировать З.Д. Деникиной следующие характеристики этой парадигмы.

Постнеклассическое исследование права междисциплинарно. Право конституируется в форме рефлексии соглашения, intersubъективной нормативности в условиях неравновесно-равновесной онтологии. Оно также ориентировано на сохранение социальной рациональности в процедурно-рефлексивной форме, т.к. отсутствие рациональности оборачивается отсутствием конструктивного дискурса, формально- и содержательно-конвенциональной универсальности. При таком понимании рациональности формализм права – это процедурный формализм, являющийся способом удержания плюралистического ценностного содержания.

Постнеклассические концепции стремятся сбалансировать холистские и атомистские методологические установки. Атомизм этих концепций выражается в виде самоорганизации социальной подсистемы (в неофункционализме) или в виде холистски ориентированных ценностных предпочтений субъектов дискурса (коммуникативный прагматизм). При этом ценностно-нормативные основания права конституируются или как подси-

стемы, устраняющей неопределённости самоорганизации, или на уровне субъектов дискурса.

В силу установки на достижение баланса между атомизмом и холизмом, в постнеклассической парадигме приоритетной методологической стратегией становится холизм, что предполагает наличие минимальной социальной методологии. С последним обстоятельством связано повышенное внимание к анализу социальных систем, которые интерпретируются по модели «система – целое» (неофункционализм) и «система – множество» (коммуникативная прагматика). В первом случае социальная система понимается как самоорганизующаяся подсистема целого. Во втором случае – как инфинитивная «система-множество», которая является основой обоснования рациональности дискурсивных решений.

Холизм постнеклассическими концепциями привлекается для обоснования легитимности системных норм. В неофункциональном варианте для этого актуализируется системно-функциональный план (системные эффекты социальной самоорганизации), в коммуникативно-прагматическом варианте – формально-конвенциональный (социально-значимые и конструктивные результаты бесконечного дискурса). В обоих вариантах системность приобретает формальность, что «... объясняется вторичной рефлексивной природой права. Право как феномен конституируется в бесконечном социокультурном пространстве, в котором константные характеристики выявляются в аспекте социально-этического или формально-процедурного анализа» [10, с.236].

Таким образом, постнеклассическая философия права формулирует исходную методологическую позицию, исходя из которой необходимо вести современный анализ права. С этой позиции «... право определяется как вид социальной, intersубъективной, личностной рефлексии, признающей в качестве предельного основания рациональности общественной жизни и индивида, и ставящей целью саморегуляцию жизнедеятельности социума» [10, с.237].

К одному из наиболее перспективных методологических направлений, позволяющих дать ответы на вызовы современности и прояснить онтологические начала права, принадлежит теория дискурса. В рамках широко трактуемой теории дискурса уже предложено решение некоторых философско-правовых проблем – например, раскрыта связь юридических практик и практик

познания в теории кратологического дискурса (М. Фуко), намечен анализ притязаний на юридическую значимость в трансцендентальной прагматике (К.-О. Апель, Ю. Хабермас). Однако потенциал теории дискурса в области философско-правых исследований столь огромен, что он будет исчерпан нескоро. Важнейшим преимуществом дискурсивного подхода в области правовых исследований является его возможность интегрировать результаты и методы иных методологических позиций. Но ключевое преимущество дискурсивного подхода к анализу права заключается в его способности эксплицировать внутренние и внешние аспекты рациональности юридических феноменов, в его способности не только удерживать их модернистский рационализм, но и обосновать его в новой исторической ситуации. Будучи применённым к теориям социальных систем, дискурсивный анализ позволяет раскрыть самодостаточность социально-юридической системы, её нередуцируемость к внешним основаниям, её невыводимость из внешних источников. Благодаря этому, право и юридические феномены могут быть защищены от иррационализма и деструкции, а юридическая практика получить теоретическое оправдание своей самодостаточности на основе собственных (юридических) фикций и презумпций.

С нашей точки зрения, в рамках дискурсологического подхода наиболее продуктивная исследовательская программа, способная вывести теорию и практику права из кризиса, может быть реализована исходя из методологической позиции трансцендентальной прагматики, основы которой разработаны в рамках трансцендентально-прагматического подхода К.-О. Апеля и универсальной прагматики Ю. Хабермаса. Основными направлениями реализации этой программы являются:

- анализ социальной коммуникации, в которой реализуется право,
- изучение логической формы, в которой осуществлялось право в своём конкретно-историческом развитии,
- описание аксиологической размерности права, обеспечивающей его содержательную отграниченность от других видов актуальной социальной коммуникации и его историческую устойчивость.

Совокупность такого рода направлений позволяют выявить и описать базовые характеристика права, рассматриваемого в качестве дискурсивной формация.

Литература

1. Алексеев С.С. Философия права. – М., 1997.
2. Апель К.-О. Трансформация философии. – М., 2001
3. Берман Дж. Г. Трансформация западной философии права в лютеранской Германии. // его же, Вера и закон: примирение права и религии. – М., 2008.
4. Варламова Н. В. Формальное равенство как универсальный принцип права. // Ежегодник либертарно-юридической теории. Вып. 2, 2009.
5. Варламова Н. В. Понимание свободы, равенства и справедливости в контексте либертарной концепции права. // Российский ежегодник теории права. – 2008, № 1;
6. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. – М, 1988.
7. Гаджиев Г.А. Предмет конституционной экономики. // Очерки конституционной экономики. – М., 2009
8. Графский В.Г. Интегральная (синтезированная) юриспруденция: актуальный и всё ещё незавершённый проект. // Правоведение. 2000, №3.
9. Грязнин И.Н. Право есть миф. // Правоведение, 2011, №5.
10. Деникина З.Д. Неклассическая и постнеклассическая философия права. – М, 2008.
11. Дворкин Р. О правах всерьёз. –М., 2004.
12. Исаев И.А. Власть и закон в контексте иррационального. – М., 2006.
13. Исаев И.А. Теневая сторона закона. Иррациональное в праве. – М., 2012.
14. Ицхокин А.А. Две формы рациональности и две структуры мира. // Мировое дерево. – 1996, №4.
15. Кузнецов, Э.В. Философия права в России. – М., 1989.
16. Луман Н. Общество как система. М 2004.
17. Малахов В.П. Миф о научности юридической теории. // Стандарты научности и homo juridicus в свете философии права: материалы пятых и шестых философ.-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсесянца. – М.: 2011.
18. Мелкевик Б. Философия права в потоке современности. // Российский ежегодник теории права. 2008, №1.
19. Поляков А.В. Коммуникативная теория права как вариант интегративного правопонимания. // Правовые идеи и институты в историко-теоретическом дискурсе (к 70-летию профессора В.Г. Графского). – М.: 2008.
20. Право XX века: Идеи и ценности. – М., 2001.
21. Радбрух Г. Философия права. – М., 2004.
22. Рикёр П. Справедливое. – М., 2005.
23. Ролз Дж. Теория справедливости. – М., 2010.
24. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. – М., 2008.
25. Социальная антропология права современного общества. - СПб., 2006.
26. Тамбовцев В.Л. Право и экономическая теория. – М., 2005.

27. Фуко М. Истина и правовые установления. // его же, Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч.2. – М., 2005.
28. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность.(Лекции и интервью. Москва, апрель 1989) - М., 1992.
29. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. – М., 2003.
30. Харт Г.Л.А. Понятие права. – СПб., 2007.
31. Честнов И.Л. Постклассическая теория права. – СПб., 2012.
32. Четвернин В.А. О концептуальном соединении и концептуальном разграничении права и морали в западной юриспруденции. (Обзор). // Право XX века: Идеи и ценности. – М., 2001.
33. Четвернин В.А. Современная либертарно-юридическая теория. // Ежегодник либертарно-юридической теории. Вып.1. – М., 2007.
34. Четвернин В.А., Яковлев А.В. Институциональная теория и юридический либертаризм. // Ежегодник либертарно-юридической теории. Вып. 2, 2009.
35. Шлаг П. Эстетика американского права. // Российский ежегодник теории права. - 2010, №3.
36. Derrida J. Force de loi. "Le fondement mystique de l'autorité". – Paris, 1994. –37. Dreier R. Recht – Moral – Ideologie: Studien zur Rechtstheorie. – Frankfurt a.M., 1981.
38. Finnis J.M. Natural law and natural rights. – Oxford, 1980.
39. Henkel H. Einfuehrung in die Rechtsphilosophie: Grundlagen des Rechts. – Muenchen; B., 1964.
40. Hoerster N. Gibt es ein moralische Verpflichtung zum Rechtsgehorsam? // Logik. Ethik.Theorie der Geisteswissenschaften. – Hamburg, 1977.
41. Kaufmann A. Rechtsphilosophie im Wandel: Stationen eines Weges. – Frankfurt a.M., 1972.
42. Kubes' V. Grundfragen der Philosophie des Rechts. – Wien, N.-Y., 1977.
43. Luhmann, N. Das Recht der Gesellschaft. – Frankfurt a. M., 1995.
44. Luhmann, N. Ausdifferenzierung des Rechts: Beitrage zur Rechtssoziologie und Rechtstheorie. Frankfurt a. M., 1981.
45. Luhmann, N. Rechtssystem und Rechtsdogmatik. – Stuttgart, 1975
46. Rode K. Geschichte der europeaischen Rechtsphilosophie. – Duesseldorf, 1974.
47. Verdross A. Abendleandische Rechtsphilosophie: Ihre Grundlagen und Hauptprobleme in geschichtlichen Schau. – Wien, 1963.

Antinomies of a modern legal consciousness

Ponomarev A.M., Candidate of Philosophy, acting director of Udmurt branch of Institute of Philosophy and Law (Ural Branch of Russian Academy of Sciences), 426067, Russia, Izhevsk, 34 ul. T. Baramzinoy, e-mail: amp08@mail.ru, тел. +7 963 029 35 10

Политология и социология

УДК 172.12

К МИФОЛОГИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Семёнов Ю. В., к.ф.н., доцент, зав. лабораторией по исследованию конфессиональных проблем Института истории и культуры народов Приуралья УдГУ.

Аннотация: в статье рассматривается сложившаяся на сегодняшний день социальная структура самоуправления, понимаемая как определенная иерархическая общность людей, характеризующаяся мифологическим мировоззрением.

Ключевые слова: мифология, местное самоуправление, власть, социальная структура.

Abstract: the paper considers today's social structure of self-government which is regard as a certain hierarchical group of people related to mythological thinking.

Keywords: mythology, local self-government, power, social structure.

В России две напасти:

Внизу - власть тьмы,

А наверху – тьма власти.

Эпиграмма В. Гиляровского на пьесу
Л.Толстого «Власть тьмы» 1886г.

Любой новый опыт имеет два аспекта:

1) факт сам по себе, и

2) характер восприятия этого факта.

Меня интересует второй из этих аспектов.

Из письма К. Г. Юнга об НЛО
в газету «Вельтвохе» (Цюрих),
опубликованном в № 1078 от 9 июля 1954 года.

Автор статьи – не юрист, а философ, но будучи председателем постоянной комиссии по государственному строительству, местному самоуправлению и национальной политике Госсовета Удмуртии 1-го созыва (1995-1999гг.), с тех пор проявляет неослабный интерес к важнейшей для России проблеме – проблеме взаимоотношения Власти и Гражданина, Личности и Власти. Предлагаемый материал – скорее памфлет, нежели строгая научная статья, но, по мнению автора, такой подход тоже может иметь право на публикацию.

Начнём с нормативных актов. Несмотря на имеющуюся в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», но малопочитаемую статью 4 – Правовая основа местного самоуправления, которая гласит: «Правовую основу местного самоуправления составляют общепризнанные принципы и нормы международного права», статья 1 того же Закона РФ даёт следующее толкование местного самоуправления: «Местное самоуправление в Российской Федерации – форма осуществления народом своей власти, обеспечивающая в пределах, установленных Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, а в случаях, установленных федеральными законами, – законами субъектов Российской Федерации, самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций».

И по букве, и по духу текст Закона РФ весьма отличается от определения статьи 3 – Понятие местного самоуправления в Европейской хартии местного самоуправления: «Под местным самоуправлением понимается **право и реальная способность** (выделено мною. – Ю.С.) органов местного самоуправления регламентировать значительную часть публичных дел и управлять ею, действуя в рамках закона, под свою ответственность и в интересах местного населения». В российской Конституции и Законе самоуправление – **обязанность без права выбора вариантов**. Прочувствуйте разницу! Со времени введения самоуправления прошло почти двадцать лет, но граждане в массе своей так и не желают самоуправляться. Исполнительные органы местного самоуправления на местах путём мощного администрирования формируют органы представительные. В свою очередь, назначенные «сверху» губернаторы (президенты, Гла-

вы) рекомендуют глав пониже рангом. Затем депутаты, которым деваться некуда, якобы избирают руководителей органов исполнительных, что позволяет княжить на городе, районе. Кто подаёт голос не в унисон и имеет мнение, отличное от вышестоящего, тот вызывает гнев свыше и лишается дотаций. А таких самоуправляющихся территорий 60-80 процентов. Неудовольствие властей глав городов, районов и др. быстро приводит в чувство. Естественно, что избиратели в большинстве случаев остаются лишь свидетелями происходящих помимо их желания изменений. Цикл повторяется регулярно.

Вполне естественно, что подобного рода деяния совершаются открыто, на глазах Прокуратуры, но до суда избирательные манипуляции доходят крайне редко. Власть умеет постоять за себя. Поэтому если иногда, кое-где у нас порой отдельные граждане имеют смелость жаловаться на самый Верх, то Оттуда письма спускаются обратно, и очень часто жалобщику нездоровится. Справедливая кара за коррупцию, прямое растранивание тощих местных бюджетов – скорее исключение, чем правило.

При наличии писаных законов и надзорных органов государства на местах действует обычное право и власть традиционной иерархии. Такая обстановка порождает безысходность, миф о «добром барине», который приедет и рассудит. Всевластие властей укрепляет миф о беспомощности, формирует подданническую психологию, но, вместе с тем, создаёт почву и для возникновения мифов о том, что где-то есть Настоящее Самоуправление, где электорат – не подданные, а Граждане.

Миф основан на результатах чувственного наблюдения и воображения людей. Он представляет собой чувственно-образное знание о каких-то важных символах мира сего (Державе, Власти, Отечестве и т.п.), имеющее символическое и тем самым понятийное значение для людей, представляющее «образ бытия личностного» [1]. В мифе личность и значимые для нее вещи сливаются в единство, образующее мифологическое сознание человека.

В любом социуме в переходные периоды неведомое, непонятое с неизбежностью рождает социальные мифы, и в них важнейшую роль играет вера в сверхъестественное. В мифологическом мировоззрении отсутствует разделение на мир реальный, земной, бранный и мир вымышленный, небесный, вечный. Это мировоззрение опирается на воображение как важнейшую черту ментальности людей.

Очевидно, главной причиной интенсивного появления и дальнейшего развития комплекса мифов о местном самоуправлении явилась политическая. На волне пещерного антикоммунизма и антисоветизма после расстрела Верховного Совета России в октябре 1993 года срочно требовался документ, который показал бы всему цивилизованному миру, что ельцинская Россия тоже входит в его состав, приобретая необходимые атрибуты демократии. На ещё дымящиеся стволы танковых пушек срочно был брошен трёхцветный флёр всенародно (?) принятой Конституции. Во имя ликвидации СССР и Советской власти Запад закрыл глаза на деликатные особенности российского нормотворчества. Моментальная ликвидация Советов и обязательное введение самоуправления на всей территории государства Российского, не сопровождаемое шлейфом законов и подзаконных актов и финансами, вызвала панику на местах, и, соответственно, местное законотворчество, что, в свою очередь, повлекло множество судебных процессов, включая «крупнокалиберные» постановления Конституционного Суда России.

Сложившаяся в России система, именуемая местным самоуправлением, представляет собой целый комплекс мифов, где используются совокупность отвлечённых понятий, которые в рыцарские времена изображались бы как аллегории Ответственности, Заботы и др. В России виртуалии Закона, Права, Гражданского общества, Свободных Выборов де-юре как бы существуют, но де-факто представлены очень слабо. Сакрализации подвержены и органы власти, как высшие – Президент, Правительство, Государственная Дума, так и рангом пониже – Губернатор (Глава), Законодательное собрание.

В этой мифологической системе действует только настоящее время и пространство, в которых живет человек, практически полностью отсутствует причинно-следственный анализ. В нем слабо наличествуют идеалы, так как на фоне хронической нестабильности нет уверенности в завтрашнем дне, и туманно просматриваются перспективы.

Сложившаяся на сегодняшний день мифологическая социальная структура самоуправления понимается как определенная иерархическая общность людей и характеризуется мифологическим мировоззрением, ментальностью, соответствующими им институтами. Она находится в относительной гармонии с установившейся «вертикалью власти» (её нижним этажом, цоколем или подвалом), что предполагает обязательную встроенность,

подчинённость и отчётность перед «верхами», при некоторой дозволенной декоративной имитации «невхождения» в систему органов государственной власти и полном игнорировании мнения обитателей «снизу».

Любой миф рано или поздно изживает себя. Приходит ясное осознание реального положения дел. Рождаются герои, разрушающие старые мифы. Они сильно рискуют быть непонятыми, ломая привычные представления. Для того чтобы народ их понял, они должны творить новые мифы.

Литература

1. Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991.

To the mythology of local self-government.

Semenov Y. V., Candidate of philosophy, associate professor. E-mail: yursemy@yandex.ru

УДК 314.15

ЗАТУХАЮЩИЙ ЭТНОС

Пономарев К. А., д.и.н., профессор

Аннотация: в статье анализируются демографические процессы, связанные с существованием удмуртского этноса, и раскрываются их причины.

Ключевые слова: удмуртский этнос, демография.

Abstract: the article analyses demographic processes related to udmurt ethnos and their causes are explicated.

Keywords: udmurt ethnos, demography.

Во второй половине 2012 года стали публиковаться официальные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года, одновременно были приняты такие важные документы, как «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (19 декабря) и новый закон РФ «Об образовании» (30 декабря). В Удмуртской Республике 14 декабря прошел очередной XII съезд Всеудмуртской ассоциации «Удмурт кенеш». Появление этих документов и материалов позволяют объективно проанализировать демографические процессы, происходящие с удмуртским этносом, вскрыть их причинно-следственную сущность, сформулировать выводы и рекомендации.

Демографическая эволюция России с 1989 по 2010 гг. свидетельствует о сокращении численности населения страны со 147,0 до 142,9 миллионов человек, или на 4,1 млн. чел. Среднегодовая скорость снижения возрастает: если с 1989 г. по 2002 г. она составила 0,1 %, то с 2002 по 2010 г. уже 0,2 %. Наибольшие потери понес русский этнос. С 1989 г. по 2010 г. его численность сократилась со 119,9 до 111,0 млн чел., т.е. на 8,8 млн. человек. В результате удельный вес русских в общей численности населения страны снизился соответственно с 81,5% до 77,7%.

Следует отметить, что динамика численности различных народов России была разной и по направлениям и по темпам. Бывший эксперт президента Российской Федерации Андрей Илларионов в своем кратком аналитическом материале, опубликованном в начале декабря 2012 года на его сайте, выделил шесть основных типов демографического поведения 41 крупнейших (более 100 тысяч человек в каждом) народов: «эмигранты», «угасающие», «сокращающиеся», «умеренно растущие», «быстро растущие» и «иммигранты». Приводим таблицу, разработанную А. Илларионовым, и комментарии к ней, без купюр.

Таблица № 1

**Динамика демографического поведения
крупнейших народов России в 1989 – 2010 годах**

Типы демографической динамики	Изменение численности населения в 1989-2010 гг. всего, тыс. чел.	Изменение численности населения в 2002-2010 гг. в среднем в год, тыс чел.	Среднегодовой темп прироста населения в 2002-2010 гг., %	Удельный вес в численности населения в 1989 г., %	Удельный вес в численности населения в 2010 г., %	Изменение удельного веса в численности населения в 1989-2010 гг., %
1.«Эмигранты» (6)	-4029	-210	-4,9	5,0	2,4	-2,7
2.«Угасающие» (5)	-939	-57	-1,6	3,0	2,4	-0,6
3.«Сокращающиеся» (7), в т.ч.:	-8410	-657	-0,5	87,2	83,9	-3,3
без русских (6)	439	-47	-0,5	5,7	6,2	0,5
русские	-8849	-609	-0,5	81,5	77,7	-3,8
4.«Умеренно растущие» (9)	1779	29	0,6	2,2	3,5	1,3
5.«Быстро растущие» (11)	1480	57	1,6	1,5	2,6	1,1
6.«Иммигранты» (3)	387	40	10,1	0,1	0,4	0,3

Типы демографической динамики	Изменение численности населения в 1989-2010 гг. всего, тыс. чел.	Изменение численности населения в 2002-2010 гг. в среднем в год, тыс чел.	Среднегодовой темп прироста населения в 2002-2010 гг., %	Удельный вес в численности населения в 1989 г., %	Удельный вес в численности населения в 2010 г., %	Изменение удельного веса в численности населения в 1989-2010 гг., %
«Не указавшие национальность»	5614	521	18,4	0,01	3,9	3,9
Сокращающиеся (18)	-13378	-924	-0,7	95,2	88,6	-6,6
Растущие (23 + не указавшие национальность)	9259	647	5,5	3,8	10,4	6,6
Все население	-4165	-289	-0,2	100,0	100,0	0,0

1. «Эмигранты». В эту группу входят 5 народов, удельный вес которых в численности населения России падал катастрофическими темпами – как в силу низкой рождаемости и высокой смертности, так и в силу массовой эмиграции их представителей за пределы России, а также возможной ассимиляции. Это белорусы, украинцы, немцы, евреи, коми и грузины. Совокупная численность народов этой группы с 1989 по 2010 год упала на 4 млн. чел., с 7,4 до 3,4 млн. чел., или на 54,3%. Их общий удельный вес в населении страны сократился на 2,7 п.п. – с 5,0% до 2,4%, а средняя скорость снижения их численности в 2002-2010 гг. составила 4,9% в год.

2. «Угасающие». В эту группу входят 5 народов, удельный вес которых в численности населения России сокращался быстрыми темпами – прежде всего в силу низкой рождаемости и высокой смертности. Это удмурты, чуваша, мордва, марийцы и молдаване. Совокупная численность народов этой группы с 1989 по 2010 г. снизилась на 939 тыс. чел – с 4,4 до 3,4 млн. чел., или на 21,5%. Их общий удельный вес в населении страны сократился на 0,6 п.п. – с 3,0% до 2,4%, а средняя скорость снижения их численности в 2002-10 гг. составила 1,6% в год.

3. «Сокращающиеся». В эту группу входят 7 народов, удельный вес которых в численности населения России снижался умеренными темпами – по совокупности разных причин. Это адыгейцы, башкиры, татары, азербайджанцы, казахи, кабардинцы и русские. Совокупная численность народов этой группы с 1989 по 2010 г. снизилась на 8,4 млн. чел. (в 2002-10 гг. – на 5,3 млн. чел.), или на 6,6%. Их общий удельный вес в населении страны за 21 год снизился на 3,3 п.п. (на 2,3 п.п. за последние 8 лет), а средняя скорость снижения их численности в 2002-10 гг. составила 0,5% в год.

4. «Умеренно растущие». В эту группу входят 9 народов, удельный вес которых в численности населения России увеличивался умеренными темпами – в основном благодаря превышению рождаемости над смертностью. Это осетины, корейцы, буряты, балкарцы, армяне, чеченцы, калмыки, ингуши и якуты. Совокупная численность народов этой группы с 1989 по 2010 г. увеличилась на 1,8 млн. чел., или на 25,7%. Их общий удельный вес в населении страны возрос на 1,3 п.п., а средняя скорость увеличения их численности в 2002-10 гг. составила 0,6% в год.

5. «Быстро растущие». В эту группу входят 11 народов, удельный вес которых в численности населения России возрастал быстрыми темпами – в основном благодаря значительному превышению рождаемости над смертностью. Это тувинцы, табасараны, цыгане, аварцы, карачаевцы, лакцы, ногайцы, турки, лезгины, даргинцы и кумыки. Совокупная численность народов этой группы с 1989 по 2010 г. увеличилась на 1,5 млн. чел., или на 66,5%. Их общий удельный вес в населении страны возрос на 2,6 п.п., а средняя скорость увеличения их численности в 2002-10 гг. составила 1,6% в год.

6. «Иммигранты». В эту группу входят 3 народа, удельный вес которых в численности населения России увеличивался самыми высокими темпами – не только благодаря превышению рождаемости над смертностью, но главным образом благодаря иммиграции. Это таджики, узбеки, киргизы. Совокупная численность народов этой группы с 1989 по 2010 г. (по переписной статистике) увеличилась на 387 тыс. чел., или в 2,9 раза. Их общий удельный вес в населении страны возрос на 0,3 п.п. – до 0,4%, а средняя скорость увеличения их численности в 2002-10 гг. составила 10,1% в год.

7. «Не указавшие национальность». Отдельную группу, заслуживающую обязательного упоминания, составляют жители

России, не указавшие свою национальность. Совокупная численность этой группы с 1989 по 2010 г. увеличилась на 5,6 млн. чел., или в 362 раза за 21 год (в 2,9 раза за последние 8 лет). Ее удельный вес в населении страны вырос за 21 год на 3,9 п.п., а средняя скорость увеличения ее численности в 2002-10 гг. составила 18,4% в год.

В целом численность населения первых трех групп народов (сокращающих свой удельный вес) с 1989 г. по 2010 г. уменьшилась на 13,4 млн. чел., а их удельный вес в численности населения России снизился на 6,6 п.п. – с 95,2 до 88,6%.

Эти же процессы, но с возрастных позиций, рассматривает доктор экономических наук, директор института демографии Высшей школы экономики Анатолий Вишневецкий.

Таблица № 2

**«Старые» и «молодые» народы России
(количество людей старше 60 лет от численности этноса, в %)**

Демографически молодые - 6%	Киргизы, таджики, турки, цыгане, чукчи, ненцы, чеченцы, ханты, тувинцы, коряки, эскимосы, манси, азербайджанцы, узбеки, ингуши, эвенки.	16 народов
Преддверие старости – 8%	Кумыки, нанайцы, даргинцы, аварцы, лезгины, якуты, лакцы, ногайцы.	8 народов
Невысокий уровень старости – 12%	Алеуты, буряты, калмыки, казахи, хакасы, карачаевцы, кабардинцы, балкарцы, черкесы, камчадалы, абазинцы, армяне, башкиры, адыгейцы.	14 народов
Заметный уровень старости – 18%	Осетины, корейцы, марийцы, молдаване, грузины, татары, греки, чуваша, русские.	9 народов
Значительный уровень старости – 20%	Удмурты, коми, коми-пермяки, немцы, Мордва	5 народов
Высокий уровень старости – 30%	Карелы, вепсы, финны.	3 народа
Крайне высокий уровень старости – 40%	Евреи, украинцы, белорусы.	3 народа

Демографический взрыв среди народов Кавказа Вишневский объясняет не только высокой рождаемостью, но и с подъемом национально-религиозного сознания, возможно, с исламским фундаментализмом, который не приветствует изменений в положении женщин. У северных народов двойная причина: высокая рождаемость и высокая смертность, мало кто доживает до старости. По таджикам, узбекам и киргизам вопросов нет – они приезжают в Россию, оставляя стариков на родине. С евреями все понятно: молодые уехали – старые остались. У других народов уменьшение связано с урбанизацией, образованием, городским образом жизни, снижением рождаемости и т. п. [1, с. 7]. Таким образом, Андрей Илларионов отнес удмуртский этнос к числу «угасающих», а Анатолий Вишневский – к категории народов, имеющих «значительный уровень старости».

Рассмотрим вопросы демографической эволюции удмуртского этноса за последние 50 лет на материалах Удмуртской Республики.

Таблица № 3

Изменение численности населения УР по наиболее многочисленным национальностям. (В тыс. человек)

Годы	Все население	В том числе			В % ко всему населению		
		русские	удмурты	татары	русские	удмурты	татары
1959	1338,2	758,8	475,9	71,9	56,8	35,6	5,4
1970	1417,6	809,6	474,1	87,2	57,1	34,2	6,1
1979	1493,7	870,2	479,7	99,1	58,3	32,1	6,7
1989	1609,0	945,2	496,5	110,5	58,9	30,9	6,9
2002	1570,3	944,1	460,6	109,2	60,1	29,3	7,0
2010	1521,4	912,5	410,6	98,8	60,0	27,0	6,5

За 30 лет, с 1959 по 1989 год численность всего населения Удмуртии возросла на 270,6 тыс. человек, в том числе русских – на 186,4 тыс., удмуртов – на 20,6 тыс., татар – на 38,6 тыс. человек. Поскольку темпы роста этносов были разные, произошло изменение в этно-национальной структуре республики. Удельный вес русских и татар в общем числе населения возрос соответственно с 56,9 и 5,4 % в 1959 году до 58,9 и 6,9 % в 1989 году. Удельный же вес удмуртов за этот период уменьшился с 35,6% до 30,9 %.

С 1989 года началась отрицательная направленность динамики населения по всей стране, в том числе и Удмуртии. За 21 год, с 1989 по 2010 население республики уменьшилось на 87,6 тыс. чел., в том числе русских – на 32,7 тыс., удмуртов – 85,9 тыс., татар – 11,7 тыс. человек. То есть, число удмуртов убавилось по сравнению с русскими в 2,6 раза и по сравнению с татарами в 7,2 раза (разница в соотношении общих итогов численности населения республики объясняется притоком людей из других регионов и мигрантов).

Следует отметить, что темпы сокращения удмуртского этноса имеют тенденцию ускорения. Естественным является то, что в России они происходят активнее, чем в Удмуртии (см. таблицы № 4 и № 5).

Таблица № 4

Изменение численности удмуртов за два последних переписных периода

	1989	2002	2010	1989 - 2002	2002 - 2010	1989 - 2010
В России процент удмуртов (тыс. чел)	715,0	640,0	550,0	-75,0 10,5%	-85,0 11,9%	-160,0 22,4%
В Удмуртии процент удмуртов (тыс. чел)	496	460,6	410,6	-35,9 7,2%	-50,0 10,9	-85,9 17,3%

Ежегодное ускорение темпов сокращения удмуртского этноса прослеживается в следующей таблице.

Таблица № 5

Среднегодовые темпы сокращения удмуртского этноса за два последних переписных периода (человек)

	1989 -2002 (13 лет)	2002 – 2010 (8 лет)	1989 – 2010 (21 год)
В России	5.769	10.625 Ежегодное ускорение в 1,84 раза	7.619

	1989 -2002 (13 лет)	2002 – 2010 (8 лет)	1989 – 2010 (21 год)
В Удмуртии	2.762	6.250 Ежегодное уско- рение в 2,3 раза	4.090

Отрицательная динамика в развитии удмуртского этноса в масштабе России и Удмуртии имела разные тенденции. За 21 год, с 1989 по 2010 годы, сокращение по стране составило 160 тыс. человек, или 22,4 процента, почти четвертая часть этноса. В республике сокращение удмуртского населения за эти годы произошло на 17,3 процента. Это, в общем-то, понятно: оторванность от альма-матер и инокультурная среда способствуют ускоренной ассимиляции. В самой Удмуртии в 2002-2010 годах произошел резкий скачок в темпах ежегодного сокращения этноса по сравнению с предыдущим переписным периодом. Если в России численность удмуртов за 13 лет с 1989 по 2002 год в среднем ежегодно уменьшалась на 5.769, а 2002 – 2010 годах – на 10.625 человек, то есть ускорение произошло в 1.84 раза, то в Удмуртии соответственно с 2762 до 6250 человек, то есть ускорение произошло в 2,3 раза!

В чем же причины такого высокого процесса ассимиляции удмуртского этноса? Рассмотрим основные из них. По данным экспертов ООН, в современных условиях идет мощный глобальный процесс урбанизации общества, в том числе и в России. Если сегодня в России примерно 70% населения проживает в городах, то через 20-25 лет число городского населения составит около 90-95%. Подобный процесс идет и в Удмуртии. Свидетельством тому является ускоряющееся исчезновение деревень. Если в 1959 году в республике насчитывалось 3169 сельских поселений, в 1989 году – 2035, то в 2012 году осталось всего лишь 1963 сельских населенных пункта [4, с. 607], [3, с. 17]. Это напрямую касается удмуртского этноса, поскольку его значительная часть проживает в сельской местности. По переписи 2010 года из 552.3 тысяч удмуртов, проживавших в России, 306 тысяч, то есть 55,4 %, были селянами. Процесс урбанизации сужает социальную базу этноса. Дело еще и в том, что в силу своего менталитета и других причин, удмурты не смогли вписаться в городскую жизнь. Если русский, татарин, башкир, не говоря уже о кавказских народах, переехав из села в город, в

последующем сохраняют свою идентичность, то удмурт уже во втором поколении обрусевает, то есть ассимилируется.

Решающий вклад в процесс ассимиляции вносит система образования. В первые годы после революции советское государство, выполняя национальную программу, проводило курс на т. н. «коренизацию»: создавало национально-государственные территории, уделяло большое внимание подготовке национальных кадров, расширяло сеть образовательных и национально-культурных учреждений. Успехи школьной политики 20-х годов сказались в том, что уже в 1931 году обучение велось на 70 языках, в 1932 г. – на 92, в 1934 г. – на 104 языках народов РСФСР. Соответственно увеличивалось и издание учебников для национальных школ, велась широкая подготовка учительских кадров.

Однако, начиная со второй половины 30-х годов, ситуация начинает существенно меняться. Упраздняются национальные органы просвещения в структуре государственного управления, ликвидируются национальные анклав (в РСФСР было более 200 национальных районов и более 2000 национальных сельсоветов), теряют то звено в структуре государственного устройства, которое обеспечивало им организацию своего школьного дела. Кроме того, под флагом борьбы с «национализмом» национальное в школьном образовании преследуется как националистическое, по «просьбе» национальностей происходит смена графических основ письменности с арабской или латинской на кириллицу и, наконец, в 1938 г. постановлением ЦК ВКП (б) и СНК СССР вводится закон «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» [2, с. 54].

Второй удар национальная школа получила в 1958 году, после введения всеобщего восьмилетнего образования, когда вопрос о языке обучения решался исходя из пожелания родителей. Провозглашенное в законе о школе право родителей выбирать язык обучения, по сути дела, стало толковаться как право на массовый переход на русский язык обучения с первого класса.

В результате во многих национальных регионах России, в том числе и в Удмуртии, классической национальной школы не существует. По данным министерства образования и науки УР, в республике функционируют только школы с преподаванием всех учебных дисциплин на русском языке с преподаванием в части школ удмуртского, татарского, марийского и чувашского языков как предмета (см. таблицу № 6).

Таблица № 6

**Динамика сети образовательных учреждений
с изучением родного языка как предмета**

	2000-2001	2007-2008	2009-2010	2011-2012
Всего с изучением родного языка В том числе:	447 (35419)	371 (21614)	335 (20331)	285 (18460)
Удмуртского	408 (33131)	338 (20121)	307 (18981)	261 (17263)
Татарского	29 (1355)	24 (1176)	21 (1075)	18 (933)
Марийского	9 (486)	8 (300)	6 (258)	5 (255)
Чувашского	1 (447)	1 (17)	1 (17)	1 (9)

Охват учащихся, изучающих удмуртский язык, от общего числа учащихся общеобразовательных школ республики в 2000-2012 годах составляет в среднем 13-14 процентов.

Таким образом, с 2000/2001 по 2011/2012 учебный год общее число образовательных учреждений с изучением национальных языков как предмета уменьшилось с 447 до 285, то есть на 162 школы, а учащихся в них – на 16959, то есть почти в два раза. За это же время школ с изучением удмуртского языка сократилось с 408 до 261, то есть на 147, а обучающихся соответственно с 33131 до 17263 – на 15868 человек. Одновременно шел процесс сокращения обучения удмуртскому языку в городских школах (см. таблицу № 7).

Таблица № 7

**Изучение удмуртского языка как предмета
в городских школах Удмуртии**

Учебные годы	2000-2001	2007-2008	2009-2010	2011-2012
г. Ижевск кол-во школ учащихся	1799	18 1394	18 1571	16 1209

Учебные годы	2000-2001	2007-2008	2009-2010	2011-2012
г. Можга кол-во школ учащихся	170	6 358	5 358	3 189
г. Воткинск кол-во школ учащихся	157	3 193	2 132	2 123
г. Глазов кол-во школ учащихся	50	3 336	2 277	1 173

Как видно, число школ с национальным компонентом и количество учащихся в них свидетельствует о том, что в городах республики обучение родному языку было минимальным, и даже оно систематически уменьшалось. Это обстоятельство привело к тому, что с каждым годом катастрофически уменьшается число удмуртов, владеющих своим родным языком. Если в 1926 году 99,1% удмуртов считали родным свой удмуртский язык, в 1959 г. – 89,1%, в 1979 г. – 76,5%, 1989 г. – 69,9%, то в 2010 году – 55,6 %. Характерными в этом плане являются данные таблиц №№ 8 и 9.

Таблица № 8

**Удмурты в Удмуртской республике, владеющие русским,
удмуртским и татарским языками (по переписи 2010 г.)**

Число населения соответствующей национальности	Указавшие владение языком	русским	удмуртским	татарским
410584	409477	406443	229203	2003
% от числа указавших	100%	99,3%	56%	0,5%

Таблица № 9
**Удмурты в России, владеющие русским языком
 (по переписи 2010 года)**

Всего удмуртов	Из них владеют русским языком	Городское население	Из них владеют русским языком	Сельское население	Из них владеют русским языком
552299	546044	246290	245569	306009	300475
100%	98,8%	44,6	99,7	55,4	98,2

Как видим, происходят две взаимосвязанные между собой тенденции: с одной – неуклонное снижение доли удмуртов, владеющих родным языком, с другой – увеличение числа лиц, владеющих русским языком. Казалось бы, обе тенденции способствуют ускорению ассимиляции. Однако, подобный подход к изучению вопроса является глубоко поверхностным. Этот ход истории однозначно оценивать не стоит. Через познание русского языка удмурты, как и многие народы России, приобщаются к сокровищницам русской и мировой культуры. В этом контексте познание русского языка носит прогрессивный характер. И русский язык совершенно не виновен в происходящем. Как выразился однажды глава муниципального образования «Шарканский район» Александр Прохоров: «Удмурт страдает в основном из-за того, что слабо знает русский язык». В этом он прав. Мы же не обвиняем английский язык в том, что он является глобальным компьютерным языком, необходимым в овладении общечеловеческой культурой. Для этого вовсе не следует отказываться от русского языка. Проблема кроется в том, что сами удмурты обязаны оберегать свою идентичность, свой язык, свою культуру. Одна из основных причин заключается в том, как выразилась известная в республике культуролог профессор Татьяна Семеновна Томшич, что «удмурты сами не хотят быть удмуртами». В обоих рассуждениях этих людей заложена важная истина: для того, чтобы приобщиться к высотам мировой культуры, надо овладеть русским, английским и другими языками народов, не забывая свой родной. Чтобы сохранить свой этнос – не надо уподобляться Иванам, не помнящим родства. Это очень важно, так как наша культура является достоянием не только удмуртского народа, но и всего человечества, что ярко продемонстрировали Бурановские бабушки на Евровидении.

Важную роль в развитии этносов, как и всего сообщества, играет повышение образовательного, особенно профессионального, уровня населения. Сейчас в России осуществляется система получения обязательного общего среднего образования. В этом плане все этносы страны находятся примерно на одном уровне. А в дальнейшем каждый гражданин России имеет право получить любое профессиональное образование – среднее специальное или высшее – по своему желанию и выбору. Это в теории, а не на практике.

Как бы мы не критиковали советскую систему образования, она не только стимулировала стремление к получению образования, но и создавала для этого условия. Ныне же, в условиях рыночных отношений, образование в России превращено в «услугу». А всякая услуга, как известно, требует оплаты. Как бы ни убеждали нас чиновники от образования, а получение специальности у нас стало очень дорогой проблемой. Особенно в условиях небывалого социального расслоения общества. Одни могут обучать своих отпрысков за рубежом России, другие ограничивались получением начального профессионального образования в системе профтехучилищ, которые по новому закону об образовании упразднены. В систему получения бесплатного профессионального образования часто не пройти, а плата для рядового гражданина – неподъемная. Это, в определенной степени, находит отражение в таблице № 10 об уровне образования ведущих народов Удмуртской Республики.

Таблица № 10
Уровень образования ведущих народов УР по итогам переписей населения 1989, 2002, 2010 годов, в %

	годы	высшее	Неполное высшее	Среднее специальное
Все население	1989	9,2	1,4	16,4
	2002	13,4	2,2	24,9
	2010	19,1	3,3	28,3
удмурты	1989	5,7	1,1	13,7
	2002	8,9	1,4	22,8
	2010	13,7	2,3	28,1

	годы	высшее	Неполное высшее	Среднее специальное
русские	1989	11,0	1,5	17,9
	2002	15,7	2,6	26,1
	2010	22,5	3,9	29,8
татары	1989			
	2002	12,6	2,4	24,6
	2010	20,4	3,9	28,5

Итак, мы видим, что за двадцать один год, с 1989 по 2010 годы, уровень образования основных народов республики по всем видам профессионального образования возрос более чем в 2 раза. Особенно показательны успехи в области среднего специального образования, где произошло фактическое выравнивание образовательного уровня этносов. Что касается высшего полного и неполного образования, стартовое начало в 1989 году у удмуртов было более чем в два раза ниже, чем у других народов, и преодолеть это отставание полностью не удалось. Удмурты по этому показателю отставали от русских в 1,65, от татар - в 1,53 раза. Надо также учесть и такую особенность: в высшем образовании у удмуртов преобладали специализации гуманитарного и аграрного профиля, у других, наряду с названными, – инженерно-технического, экономического, медицинского, строительного и юридического направления.

Поскольку Удмуртия обладает огромным промышленным потенциалом, эта особенность привела к тому, что в системе промышленно-экономического и хозяйственного производства прослойка удмуртских кадров является незначительной. Удмурты, как это отметила видный удмуртский этнограф Л.С. Христоролюбова, в городе заняты преимущественно обслуживающим трудом. Это, в свою очередь, явилось причиной слабого замещения руководящих должностей как в системе государственного и муниципального управления, так и в промышленно-хозяйственном секторе республики.

Немаловажным фактором является также менталитет удмурта. Какие же наиболее общие черты характера присущи удмурту? Скромность и незлобивость, неспешность и ответственность в делах, упрямость и обидчивость. Народ этот не драчливый, не агрессивный и не воинственный.

В экстремальных случаях проявляет робость и покорность

к сложившимся обстоятельствам. Все перечисленные качества народа отнюдь не носят отрицательного плана. Они вызваны вековым укладом жизни народа. Удмурты из поколения в поколение являлись землепашцами, занимались бортничеством, охотой и рыболовством. Когда их уголья забирали агрессивные и воинственные пришельцы, они чаще всего бросали свои насиженные места, уходили в дремучие дебри и обосновывались там. Когда же это не удавалось сделать, покорялись сложившимся обстоятельствам. Эти черты этноса являются, на мой взгляд, основной причиной того, что удмурты не смогли адаптироваться к новым условиям современного мира, оказались не способными воспротивиться процессу ассимиляции.

Таким образом, ассимиляция удмуртского этноса – процесс исторически объективный. Его, видимо, невозможно преодолеть, но замедлить темпы его развития вполне в наших силах. Что же для этого надо предпринять?

Основные направления решения этой проблемы заложены в «Стратегии Государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», подписанной Президентом Российской Федерации Путиным В.В. 19 декабря 2012 года. Самой главной задачей органов государственной власти России на данном этапе является сохранение современной политической системы государственного устройства в форме федерации. Я не ставлю сегодня вопроса о том, насколько правильным и целесообразным было решение национального вопроса в первые годы Советской власти и закрепление федеративного устройства в Конституции РСФСР 1918 года. Цель была прогрессивной: помочь ранее отсталым и наиболее угнетаемым самодержавием народам в исторически краткие сроки преодолеть отставание, а многие этносы даже сохранить от исчезновения. В определенной степени эта задача решалась успешно до печально известных 30-х годов XX века.

Как свидетельствуют факты, эта цель не потеряла своей актуальности и сегодня. В то же время известно, что некоторые политические деятели (В. Жириновский, М. Прохоров) в своих программных заявлениях выдвигают идею ликвидации национально-государственных образований современной России и вливание их территорий в состав укрупненных губерний. Это, прямо скажем, очень несвоевременный и очень опасный шаг, грозящий развалом и уничтожением самой Российской Федерации. Следует, наоборот, существующую систему макси-

мально использовать для развития так называемых «затухающих этносов». В Удмуртии это – удмуртский и бесермянский народы.

Разработка государственной национальной программы требует создания специальной структуры в составе Российского Правительства. Тут и думать не надо: следует возродить Министерство национальной политики Российской Федерации.

Следует отметить, что Удмуртская Республика обладает серьезными преимуществами по сравнению со многими регионами России для решения поставленных задач. У нас уже давно работает Министерство национальной политики, успешно функционирует Дом дружбы народов, финансируемый республикой. В этом заслуга и дальновидность органов государственной власти региона и, в первую очередь, Президента Удмуртии А.А.Волкова.

К тому же эту работу мы начинаем не на голом месте. В республике имеется серьезная теоретическая основа – многотомный проект «Феномен Удмуртии», в котором научно обобщен многогранный практический опыт деятельности органов государственной и муниципальной власти, а также органов местного самоуправления по укреплению и развитию позитивных межнациональных отношений.

Другим важнейшим условием является создание благоприятных социально – экономических возможностей для сохранения и развития этноса. Этому, как это может показаться неожиданным, может способствовать происходящий сейчас глобальный процесс климатического потепления. Он, как об этом говорят специалисты, способствует бурному росту населения развивающихся стран, вызывает стремление к повышению его жизненного уровня, что, в свою очередь, ведет к увеличению потребности в продовольствии. В этих условиях Россия, в том числе и Удмуртия, может стать важнейшим звеном в реализации этой проблемы.

В этом случае важной экономической и социальной задачей становится укрепление аграрного сектора республики, внедрение новейшей технологии выращивания сельскохозяйственных культур и, наряду с сохранением крупных аграрных комплексов, активная фермеризация села одновременно с развитием соответствующей инфраструктуры. Проведение данной социально-экономической политики приведет к стабилизации демографической обстановки на селе и, следовательно, сохранению социальной базы удмуртского этноса. Одновременно надо про-

думать комплекс мер, способствующих сохранению и развитию удмуртского этноса в городских условиях.

Решающую роль в осуществлении этой проблемы играет система образования, как в отношении налаживания преподавания и изучения родного и русского языков в общеобразовательных организациях, так и в получении профессионального образования. Как известно, Конституция Российской Федерации в статье 26 сформулировала право каждого на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества. Статья 68 гарантирует всем народам Российской Федерации право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития. В новом федеральном законе «Об образовании» в статье 14 эти конституционные гарантии получили подробную расшифровку. Часть первая гарантирует получение образования в Российской Федерации на государственном языке РФ, а также выбор языка обучения и воспитания в пределах возможностей, предоставляемых системой образования. Часть 3 указывает, что «В государственных и муниципальных образовательных организациях, расположенных на территории Российской Федерации, может вводиться преподавание и изучение государственного языка республик Российской Федерации, в соответствии с законодательством республик Российской Федерации. Преподавание и изучение государственных языков республик Российской Федерации не должно осуществляться в ущерб преподаванию и изучению государственного языка Российской Федерации.» В части 4-й отмечается, что «Гражданин Российской Федерации имеет право на получение дошкольного, начального общего и основного общего образования на родном языке из числа языков народов Российской Федерации, а также право на изучение родного языка из числа народов Российской Федерации в пределах возможности, предоставляемой системой образования, в порядке, установленной законодательством об образовании. Реализация указанных прав обеспечивается созданием необходимого числа соответствующих образовательных организаций, классов, групп, а также условий для их функционирования. Преподавание и изучение родного языка из числа народов Российской Федерации в рамках имеющих государственную аккредитацию образовательных программ, осуществляется в соответствии с федеральными образовательными стандартами, образовательными стандартами».

И, наконец, в части 6-й подчеркивается, что «Язык, языки образования определяются локальными нормативными актами организации, осуществляющей образовательную деятельность по реализуемым ею образовательным программам, в соответствии с законодательством Российской Федерации».

Таким образом, в соответствии с Конституцией Российской Федерации и новым законом «Об образовании»:

Во-первых, обучение и воспитание возможно в государственных и муниципальных образовательных организациях на государственных языках республик, входящих в РФ, но это не должно осуществляться в ущерб преподаванию государственного (то есть русского) языка Российской Федерации.

Во-вторых, граждане Российской Федерации из числа народов РФ имеют право на получение дошкольного, начального общего и основного общего образования на родном языке. Правда, есть оговорка: «в пределах возможностей, предоставляемых системой образования». Эта оговорка очень существенная, ибо она создает лазейку под благовидным предлогом не выполнять провозглашенные права.

В-третьих, предусмотрено ресурсное (нормативно-правовое, кадровое, программно-методическое и материально-техническое) обеспечение провозглашенных прав.

В-четвертых, подчеркивается, что конкретные вопросы организации обучения и воспитания на родных языках определяются локальными нормативными актами образовательных организаций, осуществляющих образовательный процесс.

Все эти гарантии закреплены в Конституции Удмуртской Республики, в законах Удмуртской Республики «Об образовании», «О государственных языках Удмуртской Республики и иных языках народов Удмуртской республики». В этих документах подчеркивается, что государственными языками в Удмуртской Республике являются русский и удмуртский языки, гарантируется сохранение и развитие языка и культуры удмуртского народа, языков и культур других народов, проживающих на ее территории; проявляется забота о сохранении удмуртской диаспоры, компактно проживающей в субъектах Российской Федерации.

Таким образом, в России и Удмуртии имеются конституционные гарантии по сохранению и развитию языков народов, проживающих на их территориях, создана необходимая законодательная основа для выполнения этих гарантий, разработаны

нормативно-правовые документы и комплексные программы практических мероприятий по их реализации. В Удмуртии коллегия министерства образования дважды, 24 января 1991 года и 27 января 2000 года, утверждала Концепции национального образования в Удмуртской Республике. Тем не менее, оно остается таким, каким было охарактеризовано в 1991 году. «1.3. В Удмуртской Республике на современном этапе функционируют только школы с преподаванием всех учебных дисциплин на русском языке и с изучением в части школ удмуртского, татарского и марийского языков как предмета. Практически удмуртской национальной школы не существует. Это обстоятельство привело к тому, что с каждым годом уменьшается число удмуртов, владеющих своим родным языком. Если в 1926 г. 99,1% удмуртов считали родным свой удмуртский язык, в 1959 г. – 89,1% в 1979 г. – 76,5%, то по переписи 1989 г. только 69,9%. Почти одна треть нации не знает своего родного языка.

Создавшаяся ситуация требует энергичных мер по возрождению и развитию удмуртской национальной школы». Положение, как видим, за двадцать лет, несмотря на все принимаемые меры, несколько не улучшилось. Как показывают данные таблиц №6 и №7, только седьмая часть учащихся-удмуртов охвачена обучением родному языку.

Очевидно, что в решении этой проблемы упущено какое-то очень важное звено. Как подчеркивал классик, для осуществления какой-либо цели надо найти основное звено, которое поможет вытянуть всю цепь. Таким звеном, видимо, является соблюдение мотива личной заинтересованности каждого субъекта образовательного процесса: учащегося, родителей, руководителей образовательных организаций и органов управления системой образования республики. Эта заинтересованность, на мой взгляд, может и должна поощряться как моральными, так и материальными стимулами. Тем более, что эти меры предусмотрены Законом Удмуртской Республики «О государственных языках Удмуртской Республики и иных языках народов Удмуртской Республики» (см. статью 8 закона).

Одновременно следует продумать систему получения удмуртами и бесермянами высшего профессионального образования не только гуманитарного, но и технического профиля. Практика квотирования учебных мест в вузах для подготовки специалистов из числа коренных народов, как это осуществлялось в прежние времена, в современных условиях себя изжила.

Следовательно, необходимо повышать уровень их подготовки в общеобразовательных организациях. Возможно, для этого необходимо создать в районах сеть филиалов гимназии им. Кузубая Герда, а также муниципальным органам управления заключать контракты с вузами республики.

Сегодня, в связи с принятием «Стратегии государственной национальной политики в Российской Федерации на период до 2025 года», в Удмуртии, как и в других регионах страны, будут приниматься соответствующие документы. Важно, чтобы в этот процесс были вовлечены не только официальные государственные структуры и органы местного самоуправления, но и неформальные объединения этноса. Именно от них во многом зависит формирование у этноса позитивного желания сохранения своего будущего.

Литература

1. Вишневский А. Народ путался: «Папа – татарин, мама – башкирка, себя считаю русским...» // Комсомольская правда. 30 ноября 2012.
2. Российское образование в переходный период: программа стабилизации и развития. М.: МО РСФСР 1991.
3. Удмуртия в цифрах: 2012. Стат. сборник.
4. Удмуртская Республика: Энциклопедия. Изд. 2-е. Ижевск: Изд-во «Удмуртия», 2008.

Vanishing ethnos.

Ponomarev K. A., Doctor of history, professor. E-mail: naukaudm@yandex.ru

Культурология

УДК 908 (470)

САРАПУЛ КАК СТОЛИЦА СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ: ИСТОРИЯ ПРОЕКТА В ЗЕРКАЛЕ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Хохрякова Д. Н., магистрант 1-го курса направления «культурология», Институт социальных коммуникаций, ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

Научный руководитель – Напольских В.В., д.и.н., профессор, член-корреспондент РАН

Аннотация: данная статья является кратким описанием истории города Сарапула, в которой приводятся обоснования этнолога и историка Н. Н. Блинова о возможном приобретении Сарапулом статуса столицы Среднего Прикамья. В начале статьи обосновывается актуальность темы, ставится цель и формулируются задачи, решение которых необходимо для достижения результата. В работе приводятся несколько вариантов происхождения названия города и историческая справка. Статья завершается идеями Н. Н. Блинова о преобразовании города Сарапула в столицу новообразуемой губернии и фактами, подтверждающими состоятельность таких обоснований.

Ключевые слова: столица Среднего Прикамья, Сарапул, губерния, происхождение названия города, культура, малые народы, Удмуртия, Кама

Abstract: this article is a brief description of history of the city of Sarapul. The proofs of ethnologist and historian N.N. Blinov are given about possible acquisition by Sarapul of the status of the capital of the Middle Kama Region. In the beginning of the article the relevance of the research topic proves, the goals and objectives are set which decision is necessary for achievement of result. Further some options of the name's origin of the city and historical information are given in work. The article comes to the end with N.

N. Blinov's ideas about transformation of Sarapul into the capital of the new formed province and the facts that confirm an ability of these proofs.

Key words: the capital of the Middle Kama, Sarapul, province, the origin of the name of the city, the culture, the small nations, Udmurtia, Kama

В наше время большой интерес для культурологов и историков представляет изучение особенностей быта немногочисленных народов, наблюдение за развитием локальной культуры небольших населённых пунктов. Это объясняется тем, что ранее взоры исследователей были, прежде всего, направлены на познание тайн величественных цивилизаций, некогда проживавших на планете. Создавались целые экспедиции, целями которых было обнаружение и идентификация источников по определенным признакам и их отнесение к какой-либо культуре. Подробным и детальным реконструкциям подверглись такие известные на данный момент цивилизации, как Древний Египет, Древняя Греция, Древний Рим и ряд других. С течением времени стало ясно, что изучение феномена культуры большой страны будет неполным без рассмотрения и понимания процессов, происходивших в небольших и малочисленных обществах. Такое осознание пришло уже в 19 веке ко многим историкам, искусствоведам и культурологам, которые стали активно поднимать вопросы изучения и исследования малых народов и особенностей их религии, философии и мировоззрения. Перед исследователями открылось огромное пространство тем, вопросов и проблем, которым можно было посвятить свою деятельность.

Данная работа также поднимает на поверхность изучение культуры, социального, промышленного, экономического, политического развития такого небольшого и провинциального города, как Сарапул. Кроме его названия и пары промышленных предприятий, действующих на данный момент в городе, большинству людей, не проживающих в этом населённом пункте, практически ничего не известно. Мало кому известен и тот факт, что на рубеже 19-20 веков Сарапул мог стать столицей во вновь образуемом Среднем Прикамье. Какие факты позволяли думать о такой возможности, кто выдвигал идеи о приобретении такого высокого статуса самым древним на сегодняшний день городом в Удмуртии, и почему эта идея не была осуществлена, рассказывает эта статья.

Объектом исследования является культурное, экономическое и социальное пространство города Сарапула второй половины XIX – нач. XX в.

В качестве **предмета** исследования выступают внутренние процессы города, являющиеся частью жизни его жителей, трансформации быта, культурного и духовного подъёма на данный период.

Цель работы. Изучить и проанализировать идеи Н. Н. Блинова о преобразовании города Сарапула в столицу вновь образуемого Среднего Прикамья, понять, какие преобразования в городе давали основания для выдвижения такой идеи.

Поставленная цель определила **задачи исследования:**

1. выполнить анализ книг и статей Н. Н. Блинова о развитии Сарапула второй половины 19 – начала 20-го веков;
2. изучить документацию, фотографии, периодические издания, публикуемые вначале 20-го века в городе Сарапуле;
3. установить взаимосвязь между промышленным, культурным, экономическим развитием города и появлением идей о присвоении городу статуса столицы Среднего Прикамья.

Чтобы повествование было достаточно полным, часть статьи посвящена истории возникновения самого города, его названия.

Предыстория. Кама с незапамятных времён привлекала жителей на свои берега. Правый нагорный берег, более выгодный в стратегическом отношении, являлся удобным для поселений. Высокие, окружённые глубокими оврагами, мысы удобны, как наблюдательные пункты и как естественные укрепления. На многих из этих высоких мысов, можно найти признаки культуры. Если всматриваться внимательнее в характер находок, рисунков и структуру черепков, сличая эти находки с находками других городищ и местностей, придётся заключить, что эти вещи не принадлежат одной культуре и одной народности; все эти народности жили, быть может, не в одно время.

Сарапульский уезд, расположенный на правом берегу Камы, богат городищами и древними поселениями; многие из этих памятников старины ещё не исследованы, иные даже не внесены и в литературу. Особенно богата ими южная часть уезда, примыкающая к Елабужскому, расположенная против устья Белой. Она являлась когда-то местностью густо населённой [2, с. 35].

Являясь самым древним городом Удмуртской республики, Сарапул остаётся, по-прежнему, мало изученным в культурном

плане. Однако, благодаря сохранившимся историческим сведениям возможна некоторая реконструкция появления и развития города с особенными уточнениями о «бурном» этапе жизни Сарапула в конце 19 – нач. 20 веков, когда наблюдался его расцвет, и в умах некоторых людей зрели планы о приобретении городом статуса столицы. Эта тема в достаточной мере интересна и актуальна на сегодняшний день.

На протяжении многих веков Сарапул выступал в качестве своеобразного центра Среднего Прикамья, которое само в значительной мере занимает особое географическое положение. Оно находится между двумя крупными регионами Европейской России – Приволжьем и Уралом. В историческом и этнокультурном отношении Среднее Прикамье так же занимает срединное положение между несколькими крупными историко-культурными центрами – Вяткой, Пермью, Татарстаном и Башкортостаном. Будучи генетически в различной мере связанным с каждой из областей, Среднее Прикамье с давних времён занимает совершенно особенное положение на их стыке. Эту специфику края, находящегося между Россией и Сибирью, отмечали ещё дореволюционные авторы, когда в начале 20 века писали о необходимости создания новой Прикамской губернии [6, с. 5].

Многоводная Кама поражает путешественника монотонностью, «суровостью» берегов. Десятки, сотни вёрст с одной стороны идёт стеной крутой берег, то голый, то заросший лесом; с другой же тянутся вдоль луга низменности. Не только крупные, но и мелкие селения лишь изредка виднеются, запрятываясь в ложбинах [4, с. 9].

Сарапул – один из старейших городов Удмуртии и Прикамья – был важным центром русской колонизации Урала и Сибири. Сегодня он является самым «русским» городом Удмуртской республики, но его самобытная история и богатое культурное наследие напрямую связаны и с удмуртским, и с татарским народами. О Сарапуле писали много и многие, но в отличие от других городов республики до сих пор не появилось книги, которая создавала бы достаточно целостную картину истории города от древности до наших дней и давала бы общее представление об основных этапах его развития [6, с. 6].

Серьёзное и планомерное археологическое изучение древнейших культурных слоёв города могло бы дать колоссальные сведения по истории Сарапула. С сожалением приходится констатировать, что в старинном городе никогда не проводились масштабные археологические изыскания [1, с. 10].

Относительно происхождения названия города высказывались различные гипотезы, большинство которых появилось в последнее десятилетие в связи с пробуждением общественного интереса к городской истории, в значительной степени вызванного празднованием 400-летия города в 1996-ом году. Учитывая то обстоятельство, что слова сара, сар, сары, сыра, сарап, сарапа, сарапча, пул, пула, ул, уль, ула, и т. д. встречаются в различных финно-угорских, индоиранских, тюркских, монгольских и семитских языках, функционирующих на огромных пространствах от Испании до Маньчжурии и от Западной Сибири до Индии, не приходится сомневаться, что новые варианты трактовки названия города ещё будут появляться. Как известно так называемая народная этимология не знает границ и практически неисчерпаема, а потому новые варианты типа «золотая гора», «золотая крепость», «поселение шорников», «жёлтая глина», «белый мёд», скорее всего будут появляться и в дальнейшем [6, с. 11].

Наиболее правдоподобным выглядит болгарское происхождение Сарапула, о чём писали многие известные учёные: академик Г.Ф. Миллер, академик И. П. Фальк, член-корреспондент АН СССР Д. К. Зеленин, профессор Н. Ф. Катанов, а в своих более поздних работах и автор «чувашской» версии – Н. Н. Блинов. На сформировавшемся примерно в 14 веке татарском языке, относящемся к кыпчакской ветви тюркской группы алтайской языковой семьи, «жёлтая рыба» звучит как «сэрэбалык», что по написанию и произношению существенно отличается от термина «сарапула» в Среднем Прикамье, который существовал ещё до того, как здесь в 17-18 веках появились чуваша. Абсолютно очевидно, что последние не имели прямого отношения к появлению термина «сарапула», обнаруживающего древнее дотатарское, докыпчакское происхождение [6, с. 16].

С глубокой древности, будучи составной частью Камско-Волжского торгового пути, Среднее Прикамье повидало множество путешественников и купцов, сообщения которых могли бы сегодня стать ценным источником для реконструкции истории края. Однако, сравнительно немногочисленные дошедшие до нас материалы касаются преимущественно Нижнего Прикамья [6, с. 76].

Для нас особый интерес представляет карта – портолан братьев Пицигано, составленная ими в 1367 г. по результатам как собственных путешествий, так и из других источников. На карте к северо-востоку от болгарских городов Нижнего Прикамья и к

западу от Сибири на среднем течении Камы обозначен городок под названием Char, т.е. Чар или Шар, к юго-востоку от которого расположена земля Паскати. Поскольку в средние века европейские путешественники и купцы называли Паскатином Башкирию, мы можем констатировать, что местоположение городка Чар/Шар достаточно чётко локализуется в Среднем Прикамье. Так что вполне вероятно, что это первое письменное упоминание Сарапула, относящееся к 1367 году. Несовпадение орфографии в данном случае может быть объяснено как объективной трудностью фиксирования европейцами тюркских топонимов, так и возможным получением информации через посредников, которые, адаптируя названия к фонетике своего языка, искажали их при передаче. Редуцированная форма, т.е. отсутствие второй части названия «пула», вполне объяснима стремлением носителей языка к сокращению имён собственных и имеет немало примеров в истории и современности [6, с. 79].

Таким образом, первые упоминания о Сарапуле в письменных источниках связаны не с поселением, а с местностью при впадении одноимённой реки в Каму речки Юрманки в непосредственной близости от болгаро-татарского поселения Сарапула, находившегося чуть ближе к устью речки Сарапулки. Таким образом, как это часто бывало, русское население селилось на территории, в определённой мере освоенной и окультуренной, постепенно вытесняя болгаро-татарское население.

По сведениям из переписных книг следует, что в конце 16 века население Сарапульской округи составляли оброки – лично свободные крестьяне, платившие в казну продуктовые или денежные платежи. В 17 веке в Среднем Прикамье формируются дворцовые волости, принадлежавшие царской семье. Центрами таких волостей становились дворцовые сёла – относительно крупные населённые пункты, где имелась церковь. Образованные поселения получали названия по церкви: село Вознесенское, село Трёхсвятское, село Никольское (Николо-Берёзовка), Новоникольская слобода (Оса), в которых были построены соответственно церкви Вознесения Господня, трёх Святителей, Святого Николая Чудотворца [6, с. 99].

Население Сарапульской округи в начале 17 века концентрировалось преимущественно на берегах Камы и её правых притоков. Дальнейшее продвижение сдерживалось необходимостью расчистки под пашню больших лесных массивов. Главную роль в жизнеобеспечении играло пашенное земледелие.

В эпоху преобразований Петра Великого огромная неизведанная Россия нуждалась в учёных вообще, а в картографов особенно, поскольку ни одной точной (в европейском понимании) отечественной карты государства, раскинувшегося до Тихого океана, по-прежнему, не было. Точность карт из «Чертежной книги Сибири», составленной к началу 18 века боярским сыном С. У. Ремезовым, оставляла желать лучшего. Тем не менее, примечательно то, что Сарапул был обозначен на двух картах «Чертежной книги Сибири», в одном случае как «Сарапу», в другом – «Сарапуль».

На протяжении большей части 18 века, а именно до 1780 года, Сарапул в различных документах упоминается в качестве городка, пригорода, слободы, села, и фигурирует под названиями «Сарапул», «Сарапуль» и даже «Сарапульск». Уже в начале столетия наряду с Кунгуром это один из крупнейших населённых пунктов Прикамья, уступавший по числу населения лишь Соликамску [3, с. 15].

Население Сарапула составляли дворцовые крестьяне, находившиеся в несколько лучшем положении, нежели другие группы. Кроме того, дворцовые крестьяне были освобождены от ряда податей и повинностей. Однако это не столь существенно облегчало их жизнь, поскольку постоянно вводились новые налоги: на бани, на окна и другие. Поскольку Сарапул стоял на оживлённом пути в Сибирь, то для сарапульских крестьян весьма обременительной была ямская повинность [6, с. 121].

В результате административного реформирования, проходившего на протяжении практически всего 18 века, на территории Российской империи «для всенародной пользы» указом от 18 декабря 1708 года созданы восемь губерний [6, с. 122].

Сарапул вошёл в состав Казанской губернии и упоминается в это время как «пригород» Казани. Территория бывшего Сарапульского уезда стала Сарапульской волостью, простиравшейся вокруг на десятки вёрст. Управители волости в разное время назывались по-разному – комиссары, актуариусы, управители и «сидели» в располагавшейся внутри Сарапульской крепости приказной избе [6, с. 123].

Поскольку крестьяне Сарапульской волости «... как поселяне тамошние почислены во дворцовые, то и посылались туда для управления ими до 1729 года из приказа воеводы, а с 1729 года от учреждений дворцовой канцелярии насылались туда дворцовые управители...». Согласно А. И. Вештому, «... с 1740 года,

когда в Казани учреждена дворцовая контора, управительская должность поручаема была тутошним сарапульским жителям, и Сарапул с того времени и до 1780 года был дворцовой слободой» [3, с. 17].

Несмотря на развитие различных ремёсел, в подавляющем большинстве крестьянское население Сарапула по-прежнему занималось земледелием и рыбной ловлей. Из сельскохозяйственных культур наибольшее распространение имели рожь, овёс, полба, гречиха, лён. По мере уменьшения земельных наделов рыболовство приобрело товарный характер и играло всё более важную роль в жизни местных крестьян. Кама буквально поила, кормила и обеспечивала работой большинство сарапульцев. П. И. Рычков писал о Каме в середине 18 века: «По ней вверх, а более вниз, с пермскою солью и с сибирских заводов с железом и со всякими железными припасами ходят немалые суда. Рыбы в ней довольство всякой, а особливо белой рыбицы и лососей более, нежели в Волге. Белуги редко до устья Белой, а осётры до Сарапула доходят. Вся камская рыба здоровее волжской признаётся...» [6, с. 125].

Благодаря плодородной земле, масштабной вырубке лесов и расчистке новых земельных пространств под пашню, Сарапульская округа стала одним из крупнейших производителей и поставщиков хлеба в Прикамье. Для отправки зерна по Каме в Сарапуле была построена хлебная пристань, ставшая одной из крупнейших в Прикамье. Уже в начале 18 века сарапульский рынок стал играть значительную роль в поставке хлеба в Верхнее Прикамье и Сибирь («верховой отпуском»). По мере развития и расширения хлебного рынка Сарапул стал со временем и крупным перевалочным пунктом хлебной торговли, поскольку основные объёмы зерна стали закупаться не в прикамских а в более отдалённых удмуртских волостях [6, с. 126].

Часть сарапульцев, сочетавшая первое время земледелие с торговлей, впоследствии занялись исключительно торгово-посреднической деятельностью, приносившей наибольшие доходы. Помимо хлеба для последующей перепродажи скупались мёд, воск, пушнина, пенька, и другое. Торговля была много выгоднее и стабильнее земледельческого хозяйства, а наличие предпринимательской жилки, подкреплённое выгодным местоположением Сарапула, практически гарантировало успех [6, с. 127].

Постепенно возрастало транспортное значение слободы – с 1745 года через Нижний Новгород, Казань, Сарапул, Кунгур

и Екатеринбург проходил специальный почтовый путь от Москвы до Тобольска для регулярной пересылки казённых бумаг и частных писем.

По сообщению Н. Н. Блинова, в первой половине 18 века в Сарапуле было открыто Духовное правление, в ведении которого находились все селения и заводы, округа вплоть до Кунгура [6, с. 129].

Именным указом Екатерины Второй от 11 сентября 1780 года всемилостивейше повелевалось учредить Вятское наместничество, которое входило наряду с Нижегородским и Костромским наместничествами в единое генерал-губернаторство с центром в Нижнем Новгороде, «...впоследствии чего все те селения кои назначиваются быть городами...». Так в сентябре 1780 г. бывшая слобода Казанского уезда Сарапуль получила новый статус и стала городом Сарапулом, центром одного из крупнейших уездов Вятского наместничества. В получившем немалый кредит доверия Сарапуле в то время было две церкви и 406 обывательских домов [6, с. 147].

Обретение Сарапулом статуса уездного города коренным образом изменило ход его жизни. За сравнительно короткий срок сельское поселение обрело черты уездного центра. В 1781 году город получил свой герб, разработанный на основе записей П. С. Палласа и других учёных придворным герольдмейстером, действительным статским советником А. А. Волковым. 13 августа 1784 года императрица Екатерина Вторая утвердила первый генеральный план застройки города, составленный придворным архитектором Иоганном Лемом по записке губернского архитектора Ф. Рослякова.

Центральным местом города стала просторная Соборная (Вознесенская) площадь, образовавшаяся после разбора старой сарапульской крепости. В центре площади стоял главный собор уезда – Вознесенский. Собор – единственное на тот момент каменное здание в городе, был относительно скромным, поскольку изначально строился как Никольская церковь [6, с. 149].

В конце 18 века Сарапул продолжал сохранять значение крупного перевалочного центра хлебной торговли. С 1780-х гг. в Сарапульском уезде, как и в соседних прикамских уездах Вятской губернии, начинают осуществляться регулярные закупки хлеба для казённых нужд и столичных магазинов. Определённую позитивную роль в развитии города некоторое время играло то обстоятельство, что с 1783 года большой Сибирский тракт, «...оставивший в стороне города Вятской губернии, а равно и при-

камские – Соликамск с Верхотурьем», прошёл от Казани через Сарапул, Оханск, Пермь, Кунгур, Екатеринбург, Тюмень до Тобольска и далее.

Одним из приоритетных направлений реформационной деятельности императрицы Екатерины Второй являлось распространение идей просвещения по примеру европейских стран. Актуальность этого направления была вызвана почти поголовной неграмотностью населения России. В последней четверти 18 века началось реформирование системы образования, выразившееся в создании главных народных училищ в губернских городах и малых народных училищ в уездных городах.

Первое малое народное училище Вятской губернии открыто в Сарапуле 22 сентября 1790 года. Малые училища были двухклассными. Ежегодно обучалось в среднем 30 человек. Население не видело в образовании большого проку, а потому не торопилось отдавать своих детей в училище.

Первым учителем в городе был «первый историограф вятского края» Александр Иванович Вештомов, родившийся в Пермской губернии. Он давал довольно лестную оценку населению Сарапульской округи: «Жители суть населенцы из соседних вверх по Каме лежащих мест нашедшие, с которыми сарапульцы и все в уезде его русские совершенно сходят в образе жизни, одеянии, в наречии, склонностях и душевных качествах, ласковости, учтивости, гостеприимстве к незнакомым и странникам, сознании благодарности – благодарности» [6, с. 153].

В экономическом развитии Сарапула в этот период на первом месте, безусловно, стояла хлебная торговля, но новый импульс к развитию получило ремесло – появились новые специальности и направления. Так ещё в 1780-е гг. источники отмечали в Сарапуле «медное, чеботарное, портное художества». Географический словарь от 1789 г. сообщает, что многие сарапульцы «...имеют пропитание от земледелия и от приходящих судов по Каме с дровами, солью и железом», и отмечает наличие юфтяных и мыльных заводов [3, с. 25].

Действительно, в последней четверти 18 века в городе возникло несколько кожевенных домовых предприятий, громко именованных заводами. Они представляли простую домашнюю мануфактуру, основанную на ручном труде членов семьи заводладельца. Объёмы производства таких заводов были невелики, но стабильный спрос на их продукцию делал выработку кож более выгодным занятием, нежели земледелие.

Одним из первых в 1782 году начал действовать завод крестьянина Тимофея Злыгостева. В 1780-1790-е гг. свои домашние предприятия завели Максим Седов, Борис и Прокопий Барабанщиковы, Самсон Балашов, Афанасий Гаревский, Гаврила Злыгостев, Семён Злыгостев, Александр Зайцев, Михаил и Степан Курбатовы. В ведомости от 17894 года, составленной городничим А. В. Дуровым на имя правителя Вятского наместничества, в качестве крупнейших числились заводы А. Зайцева и С. Злыгостева, выделявшие в год до 10 000 кож. М. Седов имел кроме кожевенного ещё и мыловаренный завод, а продукцию продавал далеко за пределами губернии [6, с. 155].

Многие бывшие сёла Российской империи, получившие статус уездных городов, ещё долгое время лишь формально соответствовали понятию «город». В отличие от этих ненастоящих городов, Сарапул и в прежние годы, «строением обывательских домов и богатством жителей превосходивший многие уездные города», за сравнительно короткий срок прошёл путь до крупного уездного центра. На протяжении 19 века облик города неоднократно менялся. Этому способствовало и постоянное совершенствование строительства, и потребности города в общественных зданиях [6, с. 159].

Для полноценного развития города в 1805 году крестьяне Сарапула были переведены в разряд государственных, получив таким образом возможность перехода в купечество и мещанство. В отличие от них крестьяне сарапульской округи остались в числе удельных, т. е. принадлежавших царской семье.

Практически все бывшие крестьяне города воспользовались возможностью и перешли в мещанство и купечество. В результате число городских сословий увеличилось, и вскоре основную массу сарапульского населения составили мещане – податное сословие, состоявшее из ремесленников, мелких торговцев и домовладельцев.

Купечество возникло из числа зажиточных и предприимчивых крестьян, занимавшихся в период накопления первичного капитала любыми видами предпринимательской деятельности. В Сарапуле в начале 19 века насчитывалось 29 крупных по местным меркам купцов, большинство из которых занималось скупкой и перепродажей хлеба, а также торговлей кожами, юфтью, шёлком и так далее.

Хлебная торговля приносила, пожалуй, наибольшую прибыль. Спрос на хлеб неуклонно возрастал вследствие уве-

личения числа уральских заводов и населения в заводских посёлках.

В 1804 году начался новый этап реформы образования, целью которого было увеличение количества грамотных и качества получаемых учениками знаний. Как следует из источников, «Сарапульское училище помещалось в небольшом деревянном доме, состоявшем из одной комнаты, в которой могло поместиться до 40 человек». Однако, желающих учиться было гораздо больше. Сумма, необходимая для покупки нового здания, была накоплена лишь к 1817 году, когда в Сарапуле открылись приходское и уездное училища. В сфере образования Сарапул был причислен к Казанскому учебному округу и контролировался Казанским университетом [6, с. 162].

В 1820 году в Сарапуле открылось приходское духовное училище. К 1825 году рядом с собором было построено новое отдельное здание духовного училища. Помимо училищ в городе работало около десятка частных преподавателей.

В 20-е годы 19-го века в Сарапуле активно развивалась стационарная торговля через торговые лавки, принадлежавшие купцам и мещанам. Лавки не имели какой-либо специализации. Там продавался разнообразнейший товар, от самых простых и необходимых продуктов питания до дорогих вин и деликатесов, от изделий местных ремесленников до предметов роскоши. Тон в региональной оптовой торговле задавали купцы Сарапула и Елабуги. Во второй четверти 19 века Сарапул обошёл Елабугу по числу населения и по ряду других показателей.

Сарапул превратился из аграрного поселения в один из крупнейших торгово-промышленных центров всего Прикамья. Значительную часть населения стали составлять служащие, промышленники, торговцы и ремесленники. Если в начале 19 века большинство ремесленников Сарапула составляли чеботари и кожевники, а также калашники и кузнецы, то к его середине число представленных ремёсел значительно расширилось: сапожники, башмачники, набойщики, кожевники, красильщики, кузнецы, портные шляпники, стекольщики и т.д. Всё больше ускорявшееся развитие домостроительства, судостроительства требовало больших объёмов пиломатериалов и специалистов по строительству и деревообработке. Именно в этой сфере наблюдалась большая концентрация наёмных рабочих.

На протяжении первой четверти 19 столетия Сарапул превратился в крупнейший город Среднего Прикамья. В 1812 году

известным столичным архитектором В. Гесте был создан второй генеральный план, по которому город развивался более полувека [6, с. 170].

Академик А. М. Шёгрэн, побывавший в Сарапуле в 1827 году оставил довольно подробную его характеристику. Город украшали три просторные площади – соборная, Покровская и Троицкая. В городе имелись каменный Вознесенский собор, каменные Покровская и Воскресенская церкви, а также единовременная часовня. Число жилых домов увеличилось до 620, из них 19 были каменными. О высоком уровне развития местной торговли свидетельствовали 84 каменные лавки.

Сарапульское купечество на тот период состояло исключительно из третьей гильдии и, наряду с зажиточными мещанами, занималось преимущественно торговлей хлебом и кожей.

По свидетельству современников, Сарапул на протяжении всего 19 столетия стремительно менял свой облик. Культурная жизнь города медленно, но поступательно развивалась под воздействием приехавших в город учителей и врачей, работавших в училище и в больнице.

В июле 1851 года в Сарапуле открыта первая вольная аптека на собственном иждивении фармацевта В. Д. Розенкранца.

Библиотека и научный кабинет при ней торжественно открыты 1 января 1835 года при содействии министра народного просвещения С. С. Уварова. Примечательно, что она стала не просто первой в Вятской губернии – библиотека в Сарапуле появилась раньше, чем во многих губернских городах России.

В 1839 году в Сарапуле с целью повышения эффективности системы управления госимуществом открылось Окружное управление Палаты государственных имуществ. Сарапул был выбран окружным центром вследствие равноудалённости от губернских городов и удобного местоположения. Это был крупный шаг, повышавший статус города в отношении других уездных центров. Его следствием стал приезд на новое место работы десятков чиновников и членов их семей, что, в конечном счёте, способствовало общему подъёму культурного и делового имиджа Сарапула.

По-прежнему, число купцов в Сарапуле возрастало, и они постоянно расширяли географию своей деятельности. Сюда по коммерческой надобности издалика съезжались многочисленные торговые люди, налаживавшие деловые контакты с производителями и оптовыми перекупщиками обуви и кож. Развитие

деловой жизни потребовало открытия гостиниц, приличных харчевен [1, с. 178].

Сарапул был не только торговым, но и одним из наиболее промышленно развитых городов Вятской губернии. Уже в 1856 году газета «Вятские губернские ведомости» называла Сарапул вторым городом губернии.

В это время всё более актуальной и настойчивой становится идея Н. Н. Блинова об открытии новой Прикамской губернии и присвоении Сарапулу статуса столицы Среднего Прикамья. Вот как об этом пишет сам Блинов: «Стремление отделиться от Вятки и создать новый центр провинциальной общественной жизни настолько велико и общераспространенно, что речь об этом идёт и на земском собрании. Надежды местных жителей на открытие новой Прикамской губернии значительно увеличились, когда в 1878 году появился в печати слух о том, что в высших сферах проектируется учреждение смешанной комиссии представителей от разных министерств и ведомств для обсуждения вопроса об изменении границ некоторых губерний и об открытии нескольких новых. Тогда наряду с другими городами, предназначенными к преобразованию в губернские, стоял на очереди и Сарапул. Причём во внимание принимались главным образом выгодные географические и экономические условия Сарапульского уезда в сравнении с другими уездами соседних городов [3, с. 4].

Нельзя обойти вниманием и тот факт, что при присоединении Сарапульского и других южных уездов Вятской губернии не принимались во внимание какие-либо народно-экономические и промышленные нужды населения. Для образования отдельной Прикамской губернии в то время не представлялось веских оснований в виду сравнительной малозначимости этой местности [3, с. 5].

Сам по себе город Сарапул – столица Среднеприкамского края, не пройдёт много времени как город этот и тяготеющий к нему район будут обращены в особую губернию. Анализируя «Записки об экономическом значении и грузообороте проектируемой железнодорожной линии Казань – Екатеринбург» Блинов выделяет следующий момент: «Город Сарапул является центром торговли всего Прикамья» [1, с. 3].

Так, серьёзными тщательными исследованиями групп инженеров и статистов определяется выдающееся значение города Сарапула. В записках сообщается значительный статистиче-

ский материал, касающийся наиболее важных, обращающих на себя внимание своим значением местных производств, заводов, фабрик, промыслов, обширной многомиллионной торговли и проч.

Экономические, торговые и промышленные интересы населения расширились настолько, что вполне естественно явилась мысль о формировании отдельной самостоятельной административной единицы – Сарапульской губернии. Именно ко времени столетнего юбилея существования города представители его настойчиво высказывались за ходатайство пред правительством об образовании Прикамской губернии. Приводимые в поддержку этого статистические данные ясно удостоверяли важное значение возникновения нового административного центра. Прошло ещё более тридцати лет, и в конце 1910 года уже со стороны правительства был сделан запрос в Сарапул Председателю Уездного съезда и Уездному Исправнику относительно образования Прикамской губернии с центром в Сарапуле. Требовались сведения относительно зданий, необходимых для помещения губернских правительственных учреждений.

Всё, что высказывалось в пользу образования новой губернии тридцать лет назад – проектирование границ территории, выгоды населения и прочее, имеет значение и ныне, но с более доказательным подтверждением статистических данных.

«Предполагаемая новая Прикамская губерния может составиться из частей трёх губерний и уездов: Сарапульского, Малмыжского и Елабужского, Мензелинского, части Бирского и Осинского. По пространству новая губерния будет более губернии Казанской, Нижегородской, Сибирской и многих других; по народонаселению равнялась бы Костромской, Вологодской и проч. Сарапульский уезд может быть разделён на два с преобразованием Ижевского завода в уездный город» [1, с. 4].

В данном цитировании Н. Н. Блинова явно прослеживается идея о становлении города Сарапула как столицы Прикамской губернии, которая объединяла бы в себе территории нескольких губерний и стояла бы наравне с такими городами как Казань, Вятка, Нижний Новгород. Конечно, такая идея возникла не на пустых словах, а подкрепляется статистическими данными, которые говорили о достаточно хорошем производстве, культурной жизни и обеспеченности местных жителей во многих социальных аспектах. Тем самым, идея Н. Н. Блинова могла реализоваться, если бы не события 1917 года.

Литература

1. Блинов Н. Н. Город Сарапул. Второй годъ. Общественныя дела. Новая Сибирская магистраль. Памятная книжка на 1912 год. Сарапул: Типо-литография Н. Я. Улыбина, 1912. 68 с.
 2. Блинов Н. Н. Известия сарапульского земскаго музея. Выпуск 4. М.: Печатня С. И. Яковлева, 1914. 187 с.
 3. Блинов Н. Н. К столетнему юбилею города сарапула. О необходимости образования новой прикамской губернии. Сарапул: Типография и литография Сарапуль, 1880. 32 с.
 4. Блинов Н. Н. Сарапул и Среднее Прикамье. Былое и современное. Сарапул: Типо-литография М. Колчина, 1908. 138 с.
 5. Блинов Н. Н. Сельская общественная служба, беседы старосты – крестьянина. Сарапул: книжный магазин К. И. Тихомирова, 1914. 187 с.
 6. Шепталин А. А. Сарапул. Сарапуль. Сарапуль: Историко-краеведческие очерки. Ижевск: Удмуртия, 2007. 376 с.
- Sarapul as the capital of the Middle Kama region: history of the project in the mirror of urban culture
Khokhryakova D. N., Undergraduate, Institut of Social Communications, Udmurt State University. E-mail: hohryakova.diana@yandex.ru

Слово молодым

УДК 316.613.42

ЧУВСТВО ЛЮБВИ В ПОНИМАНИИ ЕВРЕЕВ-АШКЕНАЗИ УДМУРТИИ И ТАТАРСТАНА

Алтынцев А. В., магистрант кафедры Общей Экологии, Биолого-химический факультет, Удмуртский Государственный Университет

Аннотация: статья посвящена изучению семантики слова любовь (идиш ליב) у евреев-ашкенази Удмуртии и Татарстана. По полученным данным нами составлена градация значений слова *любовь* (шкала градиентов). Было выяснено, что понятие любви отражает градацию индивидуальных ценностей, где ориентир повышения значимости проходит по вектору Государство – Национальные чувства – Семья. Также в статье кратко раскрываются культурно-языковые особенности исследуемой этнической группы.

Ключевые слова: евреи, семантика, любовь, идиш, удмуртиш, Удмуртия, Татарстан.

Abstract: The article studies the semantics of word “love” (Yiddish ליב) in Ashkenazim of Udmurtia, and Tatarstan. According to information we received, we were able to make up a gradation of meanings of this word (scale of gradients). It was established, that the concept of love is a gradual transition of individual values, where reference point raises the profile vector “State – Ethnic commonality – Family”. Also, the article briefly covers cultural and linguistic characteristics of the subject ethnic group.

Keywords: Jews, semantics, love, Yiddish, Udmurtish, Udmurtia, Tatarstan.

Статья посвящена изучению семантики слова *любовь* (идиш *либ*) в рамках одной этнической группы (евреев), проживающей более 150 лет в Удмуртии и Татарстане [2, с. 3], [3, с. 18]. Для

этого был интервьюирован 21 человек из разных семей (в возрасте от 25 до 77 лет), принадлежащих к еврейской национальности (евреи-ашкенази) и проживающих, либо проживавших ранее, на территории исследования.

Опрос проводился в форме обычной беседы: в начале респонденту даётся задание не спеша подумать и записать на бумаге, как он понимает значение слова *любовь*. Затем написанное обсуждается, и корреспондент тезисно или более подробно (если есть необходимость) фиксирует ответы собеседника.

На основе полученных данных путём сравнения зафиксированной информации были выявлены следующие общие закономерности.

Прежде всего, отметим смысловую однородность ответов у представителей разных поколений, религиозных характеристик (степень религиозности, конфессиональная принадлежность, синкретические элементы на семейно-этническом уровне¹), полов, территориальной обособленности², что обусловлено, по-видимому, сходным процессом воспитания в семьях респондентов.

Так, значения слова *любовь* информанты подразделяли на несколько градиентов³:

1. Любовь как «слабость» (пристрастие) к каким-либо индивидуально значимым вещам, явлениям, тенденциям. Например, коллекционирование, музыка, спортивные увлечения, изучение языков, слежение за развитием современного искусства и др.

2. Любовь как гордость за свою Родину, то есть возникновение гордости («тёплого чувства»), ощущения радости, удовлетворённости достижениями нашей страны на мировой арене, психологически создающими чувство некой причастности.

3. Любовь как гордость за свой народ, за достижения представителей своей национальности, вызывающие желание тоже быть активным и деятельным, и формирующие чувство искренней привязанности к своей нации.

4. Любовь к знаниям, то есть привитое с детства желание искать, получать и систематизировать информацию в образовательном аспекте для применения её на практике (подробнее см. [1, с. 11]).

5. Любовь как привязанность к друзьям и близким⁴, чувство признательности и глубокого расположения к людям, которые не только не предадут, но и безвозмездно помогут, поддержат и поймут (в случае возникшей негативной ситуации).

6. Любовь к родственникам (особенно к старшему поколению) как система уважения кровных уз, а также возможности взаимопомощи на всех уровнях общественно-бытовой жизни.

7. Любовь как желание быть с женщиной/мужчиной, то есть иметь близкого человека для создания семьи, супружеских взаимоотношений, общих детей, их взаимного воспитания и др.

8. Любовь к своей матери, как чувство признательности за безвозмездную заботу, воспитание и самоотверженность.

9. Родительская любовь к детям⁵, то есть чувство ответственности и заботы о своём потомстве, возможности создать им благоприятное будущее⁶.

Вопрос же о том, почему есть отдельный пункт любви к матери и отсутствует таковой по отношению к отцу, респонденты аргументировали тем, что мать всегда рядом, она основной незаменимый любящий человек в период воспитания и взросления ребёнка, и никогда не оставит его по собственной воле.

К отцу опрашиваемые определяли такие чувства, как глубокое уважение и даже в какой-то степени боязнь перед значимостью его семейного авторитета, его важной роли как главы семейства.

По шкале градиентов информанты определяли чувства к отцу в категории № 6.

На вопрос «*Какое место в вашем понимании термина любовь занимает секс?*» – респонденты разделяли эти понятия. Они не тождественны, поскольку *любовь* – это эмоциональный процесс (психологической природы), а секс в понимании информантов – материальный процесс (коитус) биологической природы. По мнению опрашиваемых, *любовь* как чувство формируется длительное время на базе межличностных отношений и имеет более долгий либо постоянный характер существования; секс же процесс физиологический, связанный с деторождением и частично коррелирующий с пунктом №7 шкалы градиентов.

Вот ответ на данный вопрос одного из интервьюируемых:

Сэкс из нит либ. Сэкс из а гэшлехтспроцэс. Эр кан дос фаргэнигт, натирлех. Обэр эс из нит батайттик. Цу дэр либ волт их хиэр баитимт: а кэгнцайттик фарэрунг, ди фройд фун лэбнсгэмайншафт, зэр энк кэгнцайттик һилф, ди эрцихунг ди алгэмайнэн киндэр, ди ибэрвиндунг индивидуалэн ун мэшпухэ-проблэмс ун кисэрс цузамэн ун азой вайтэр. Мир жэ нит вэльф ин шулэй ... А сэксуалэ сфэрэ гэт дацу, нэжэле цум процэс⁷. [Секс – это не любовь. Секс – это половой процесс. Он, конечно, может

принести удовольствие. Но это не главное. К любви я бы здесь отнёс: взаимное уважение, радость совместной жизни, очень тесную взаимопомощь, воспитание общих детей, преодоление индивидуальных и семейных проблем и невзгод вместе и так далее. Мы же не волки в стае ... Сексуальная сфера [больше] сближает к этому, нежели к самому процессу].

Таким образом, в среде евреев-ашкенази Удмуртии и Татарстана понятие любви отражает градацию индивидуальных ценностей, выработанных на этническом уровне в условиях семьи и общества, где ориентир повышения значимости проходит по вектору Государство – Национальные чувства – Семья.

Комментарии

¹ То есть совмещение элементов еврейской традиции с христианскими концепциями (по лютеранскому, католическому или православному стилю; в редких случаях с верованиями баптистов, адвентистов и пятидесятников) на семейном уровне.

Например, празднование Хануки (Хаг [ha-]Урим) вместе с Рождеством Христовым в лютеранской еврейской семье (с высокой степенью религиозности). Праздники могут попадать на один и тот же временной промежуток. В таком случае подарки дарятся 7-8 дней подряд, в канун Рождества Святой Николай Мирликийский (Санта-Клаус; Дед Мороз) дарит детям самый большой (по ценности) подарок в рождественскую (ханукальную) неделю, иногда зажигается Ханукия или Менора (если она есть и если семья на общем собрании решила её зажечь), перед принятием гостей светильник убирается, чтобы их не смущать. Детям принято дарить деньги - *ханукэ-гэлт* 'ханукальные деньги' и учить их играть в *дрэйдл* (волчок; *ханукэ-волчок*; *фаргл*; *варфл*; *дзиһэ*; *забавкэ*). В это время принято готовить латкэс (картофельные оладьи; дран(и)ки; кре(м)злики; какорки) и всякие детские сладости (семьи Петровых – Гальских и Смирновых).

Или устраивание Сэдэра (Сэдэр-пейсаха; вечерней пасхальной трапезы) в Католическую Пасху с «лишним» пустующим местом за праздничным столом (либо ставят наполненный бокал вина, если не хватает пространства), предназначенным пророку Илье (Илийяху). Также происходит символическая процедура выкупа у детей *афиломана* (*вэрт* 'ценность'; *ойф-гэкойфтэр* 'скупленный, выкупленный'; *гэкойфтэр* 'купленный'; *цэнтэр* 'центр [праздника]') – спрятанного куса мацы

или другого пресного хлеба во время трапезы; выкуп сопровождается торгом, при котором дети стараются завысить цену, а родители как покупатели – занижить. После завершения сделки читается молитва *Pater Noster*, вместо иудейской молитвы *Биркат ха-Мазон* (благословение после еды). Наутро едят куличи, мацу (если имеется), яблочный пирог и различные сладости (семья Кильберов – Килберов).

² Евреев-ашкенази исследуемого региона в культурно-языковом аспекте территориально можно условно разделить на удмуртских и татарских (казанских). Первые (в 1930-50-х гг.) по лингвистическим особенностям языка идиш (*дос удмуртишэ йиднтум* 'удмуртское [идишеязычное] еврейство') сформировали местный идиом на базе идиша Удмуртии (преимущественно Ижевск и Сарапул) до 1930-х гг. и «влившихся» в него особенностей идиша прибывших мигрантов (в 1930-40-е гг.), в результате чего (до 1970-80-х гг.) удмуртский идиом (*удмуртиши* 'удмуртский') подразделялся на 2 языковые субгруппы: Центральная (с центрами – Ижевск, Сарапул и Воткинск) и Южная (с центрами – Камбарка, Алнаши, Агрыз и Набережные Челны).

В Татарстане в связи с казанской «централизацией» еврейство по основным этнокультурным особенностям (язык, кухня, праздники, религия, одежда и т.д.) имело более или менее целостный характер [2, С. 17].

Помимо идишеязычного еврейства, формировалось и русскоязычное, частью которого на социально-культурном уровне (с нач. 1940-х гг.) являлось первое упомянутое.

В настоящее время идиш вытеснен из всех сфер жизни и растворился в русскоязычном пространстве.

³ То есть компонентов в сторону увеличения значимости. Данная ступенчатость определялась самим респондентом. Представленная шкала суммарно отображает ответы информантов, где градиент ставился на ту ступень, на которой он имел максимальное число одинаковых отзывов по своей значимости.

Заметим, что погрешность при составлении шкалы градиентов минимальна, так как выше уже было сказано о высокой степени информативной однородности интервью по данной тематике у разных людей.

⁴ Под близкими (*бакантэ*; *бакант(э)с*; *знаймэс*; *знайһ(э)о мэс*; *знайомэс*; *знайомэн*) здесь подразумеваются люди, входящие в круг знакомых семьи для конкретного респондента, но не

являющиеся его личными друзьями. Например, лучшая подруга сестры или «напарник» отца по работе.

⁵ Респонденты, на момент интервьюирования не имеющие детей, не называли этот пункт.

⁶ Заметим, что в связи с разграничением или несовпадением представлений об «оптимальном благоприятном будущем» в некоторых семьях между детьми (особенно сыновьями) и их родителями (фактически отцом семейства) иногда возникали сложные длительно затухающие внутрисемейные конфликты (например, из-за нежелания детей продолжать семейную профессию).

⁷ Характерная речь на удмуртиш (удмуртском идиоме идиша). В цитате легко прослеживается 2 удмуртизма (удмуртских заимствования): *кисэр* (кис'ер) 'невзгода, несчастье, неудача, беда, напасть, горесть, горечь' < *кисьёр* 'неудача' и (*ш*)*улэй* 'стадо; стая' < *уллё* 'стадо; табун; стая; выводок'.

Автор выражает благодарность Д.И. Черашней, В.В. Туганаву, С.А. Максимова, М.Н. Загумёнову, А.С. Дедюхину, А.И. Кацу, Е.Ф. Шумилову, П.И. Мейерсу-Цемашевичу, М.Э. Гольдину, А.М. Кляйну, А.А. Гринбергу, И.М. Фишеру и С.И. Гольдбах за содействие и ценные комментарии при выполнении работы.

Литература

1. Алтынцев А.В. Основные аспекты семейного воспитания традиционных духовных ценностей евреев-ашкенази Удмуртии // Созидательная природа человека: материалы Петраковск. чтений (Рос. науч.-теорет. конф.), 2-3 дек. 2011 г. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2011. С. 10-11.
2. Кричкер М.Н. Культура и быт евреев Казани. 1987. 19 с.
3. Шумилов Е.Ф. Евреи: элита инженерная, торговая, медицинская // Источник: <http://svoedelo.udm.ru/delo/59/index.htm>

The Concept of Love in Ashkenazim of Udmurtia and Tatarstan
Altıntsev A.V., graduate student of Department of The General Ecology, Udmurt State University. E-mail: blitzpast@mail.ru

УДК 124.2

ПАРАДОКСАЛЬНОСТЬ РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ДИСКУРСЕ МАСС-МЕДИА

Адаева М. А., студентка Института социальных коммуникаций Удмуртского государственного университета

Научный руководитель – Яркеев А.В., к. филос.н., доцент, старший научный сотрудник Удмуртского филиала Института философии и права УрО РАН

Аннотация: в статье рассматриваются «тавтологическая» и «парадоксальная» модели конструирования рекламного сообщения в дискурсе масс-медиа.

Ключевые слова: рекламный дискурс, парадокс, тавтология, масс-медиа, эстетическое сообщение.

Abstract: the article considers tautological and paradoxical models of advertising within mass-media discourse.

Keywords: discourse of advertising, paradox, tautology, mass media, aesthetic message.

Актуальность заявленной темы обусловлена исчерпанностью традиционного способа представления рекламы как вида массовой коммуникации (масс-медиа) в рамках классического подхода на основе объективистской методологии, лежащей в основе теории коммуникации и информации. Как известно, классическая модель коммуникации предполагает четкое разграничение сообщения и средства передачи сообщения. В этой связи можно говорить о том, что реклама на современном этапе своего развития переживает два кризиса. Первый кризис связан с конструированием содержания рекламного сообщения, а второй касается технических средств передачи рекламного послания: большинство из них проявляют свою всё большую

несостоятельность (неэффективность). Кризис существования традиционной рекламы выражается в возникновении предельных состояний, которые предъявляют ее парадоксальный статус, неразрешимый средствами классических способов осмысления, основанных на законе исключенного третьего и лежащих в основе научно-объективистских теорий. Данная проблема требует иных методов решения, которые активно разрабатываются в настоящее время в гуманитарных науках с ориентацией на включение субъективности в свои построения. Это позволяет уйти от функционально-прагматического представления рекламы как средства информирования потребителей о товарах и/или услугах в сторону ее понимания в качестве социокультурного явления, выражающего субъективные смыслы. Наиболее наглядным подтверждением этому может служить то обстоятельство, что в сегодняшнее время реклама превратилась в самостоятельное направление искусства (порой даже такого, которое можно отнести к «высокому»), связанного не с экономическими решениями, а с эстетическим выражением.

Основы теоретического осмысления современных масс-медиа заложил канадский социолог и философ Г. М. Маклюэн, которому принадлежит тезис «средство сообщения и есть само сообщение» (*medium is the message*) [3]. Суть этого тезиса вкратце сводится к тому, что канал коммуникации оказывает принципиальное влияние на способ организации передаваемой информации, то есть сообщения. Сам этот тезис является парадоксальным по своей сути, поскольку в классической модели коммуникации предполагается четкое разграничение самого сообщения и средства его передачи. В утверждении же Г. Маклюэна происходит их отождествление.

Действительно, в классической теории коммуникации канал коммуникации может способствовать или же затруднять прохождение сообщения от отправителя к получателю, но не влиять на его содержание. Содержание же сообщения определяется кодом. Данная теория коммуникации была разработана американским математиком К. Шенноном в конце 40-х годов 20го в., которая достаточно долгое время использовалась в лингвистике, математике и кибернетике. Эта модель сыграла значительную роль в развитии многих наук, связанных с обменом информацией. Она включает в себя четыре обязательных элемента – отправитель, сообщение, канал и получатель, кроме того, процессы кодирования и декодирования информации, а также обратную связь.

Коммуникация возможна только в том случае, если отправитель и получатель используют один и тот же код. Именно наличие общего кода делает передачу информации возможной. Если обратиться к концепции Н. Лумана, то код представляет собой принцип определенной селекции, общей формулой которого является разграничение «информация/неинформация» [2]. С точки зрения получателя, код есть система его коммуникативных ожиданий. То, что не вписывается в эту систему, представляет собой коммуникативный шум. Однако при таком понимании коммуникации возникает парадокс, суть которого заключается в следующем. По классическому определению, информация есть сообщение, содержащее в себе нечто новое. Но наличие общего кода исключает возможность новизны, так как получатель узнает от отправителя то, что он уже и так некоторым образом знал, поскольку пользуется теми же правилами селекции, что и отправитель. То есть такая коммуникация является тавтологической. Но тавтология, как известно, по сути своей бессмысленна, поскольку ничего не добавляет к тому, что мы уже знаем. Тогда новизну должно образовывать то, что в систему коммуникативных ожиданий не вписывается и что является шумом. Таким образом, возникает парадокс «информативного шума».

Описание масс-медийного текста в терминах коммуникативной стратегии предполагает учет роли адресата (читателя) в самый момент его порождения. То есть масс-медийный текст представляет собой такое синтактико-семантико-прагматическое образование, в самом процессе порождения которого предусматриваются способы его интерпретации. В данной работе мы опираемся на семиотическую модель коммуникации, предложенную У. Эко. Он выделяет две разновидности коммуникативных стратегий, которые реализуются в «закрытых» и «открытых» текстах и предполагают соответствующие модели адресатов. Мы же предлагаем обозначить эти коммуникативные стратегии как «тавтологические» и «парадоксальные» [8].

Тавтологическая модель коммуникации ($A=A$) реализуется в итеративных схемах. Повторение цепочки событий согласно определенной схеме типично для популярных нарративов, в которых действие каждый раз начинается как бы с самого начала, «забывая» то, что произошло прежде. Как отмечает У. Эко, данный прием повторения лежит в основе также некоторых способов «бегства от действительности». Так, одним из наиболее ярких примеров такого рода механизмов является телеви-

зионная реклама: «зритель рассеянно следит за разыгрываемой сценой, а затем сосредоточивает внимание на заключительной (ударной) реплике, которая всегда появляется в конце эпизода. Именно ее предвиденное и ожидаемое появление доставляет зрителю небольшое, но неоспоримое удовольствие» [7, с.194]. Также и чтение детективной истории традиционного типа – она предполагает получение удовольствия от следования некоторой схеме: от преступления к его раскрытию через цепь дедуктивных умозаключений. При этом речь идет не только об итеративности сюжетной структуры, но и определенных эмоций и психологических установок. Удовольствие читателя, связанное с ощущением отдыха и психологической разрядки, обусловлены именно тем, что он постоянно узнает то, что уже и так некоторым образом знает и ожидает получить вновь. «Читатель, – пишет У.Эко, – получает удовольствие от не-истории, если под историей мы понимаем развитие событий, ведущее нас от некой начальной точки к некой точке конечной, о которой в начале мы не имеем никакого представления. Удовольствие такого читателя обусловлено именно отказом от развития событий, уходом от напряженности прошлого-настоящего-будущего в убежище мгновения, которое любимо, потому что постоянно повторяется» [7, с.197].

Со структуралистской точки зрения итеративная схема представляет собой случай сверхизбыточного сообщения: это такие «сообщения», которые сообщают нам крайне мало, но зато с помощью избыточных элементов утверждают всегда одно и то же «означаемое» – определенный механизм действия, осуществляемый определенными персонажами в пространстве определенных «топосов». Большая часть современных массовых нарративов строится именно по принципу собственной избыточности. Таким образом, удовольствие от итерации – это удовольствие от избыточности.

В этой связи возникает вопрос о мотивированности такого рода нарративных схем, их востребованности современным потребителем. Эту «жажду избыточности» У. Эко объясняет тем, что современное «информационное общество» характеризуется изменчивостью норм, разрушением традиций и т.д. и т.п. То есть люди испытывают постоянное информационное давление, требующее непрерывной перестройки восприятия, приспособления психики и переквалификации интеллекта. «Избыточные повествования» являются паузой в напряженном ритме интел-

лектуальной жизни, отдыхом, дающим возможность потребителю расслабиться.

Противоположностью коммуникативной тавтологии является парадокс ($A \neq A$). Сообщение, построенное по принципу коммуникативного парадокса, У. Эко предлагает называть «эстетическим сообщением», суть которого состоит в том, что оно является неоднозначным по отношению к той системе коммуникативных ожиданий, которая есть код. «Полностью неоднозначное сообщение предельно информативно, потому что побуждает меня ко всевозможным его толкованиям. В то же время оно граничит с шумом и может свестись к чистой неупорядоченности. Плодотворной неоднозначностью может считаться такая неоднозначность, которая, привлекая мое внимание, побуждает к усилию интерпретации, помогая подобрать ключ к пониманию, обнаружить в этом кажущемся беспорядке порядок, более сложный и совершенный, чем тот, что характерен для избыточных сообщений» [5, с.79].

Действительно, с точки зрения классической теории коммуникации, осмысленное взаимодействие между адресантом и адресатом возможно только на основе общего для них кода ($A \leftrightarrow A$). Но в такой модели каждое высказывание было бы тавтологическим, поскольку в рамках любой лингвистической системы можно было бы высказывать только и исключительно то, что уже предопределено свойствами данной системы, то есть кодом. Тогда единственным способом для порождения чего-то нового является выход за пределы данного кода. «Код независим от сообщения, смысл переданного сообщения, каким бы оно ни было, уже накоплен в языке. Но если это так, то не будет ли разговор сводиться к обмену знаками, уже зафиксированными и учтенными в коде обычаев и хороших манер? До каких пределов жизнь будет протекать под пятой условностей: в определенной ситуации следует обратиться к своему собеседнику, сказать ему определенную фразу, на что тот обязательно ответит другой определенной фразой, хотя и существуют ситуации, соответствующие как тем, так и другим... Поэтому единственный способ создания смысла для говорящего – это продуцирование сообщения, лишённого смысла, непредвиденного в коде (сообщение, которое можно назвать «поэтическим»). Бессмыслица в этом случае является тем резервом, из которого мы черпаем, дабы произвести смысл. Смысл есть следствие бессмыслицы...» [1, с. 93-94]. Примером такой «креативности»

могут являться метафоры, функционирующие по формуле парадокса $A = \text{не-}A$.

В информационном потоке современных масс-медиа отдельно взятое сообщение невозможно выделить в силу его неразличимости на уровне содержания. Рассмотрим для примера рекламные сообщения.

Реклама появляется как инструмент, позволяющий выделить данный продукт из разряда ему аналогичных. Однако развитие самой индустрии рекламы приводит к неразличимости рекламных сообщений, поскольку все они на уровне содержания говорят об одном и том же. Тогда сама реклама превращается в объект рекламы. Иными словами, необходимо как-то выделить данное рекламное сообщение из общего гомогенного ряда аналогичных сообщений [8, с.162]. Это достигается за счет «авторефлексивности» сообщения, когда оно привлекает внимание к тому, как оно построено, а не к тому, что оно сообщает. То есть осуществляется переход от содержания к форме, к эстетике. А эстетическое сообщение, согласно У. Эко, предполагает целенаправленное нарушение коммуникативных ожиданий реципиента. «Эту функцию изменения до неузнаваемости мотивов того, кому предлагается реклама, выполняет господствующая как в образах, так и в текстах современной рекламы, тенденция к изысканной форме. Изысканная форма уничтожает информацию. Она выглядит самодетерминированной, не нуждающейся в дальнейшем прояснении, непосредственно просветляющей», – пишет в этой связи Н. Луман [2, с.74-75].

Основой успешного и запоминающегося рекламного сообщения в современном коммуникативном пространстве становится его необычность и, как следствие, способность выделиться в ряду других и запомниться адресату. Стандартная классическая реклама, построенная на простом информировании адресата, чаще всего остается незамеченной или просто теряется в потоке других сообщений. Все чаще критерием эффективности и успешности становится нестандартность и яркость сообщения. В связи с этим все более востребованной в сфере производства рекламы становится креативность. Креативная реклама неоднозначна, она привлекает внимание и вызывает обсуждения.

В рекламных сообщениях все чаще ценится способность удивлять новизной мысли, нестандартным творческим решением – иными словами, креативным подходом. Чтобы не пройти незамеченным в информационном потоке, рекламист облачает

рекламное сообщение в креативную, необычную, выбивающуюся из привычного ряда форму.

Всё же в настоящее время многие рекламные сообщения сконструированы и функционируют по типу классической теории коммуникации. Рекламные послания изобилуют какими-то общеизвестными, само собой разумеющимися, однозначно трактуемыми фактами, которые дублируются всеми посланиями. Например, все знают, что любое моющее средство «чистит, дезинфицирует, отстирывает и так далее» и почти все рекламные сообщения таких средств говорят нам об этом. А, следовательно, каждый раз получая такое сообщение, потребители уже не обращают внимания на него, потому что они уже знают об этих свойствах товара и ничего нового не узнают о нём из посланий. Содержание сообщения интерпретируется быстро, чётко, однозначно, то есть в силу привычки, и как следствие, товар не замечается получателями. Такая информация теряет ценность – одно из своих главных свойств. Она становится бесполезной и неинтересной, а самое главное, теряет свою информационную и смысловую наполненность. Рекламное сообщение сливается с остальными, теряется среди аналогичных ему, следовательно, теряется и сам товар.

Таким образом, чтобы выделить своё рекламное сообщение и продукт среди гомологичного ряда товаров, необходимо по-иному сконструировать сообщение и по-иному построить процесс коммуникации. В связи с этим, У.Эко вводит понятие «эстетического сообщения» в коммуникационный процесс и характеризует его следующим образом: «Сообщение обретает эстетическую функцию, когда оно построено так, что оказывается неоднозначным и направлено на самое себя, то есть стремится привлечь внимание адресата к тому, как оно построено» [6, с.39.]. В отличие от классической теории коммуникации здесь отправитель отвергает идею предопределённости и предсказуемости, предоставляя широкий выбор возможностей сочетать и перераспределять составляющие их элементы, то есть отправитель не закладывает определённый код в сообщение. Основными составляющими элементами в сообщении, естественно, являются означающие, но в отличие от послания классической теории коммуникации, где означающие не вызывают никаких коннотаций в силу определённого кода, заложенного отправителем, в данной коммуникации, означающие сочетаются, взаимодействуют друг с другом на всех уровнях, как будто

они построены на основе одного и того же кода, и только благодаря этой опоре на код при расшифровке сообщения получатель чувствует себя ведомым некоторой логикой, которая потому-то и кажется объективной. Согласно У. Эко: «...рассматриваемая как «данность», с точки зрения эстетического отношения, эта логика означающих предопределяет открытый процесс интерпретации, иначе говоря, сообщение, выступающее для адресата в качестве источника информации, предполагает в качестве значащей формы воздействие на уровни, связанные с артикуляцией означаемых (денотативный и коннотативный). Неоднозначно структурируясь по отношению к коду и непрерывно преобразуя денотации в коннотации, эстетическое сообщение побуждает нас применять к нему все новые и новые коды и лексикоды» [5, с.42]. Таким образом, означающие расшатывают основной код путём своего переплетения и образуют тем самым уникальный код послания. Различное сочетание означающих порождает разнообразную интерпретацию сообщения, то есть, соединив одно означающее с другим, возникает один смысл, соединив второе с третьим, возникает ещё одна коннотация, объединив третье с четвёртым, рождается другой смысл и так далее, то есть такое сообщение располагает получателя к перебиранию возможностей его интерпретации: «Каждое означающее обрастает новыми смыслами, более или менее точными, уже благодаря не основному коду, который нарушается, но организующему Контекст идиолекту, а также благодаря Другим означающим, которые, пересекаясь, оказывают друг другу ту поддержку, которой им не предоставляет основной код. Так, произведение безостановочно преобразует денотации в коннотации, заставляя Значения играть роль означающих новых означаемых» [5, с.45]. Способ сочетания означающих выбирает сам получатель. Критерием сочетания может выступать жизненный опыт адресата, его культурные идеалы, жизненные ценности, мировоззрение и так далее. Источник посылает сообщение и предлагает проявить инициативу каждого получателя в завершении сообщения. Именно поэтому, интерпретация сообщения становится сугубо индивидуальной: кто-то может в ней видеть и понимать одно, а кто-то совершенно другое. Именно в этой разнообразной и индивидуальной интерпретации и заключается неоднозначность построения сообщения. Таким образом, можно сказать, что послание представляет собой некую «открытую» структуру, свободную для интерпретации. Об этой «открытости» и заявляет

У. Эко в своей работе «Роль читателя»: «Получатель свободен в интерпретации и трактует сообщение так, как сам этого хочет, это некое вовлечение в игру получаемых стимулов и своих собственных реакций» [7, с.47], то есть, предлагая завершить себя, сообщение тем самым вовлекает получателя, заставляет проявить инициативу. Получатель её и проявляет, продуцируя новые коннотации сообщения, которые являются избыточными по отношению к другой информации, полученной из этого же сообщения ранее. Но эта избыточность в отличие от классической теории коммуникации здесь не воспринимается как тавтология. Скорее, наоборот, предельная информативность сообщения трактуется как постоянное получение новой информации, поскольку, интерпретируя сообщение каждый раз по-разному, у получателя возникают всё новые и новые знания по отношению к предмету или событию, о котором говорится в сообщении. Именно поэтому избыточность эстетического сообщения воспринимается каждый раз как нечто новое в системе коммуникативных ожиданий.

Такая плодотворная неоднозначность привлекает внимание и побуждает к усилению интерпретации. Индивид становится всё более вовлечённым в этот процесс: «Сообщение, которое оставляет меня в недоумении, побуждая задаваться вопросом, а что бы это значило, в то время как в тумане начинает вырисовываться что-то такое, что, в конечном счёте, направляет меня куда надо, к верной расшифровке, — это такое сообщение, на которое я смотрю, соображая, как оно устроено. И разбираться с тем, как оно устроено, меня побуждает именно неоднозначность сообщения или так называемая авторефлексивность» [5, с.24]. Таким образом, неоднозначность сообщения делает его авторефлексивным, то есть заставляющим обратить внимание на себя, на то, как оно сделано, а соответственно, сообщение становится направленным на само себя. Авторефлексивность сообщения достигается путём введения в игру различных уровней реальности: «...физический, вещественный уровень, уровень той материи, из которой состоят означающие; уровень Различий, дифференциальных признаков означающих; уровень означаемых, уровень различных коннотаций, уровень психологических, логических, научных ожиданий, и на всех этих уровнях устанавливается некое соответствие так, словно все они структурированы на основе одного и того же кода» [5, с.51]. Кроме переплетения уровней, для достижения авторефлексив-

ности сообщения используются различные художественные и стилистические приёмы, фигуры речи: игра слов, каламбур, рифма, метафора, анафора, эпитифора, метонимия, аллюзия, фразеологические обороты, созвучие, аллегория, гипербола и другие приёмы и средства, помогающие вызвать больше и больше коннотаций у получателя. Таким образом, авторефлексивное сообщение своей формой и построением обращает на себя внимание получателя и выделяется среди других сообщений, что очень важно для рекламной коммуникации.

Таким образом, чтобы сделать сообщение информативным, а, следовательно, эффективным У. Эко предлагает изменить подход к его построению. В основе информации должна быть новизна, которая интересна получателю, она привлекает внимание аудитории. В противном случае послание и, значит, сам товар останутся незамеченными.

Литература

1. Делез Ж. Логика смысла. М.: Академия, 1995. 484 с.
2. Луман Н. Реальность масс-медиа. М.: Праксис, 2005. 256 с.
3. Маклюэн М. Понимание медиа. Внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2008. 464 с.
5. Эко У. Открытое произведение. СПб.: Академический проект, 2004. 384 с.
6. Эко У. Отсутствующая структура. СПб.: Петрополис, 1998. 432 с.
7. Эко У. Роль читателя. СПб.: Симпозиум, 2005. 502 с.
8. Яркеев А. Тавтология и парадокс в коммуникативных стратегиях масс-медиа // Актуальные проблемы журналистики в новом тысячелетии. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции 12 октября 2011. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. С. 159-163

Paradoxicality of advertising in the mass-media discourse

Adaeva M. A., student, Institute of Social Communications, Udmurt State University. E-mail: chaika.bell@gmail.com

УДК 304.2

РОЛЬ МЕДИА СРЕДЫ ИНТЕРНЕТ В ФОРМИРОВАНИИ ИДЕНТИЧНОСТИ

Гиндуллина Е.В., студентка факультета социологии и философии Удмуртского государственного университета

Научный руководитель - Борисова О.А., старший преподаватель факультета социологии и философии ФГБОУ ВПО «УдГУ»

Аннотация: рассматривается среда Интернет как коммуникационное пространство. Раскрываются новые способы создания или же сокрытия собственной идентичности в виртуальном пространстве. В статье делается упор на теоретический подход М. Кастельса.

Ключевые слова: Интернет, коммуникация, идентичность, идентификация, технология

Abstract: The Internet is examined as a communicative space. We scrutinize new ways of creating or hiding one's own identity in virtual space. The paper puts emphasis on theoretical approach of M. Castells.

Keywords: internet, communication, identity, identification, technology

Развитие общества от индустриального к информационному способствовало появлению такого средства коммуникации, как Интернет. В современном обществе данная среда представляет собой технологию коммуникации. Она способна видоизменять человеческую деятельность, к примеру, переводя общение человека на более качественный уровень. Участники коммуникации также трансформируются, как и среда, которая их окружает. Данная технология преобразует не только способы интеракции, но и направленность действий, и преобразует саму специфику общения.

Данная коммуникационная среда имеет не только технологическую, но и социальную направленность, тем самым способствуя построению межличностных сетей и появлению новых способов взаимодействия в данной среде, таких как форумы, блоги, icq, социальные сети, онлайн игры, тем самым предоставляя свободу выбора пользователям в сети Интернет.

Виртуальный мир изобилует различными социальными группами, предусматривающими определенные социальные роли, и необходимым способом существования в нем является самоидентификация. С помощью технологии участники коммуникации способны воплощать себя различными способами, то есть становится возможным присвоение различных идентичностей. Виртуальное пространство сети Интернет расширяет рамки повседневного общения и дает возможность экспериментировать со своими личными данными, такими как пол, возраст, статус. Таким образом, в виртуальном мире раскрываются новые способы создания или же скрытия своей идентичности. Происходит формирование себя в виртуальном пространстве.

Идентичность способна регулировать направленность движения индивида в различных социальных группах, к которым он был причастен раньше и будет участвовать потом.

В результате пластичности площадки для формирования идентичностей, которую предоставляет Интернет, возникает возможность изучения идентификации дополнительных социальных ролей.

Медиа среда представляет собой глобальную трансформационную среду, которая вобрала в себя все известные коммуникационные средства, в том числе и Интернет среду. Определяя данное понятие, необходимо уточнить, что данная среда изображается в качестве глобальной коммуникационной сети. Она очень специфична. Её пронизывают информационные сети, часть из них поддерживает социальное взаимодействие, что более важно в медиа среде, а другие сети – компьютерные – поддерживают структуру Интернет. Также важно выделить Интернет как определяющую часть в развитии экономики, политики, социальной и культурной сферы и других сфер общественной жизни.

Раскрывая Интернет среду, целесообразно рассмотреть авторов, занимающихся исследованиями данной сети в качестве коммуникационного пространства.

Один из авторов, изучающих данную медиа среду – М. Кастельс. Галактика Интернет – это новая коммуникационная сре-

да, определяющая все остальные понятия, которые выделил М. Кастельс в своей работе с одноимённым названием. Он работает с такими понятиями, как «Интернет», «сети», «онлайновое взаимодействие», «виртуальная реальность», «сетевое общество», «сетевой индивидуализм». Очевидно, что есть возможность выявить между ними взаимосвязь.

Интернет является здесь центральным понятием, через которое проходят все остальные. «Он представляет собой глобальную сеть коммуникации, однако характер ее использования и последующей эволюции определяется деятельностью человека в конкретных исторических условиях» [1, с. 20]. Также Интернет рассматривается М. Кастельсом с точки зрения технологии, которая обеспечивает свободную коммуникацию в сети. Эта технология обеспечивает трансформацию человеческой среды. Общество становится вовлечённым в информацию. Каждый человек получает определённые навыки, которые совершенствуют их коммуникацию с приходом информационных технологий. Интернет внёс немало изменений в жизнь человека и общества.

Сеть, которая образует медиа среду, также можно определить как технологию, которая обеспечивается техническими средствами. По всему миру происходит трансформация технологии в более удобную форму. Инфраструктуры Интернета предоставляют открытость и интерактивность сетей. За счёт того, что Интернет распространяется по всему миру, коммуникационная среда также расширяет свои границы.

С развитием технологий появляются новые виды и средства взаимодействия. Одним из них является виртуальное сообщество, выделенное М. Кастельсом как новое средство коммуникации. Оно обеспечивает онлайн и оффлайн общение между пользователями сети. Можно сказать, что сообщества объединяют людей в некую «виртуальную реальность». А она в свою очередь представляет собой среду в режиме онлайн, с возможностью ухода от окружающей действительности. Само образование средств взаимодействий, по М. Кастельсу, «описывалось как кульминация исторического процесса разделения месторасположения и социальности: новые – избирательные – модели социальных отношений приходят на смену формам взаимодействия между людьми, основанным на территориальных связях» [1, с. 141]. Формируются новые социальные группы, переносятся из действительности в виртуальную среду, тем самым дают

человеку возможность войти в группу, получить некую роль. Появляется много возможностей в плане свободного общения в группе, индивид способен применять за счет анонимности сети как вымышленную идентичность, так и идентичность «я».

Ещё одно понятие, рассмотренное М. Кастельсом, – «онлайн-новое взаимодействие». Его основой считается конструирование идентичности и виртуальная реальность. Определяющим влиянием на это взаимодействие оказывается реальная жизнь в режиме онлайн (чаты, ролевые игры, социальные сети, виртуальные сообщества). У человека появляется возможность трансформировать свою идентичность в виртуальную среду, приобретать новые роли. Человек является связующим звеном в коммуникационной среде. «Социальная практика является продолжением жизни как таковой, во всех ее измерениях и модальностях. Более того, даже в ролевых играх и в неформальных чатах реальная жизнь (в том числе и реальная жизнь в режиме онлайн), похоже, оказывают определяющее влияние и на характер онлайн-взаимодействия» [1, с. 144]. Частью взаимосвязей между пользователями сети можно считать «социальное взаимодействие». «Оно в Интернете, вообще говоря, не оказывает непосредственного влияния на образ повседневной жизни, за исключением привнесения в существующие общественные отношения онлайн-взаимодействия» [1, с. 145].

Онлайновая коммуникация преобразует социальное взаимодействие в более удобное и распространяется на другие источники информации. То есть Интернет представляет собой технологию, которая может оказывать непосредственное влияние на другие средства связи и общения. «Люди, живущие параллельной жизнью на экране, тем не менее, связаны желаниями, страданиями и брэнностью их физических сущностей. Виртуальные сообщества предлагают новый драматический контекст для размышлений о человеческой идентичности в эпоху Интернета» [1, с. 144]. То есть, формируя идентичность в виртуальности, пользователь преимущественно опирается на свою жизнь непосредственно, на стремления и желания. Также идентичность может формироваться по образу и подобию кумира или же маскировать недостатки. Меняется или сохраняется роль в зависимости от реального положения в обществе. В работе М. Кастельса прослеживается ещё одно, не менее важное понятие – «виртуальные сообщества». Это средство объединения людей в некую общность, по схожим интересам и ценностям,

затрагивающее и межличностные отношения. Виртуальное сообщество является причиной возникновения социального взаимодействия. То есть появляется такая возможность, как приобретение новых ролей в процессе социализации в обществе. «Однако наиболее важную роль Интернет играет в структурировании общественных отношений, благодаря своему вкладу в развитие новой модели социального взаимодействия, основанного на индивидуализме» [1, с. 157]. Технология коммуникации обеспечивает взаимодействие между индивидуумами и способствует построению связей между ними. Формируется «сетевой индивидуализм», посредством которого строится социальная структура, основанная на интересах, ценностях отдельных пользователей сети, называемых индивидуумами. Таким образом, индивидуумы конструируют коммуникации, созданные технологией Интернет, и в итоге получают совершенно новое общество – сетевое. Следовательно, общество трансформирует не только связи между людьми, но и технологию, которая поддерживает эту связь. Таким образом, индивид в современном обществе способен переносить свою идентичность в сеть Интернет для коммуникации.

Перед нами предстаёт мощная структура сетей, которая способна обеспечить свободную коммуникацию. М. Кастельс говорит, что Интернет – «это коммуникационный медиум, который впервые сделал возможным общение многих людей со многими другими в любой момент времени в глобальном масштабе» [1, с. 15]. Интернет-коммуникации видоизменяют человеческую деятельность, преобразуют её в более удобную систему. Но для того чтобы постичь её, нам необходимо приспособляться к ней. «Люди, организации, компании и все общество в целом принимают участие в преобразовании технологии, любой технологии путем овладения ею, ее видоизменения и экспериментирования с нею» [1, с. 17]. Только путём привыкания и адаптации к медиа коммуникации в данном формате, мы способны в полной мере изучить и исследовать влияние данной среды на человека.

М. Кастельс формирует хорошую базу для исследований, используя весь свой накопленный опыт и знания. Он демонстрирует нам данную технологию, предоставляя свои выведенные и проанализированные понятия, и множество данных, полученных в результате изучения данной интернет среды. М. Кастельс анализирует медиа среду таким образом, что выявляет её про-

блемные аспекты. Становится понятнее, как именно нужно рассматривать Интернет среду и различные виды взаимодействия.

Идентичность имеет важное значение в медиа среде Интернет. Индивид, входя в данную среду, может идентифицировать себя, непосредственно включаясь в определенную группу только посредством коммуникации и усвоения какой-либо информации в данном виртуальном пространстве, обращаясь к своему прошлому опыту и знаниям, полученным в результате взаимодействий.

Сфера общения в среде Интернет представляет собой взаимосвязь индивидов между собой, которые могут передавать друг другу необходимую информацию, и принимать различные формы виртуальных взаимодействий, что способствует раскрытию идентичности и практике приобретения новых ролей. Понятие идентичность необходимо рассматривать именно с точки зрения коммуникации в медиа среде интернет, так как, рассматривая практики общения, есть возможность проследить формирование идентичности, практику самопрезентации индивида в различных сообществах.

Литература

1. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с.
2. Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М.: Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. 464 с.
3. Обухов К.Н. Интернет как технологическое основание сетевых форм коммуникации // Вестник Удмуртского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2010. Вып. 1. С. 45-48

The role of the media environment of Internet in forming of Identity
Gindullina E.V., student, Udmurt State University. E-mail:
23xkitsunex23@gmail.com

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ!

На страницах журнала «Наука Удмуртии» находят отражение важнейшие проблемы современной науки и техники, которые разрабатываются научными работниками и коллективами академических научных учреждений, а также высших учебных заведений, инженерами и технологами, руководителями научно-технических подразделений ведущих предприятий Удмуртии.

Статьи просим направлять по адресу: г. Ижевск, ул. К. Маркса, 130, каб. 709. Тел.: 52-80-28. Адрес электронной почты: v@snioo.izhnet.ru.

Направляемые в журнал статьи следует оформлять в соответствии со следующими правилами:

объём рукописи не должен превышать 0,5 издательского листа (12 страниц формата А4, набранных в Microsoft Word);

шрифт: кегль 14, тип Times New Roman; межстрочное расстояние - 1,0 интервал; поля: левое - 2 см, правое - 2 см, верхнее - 2 см, нижнее - 2 см. Страницы не нумеруются, переносы не ставятся;

к напечатанному в 1 экз. на одной стороне листа варианту прикладывается электронный носитель с полным текстом статьи;

рисунки, графики, диаграммы и прочий графический материал, если он является объектом, созданным в приложениях Office (Word, Excel и других), подавать таким, как есть; если он является растровым изображением (рисунок, фото), его предпочтительней подавать на бумажном носителе либо в отдельном графическом формате (в зависимости от первичной формы его существования);

любой элемент графического материала, представленного и тексте статьи, называется рисунок и обозначается: «Рис. Название». Рисунки должны располагаться после текста статьи и

быть подписаны (фамилия автора (в круглых скобках), номер рисунка, название рисунка, а также подрисуночные данные). Место размещения рисунка в тексте указывается ссылкой, содержащей только номер рисунка, выделенный абзацами сверху и снизу;

любые списки (нумерованные, обозначенные буквами, тире, дефисами и так далее), включённые в текст статьи, должны быть пронумерованы вручную, а не с помощью автоматической нумерации Microsoft Word, что создаёт разночтение;

инициалы всех фамилий, встречающихся в статье (за исключением цитат), приводить в виде: П. С. Иванов;

особое внимание просим уделить оформлению **списка использованных источников**. Ссылка на источник в тексте приводится в квадратных скобках. Через запятую после номера источника указывается номер страницы в источнике, на которую ссылается автор. В список использованных источников включаются только те публикации, на которые автор ссылается в тексте. Нумерация списка источников должна осуществляться вручную.

К рукописи желательно приложить **аннотацию (резюме)** (не более 10 строк) на русском и английском языках.

Просьба указать **авторские данные**: фамилию, имя, отчество автора (полностью); название учреждения, в котором работает автор (авторы), должность, учёную степень и звание, а также данные для общения с редакцией: номера телефонов, почтовый и электронный адреса.

Авторы несут ответственность за достоверность приведенных фактов, цифровой, статистической информации, а также прочих сведений, указанных в статье.

Редакция оставляет за собой право вносить необходимые редакционные исправления и сокращения, вносить изменения в предъявляемые авторам требования по подаче материалов, принимать решение о тематическом несоответствии предлагаемого материала без объяснения причин и не вступая в переписку. Статьи, соответствующие тематике журнала, редакция вправе направлять на рецензирование специалистам.

Рукописи статей, не принятых в печать, авторы могут получить в редакции.

Ввиду работы редакции на общественных началах гонорары за публикации не планируются.